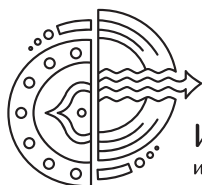

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4>

ISSN 2410-0765

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2023. Том 13, № 4

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2023, vol. 13, no. 4

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2023

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2023

The journal was founded in 2011

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences"
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration of the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor on December 25, 2015

Published four times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences", 2023

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2023

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Scientific editor of the issue: **Alsu V. Akhtyamova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Ishat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

- Michael Kemper**, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)
- Oleg I. Mariskin**, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)
- Petr S. Kabytov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)
- Paul W. Werth**, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)
- Leonid A. Taimasov**, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)
- Rail R. Fakhrutdinov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Сайфетдинова Э.Г. Образ женщин Золотой Орды в записках арабского путешественника Ибн Баттуты	10
Исхаков Р.Р. К вопросу о вхождении Западного Приуралья в состав Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.)	18
Ногманов А.И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости)	35
Роднов М.И. Уфимская дамская мода (формирование провинциальной фэшн-индустрии в пореформенной России)	49
Makhmutov Z.A. Participation of the Tatar Intelligentsia in Scientific, Cultural and Educational Work in Kazakhstan (19th – mid-20th centuries)	69
Суслова С.В. Материалы к культуругенезу волго-уральских татар: финно-угорский тренд в структуре народного костюма	80
Ахтямова А.В. Газета «Тормыш» и крышенская тематика на ее страницах (1913–1918 гг.)	93
Марданова Ф.Ф. Научная и преподавательская деятельность Кадыра и Марьям Губайдуллиных	105
Сухарева И.В., Буранбаева Р.Н., Киньябулатов А.У., Сандырев К.Ю. Об истории приемно-сортировочного эвакуационного госпиталя №3127 в Уфе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	114
Бушуев А.С. Смертность населения Республики Татарстан и Самарской области в 1990–2010 гг.	135

Публикация источника

Белоусов М.Р. Новые документы по истории арзамасских, касимовских и цненских служилых татар (1640-е гг.)	147
Имашева М.М. Особенности процесса наделения астраханских татар землей в Астраханской губернии в первой половине XIX в. в свете характеристики их социально-правового положения	180

Новые книги, рецензии

Файзрахманов И.З. Рецензия на книгу: Саначин С.П. Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани: сборник статей. Кн.2 (Казань, 2022)	189
---	-----

Научная жизнь

Марданова Д.З. Хасан-Гата Габаша и его вклад в общественное пространство и развитие наук (к 160-летию со дня рождения татарского ученого)	194
--	-----

CONTENTS

Articles

Sayfedinova E.G. The image of the Golden Horde womens in the notes of an Arab traveler Ibn Battuta	10
Iskhakov R.R. On the issue of the entry of the Western Urals into the Moscow state (second half of the 16th – 17th centuries)	18
Nogmanov A.I. Legislation of Catherine II on Islam and Muslims (to the 250th anniversary of the publication of the decree 1773 on religious tolerance)	35
Rodnov M.I. Ufa ladies' fashion (formation of provincial fashion industry in post-reform Russia)	49
Makhmutov Z.A. Participation of the Tatar Intelligentsia in Scientific, Cultural and Educational Work in Kazakhstan (19th – mid-20th centuries)	69
Suslova S.V. Materials to the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: Finno-Ugric trend in the structure of folk costume	80
Akhtyamova A.V. The newspaper “Tormysh” and Kryashen theme on its pages (1913–1918)	93
Mardanov F.F. Scientific and teaching activities of Kadyr and Maryam Gubaidullins	105
Sukhareva I.V., R.N. Buranbayeva, Kinyabulatov A.U., K.Y. Sandyrev. About the history of the receiving and triage evacuation hospital 3127 in Ufa during the Great Patriotic War of 1941–1945	114
Bushuev A.S. Mortality rate of the population of the Republic of Tatarstan and Samara Region in 1990–2010	135

Publication of the source

Belousov M.R. New documents on the history of the Arzamas, Kasimov and Tsna service Tatars (1640s)	147
Imasheva M.M. Features of the process of allocating land to the Astrakhan Tatars in the Astrakhan province in the first half of the 19th century in the light of the characteristics of their socio-legal status	180

New books, reviews

Faizrakhmanov I.Z. Book review: Sanachin S.P. Research on the history of the Kazan region, mainly Kazan: collection of articles. Book 2 (Kazan, 2022)	189
--	-----

Scientific life

Mardanov D.Z. Hasan ‘Ata Gabashi and his contribution to public space and the development of sciences (to the 160th anniversary of the Tatar scholar)	194
--	-----

СТАТЬИ

УДК 930

Образ женщин Золотой Орды в записках арабского путешественника Ибн Баттуты

Э.Г. Сайфетдинова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В данной статье рассматривается образ женщины Золотой Орды в описании арабского путешественника Ибн Баттуты, посетившего ставку золотоордынского правителя Узбек-хана в 1334 г. Автор акцентирует основное внимание на анализе взглядов арабского путешественника, который описывает отношение джучидов к своим женщинам и эффективное использование их потенциала в политике и общественной жизни государства. Приведены сведения, в которых путешественник подробно рассказывает о встрече с представительницами прекрасного пола и дает оценку статусу женщин правящей элиты Золотой Орды, оставивших свой отпечаток на развитие страны.

Ключевые слова: средневековая история, Золотая Орда, арабские источники, Ибн Баттута, женский образ

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. Образ женщин Золотой Орды в записках арабского путешественника Ибн Баттуты // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.10–17. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.10-17>

В средневековых тюрко-татарских государствах женщин почитали, проявляли к ним уважение и благоговение, о чем с интересом писали как восточные, так и западные летописцы и путешественники. Известны имена женщин, которые играли не последнюю роль в истории средневековых тюрко-татарских государств: Тайдулла, Гаухаршад, Сююмбике, Нур-солтан. О некоторых из них уже написаны научно-популярные книги и художественные романы [1; 2].

Миссия женщин-правительниц заключалась не столько в соперничестве друг с другом, а в стремлении привести к власти своего сына. В этой борьбе за власть, осуществляемой посредством переворотов и интриг, они не забывали о необходимости внутреннего обустройства государства, налаживания общественной, религиозной и культурной жизни. Авторитет женщин признавали мужчины, иногда уступая им пальму первенства в решении политических вопросов. Такое доверительное отношение к женщинам, возможно, было сформировано по причине постоянных военных кампаний, в которых участвовали мужчины, а женщинам приходилось выполнять не только роль храни-

тельниц семейного очага, но и способствовать развитию внутривосточной и общественной жизни. Они привнесли много полезного, тем самым создавая прочный фундамент при формировании новых тюрко-татарских государств, занимаясь благотворительностью, созданием школ и религиозных сооружений, поддерживая ученую элиту. Все эти преобразования сильнейшим образом повлияли на средневековый тюрко-татарский мир.

Одним из путешественников, который в своих воспоминаниях красочно описал встречу с представительницами прекрасного пола, был арабский путешественник Ибн Баттута¹. Ибн Баттута родился 25 февраля 1304 г. в Танжере (Марокко). Его отец 'Абдаллах ал-Лавати имел духовное звание шейха и служил в должности кади. Родословная ветвь Ибн Баттуты возводится к берберскому племени «лавата», наименование которого закрепилось в нисбе Ибн Баттуты.

О детстве и юности Ибн Баттуты известно совсем немного. Первые знания он получил в медресе. Отец пристально следил за обучением и воспитанием сына, желая видеть его своим преемником в должности судьи (кади). Однако жизнь Ибн Баттуты сложилась иначе, и в историю он вошел под именем одного из известных путешественников.

Первоначальной целью своего путешествия Ибн Баттута считал совершение паломничества к святым местам и посещение Мекки, что в общем-то являлось делом не только богоугодным, но и предписанным обязательством согласно правилам мусульманской религии. Свои впечатления о странах и городах и людях, с которыми ему удалось видаться, он описывал гораздо позже уже после возвращения на родину в Марокко, где и прожил до самой смерти. Его сочинение «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий» [3] было переведено на множество языков.

Наряду с описанием городов и обычаев, он оставил воспоминания, раскрывающие роль знатных женщин в золотоордынском обществе. Особенно подробно путешественник Ибн Баттута описал встречу с женщинами окружения золотоордынского хана Узбека, в ставке которого он побывал в 1334 г.

Конечно, по запискам Ибн Баттуты трудно составить целостную картину об отношении представителей средних и низших сословий средневековых тюрко-татар к женщинам, так как в подавляющем большинстве он описывал представительниц правящей элиты.

Здесь важно отметить, что знатность золотоордынских женщин признавали и в других восточных странах. В частности, египетские султаны, отправляя послов с ценными подарками к джучидским ханам и их темникам, назначали специальные дары для жен вельмож. Так, отправляя в Орду послов, египетский султан ал-Мансур Калавун наряду с другими дарами «послал 16 тюков с драгоценными материями следующим лицам: царю Менгутемиру, Аукаджи, Туданменгу, Тулабуге, Ногаю, который (в то время) уже начальствовал у них; часть материй была для жен, как то: Джиджек хатун, Олджай хатун, Туйлун хатун,

¹ Его полное имя: Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн 'Абдаллах ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Юсуф ал-Лавати ат-Танджи ибн Баттута ибн Хамид ал-Гази ибн ал-Курайш ал-'Али.

Тудайун хатун, Султан хатун, Хутлу хатун, часть – для эмиров, как то: эмира Маву, начальника левого крыла, и эмира Таира, начальника правого крыла, часть – для Йуклук, жены Аукаджи, и часть – для султана Гийас ад-дина, владельца Румского» [5, с.155].

Родовитость и мудрость женщин Золотой Орды настолько покорила султанов Египта, что один из них, а именно султан ан-Насир, был обручен с одной из девушек знатного чингизидского рода по имени Тулбийа в 1320 г. Об этом династическом браке рассказывали многие средневековые арабские источники. Тулбийа в Каире прожила до самой смерти, ее мавзолей и могила сохранены [4]. Ибн Баттута, будучи в Каире в 1326 г., вспоминал о торжественной церемонии выноса покрывала «махмиль»²: «Весна 1326 года. Каир готовится к проходам каравана паломников. Уже объявлено, что эмиром-хаджи султан назначил начальника дворцовой канцелярии Аргуна Давадара. Эту новость каирцы встретили с одобрением: образованный, справедливый, мягкий, Аргун Давадар любим и уважаем в народе. Другая новость, не объявленная глашатаями, в виде слухов гуляет по каирским улицам и рынкам – об отправлении в хадж супруги султана Насира, монгольской хатуну Хунды. Имя хатуну у всех на языке: в памяти каирцев еще свежи воспоминания о пышной свадебной церемонии, состоявшейся шесть лет назад, когда не кто иной, как Аргун, вместе с султанским кравчим Бектемиром и кадием Керим ад-дином доставили прибывшую из Золотой Орды принцессу в цитадель» [6].

В земли Золотой Орды Ибн Баттута прибывает в 1334 г. По пути следования он встречает купеческих жен: «Одна из них была в арбе, которую вез конь, перед нею три или четыре девушки, приподнимавшие полы ее. На голове ее бугтак, т.е. шапочка, украшенная драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху. Окна кибитки были растворены; лицо ее открыто, потому что тюркские женщины не завешиваются. Иная из них таким же образом, со слугами, везет овец и молоко, которые продает народу за благовонные товары. Иногда с женой едет муж ее; если кто увидит его, то примет его за одного из слуг ее. На нем нет (другой) одежды, кроме шубы из овечьей шкуры, а на голове соответствующая этому шапка, которую они называют кула» [5, с.289]. Благодаря наблюдениям путешественника мы можем ознакомиться не только с описанием внешности местных женщин, но и получить информацию об элементах традиционного для того времени костюма.

На пути своего путешествия Ибн Баттута встречался и с женщинами представителей правящей элиты – эмиров золотоордынского хана: «Что касается жен эмиров, то в первый раз мне привелось увидеть их при выезде из Крыма; я увидел (тогда) хатун, жену эмира Салтыя, в арбе ее. Вся она (арба) была обтянута хорошим синим сукном; окна и двери кибитки были раскрыты; перед нею (хатун) находились четыре девушки, чудеса красоты и диковинки по одежде. За ней следовало еще несколько арб, в которых (сидели) девушки, сопровождавшие ее. Приблизившись к месту привала эмира, она сошла с арбы на землю; вместе с ней слезли около 30 девушек, которые приподымали полы ее одежды.

² Махмиль (махмаль) представляет собой богато украшенный паланкин с покрывалом и другими подарками для Каабы.

На платьях ее были петли; каждая девушка бралась за петлю, приподнимая от земли полы со всех сторон, и она (хатун) шла таким образом, важно покачиваясь. Когда она дошла до эмира, то он встал перед ней, поклонился ей и усадил ее возле себя, а девушки окружили ее. Принесли меха с кумысом. Она налила его себе в чашу, присела на оба колена перед эмиром и подала ему чашу. Он напился. Потом она дала напиток брату его, а эмир дал напиток ей. Подано было кушанье, и она поела вместе с ним (эмиром). Он подарил ей платье, и она возвратилась» [5, с.288]. «Жена эмира передвигается в более комфортабельной и наряженной карете. Она богато одета, количество сопровождающих ее лиц выросло в разы. В знак уважения к жене муж встал перед ней, поклонился ей и усадил возле себя. В то же время жена, проявляя любовь и почет к мужу, поит супруга, из своей чаши, присев перед ним на оба колена, вслед за этим он поит ее из этой же посуды» [5, с.288].

Ибн Баттута уделил много внимания женщинам, чья жизнь была связана с ханом. Он оставил подробное описание встречи с Узбек-ханом и описал правила общения хана со своими женщинами. «Когда этот султан (Узбек) в пути, то он (живет) отдельно в ставке своей, и при нем (только) его невольники и сановники его, а каждая из хатун находится отдельно в своей ставке; если же он хочет побывать у одной из них, то посылает к ней, чтобы известить ее об этом, и она готовится для него. И в пребывании его на месте, и в путешествии его, и в делах его порядок удивительный, чудесный. Одна из привычек его (та), что в пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он (состоит) из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его – деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его – из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями. Султан садится на (этот) престол; с правой его стороны – хатун Тайтуглы и рядом с ней – хатун Кабак, а с левой стороны – хатун Байалун и возле нее – хатун Урдуджи. У подножия трона стоит справа (старший) сын султана Тинабек, а слева – второй сын его, Джанибек. Перед ним сидит дочь его Иткуджуджук. Когда приходит одна из них (его женщин), то султан встает перед ней и держит ее за руку, пока она всходит на престол» [5, с.292–296, 302–305].

Из этого отрывка мы видим, что жены и дочь хана по имени Иткуджуджук пользовались большим уважением и почетом. В то время как сыновья стояли у подножия трона, женщины сидели. Причем дочь сидела непосредственно перед отцом, что означало особенное к ней отношение. Возможно, участие дочери Узбек хана в данном мероприятии случилось потому, что она еще являлась супругой старшего эмира Иса-бека.

Ибн Баттута отмечал доминантный статус Тайдуллы – первой жены золотоордынского правителя Узбек хана. «Что касается Тайтуглы, то она царица и самая уважаемая из них (жен) у него. Он идет ей навстречу до двери шатра, приветствует ее и берет ее за руку, а когда она взойдет на престол и усядется, тогда только садится (сам) султан. Все это происходит на глазах людей, без прикрытия. По окончании слепополуденной молитвы царица из хатуней уходит; затем уходят и прочие из них, провожают ее до ее ставки, а по входе ее в нее каждая на арбе своей уезжает в свою ставку» [5, с.290]. Действительно,

Тайдулла играла важную роль в политической жизни Золотой Орды, выдавала ярлыки русскому духовенству, после смерти Узбек хана именно она определила будущего правителя – Джанибека. Несмотря на возвышающееся положение Тайдуллы, каждая из жен Узбек хана сохраняла свои привилегии, о которых рассказывал Ибн Баттута.

У каждой из жен Узбек хана была своя впечатляющая свита: «При всякой (из них) – около пятидесяти девушек верхом на конях. Перед арбой – до двадцати старых женщин верхом на конях между отроками и арбою, а позади всех – около ста невольников из молодежи. Перед отроками – около ста старших невольников верховых и столько же пеших, с палками в руках своих и мечами, прикрепленными к поясам их; они (идут) между конными и отроками. Таков порядок (следования) каждой хатуни их при уходе и приходе ее» [5, с.290–291].

Ибн Баттута также отмечал приверженность к исламу жен правителя, так он писал о встрече с Кабак-хатун: «Мы зашли к этой хатуни и застали ее на тюфяке читающею “достославную книгу” (= Коран). Перед нею (было) около десятка женщин-старух и до двадцати “дочек”, которые шили золотом одежды. Мы поклонились ей, и она прекрасно ответила приветствием и речью. Чтец прочел нам (из Корана); она милостиво обошлась с ним и приказала (принести) кумысу. Его принесли, и она собственноручно подала мне чашу, подобно тому, как это сделала царица» [5, с.292].

Все это подтверждает тот факт, что с принятием ислама Узбек ханом, его окружение было также включено в процесс исламизации. Конечно, трудно сейчас подтвердить, был ли тот случай с чтением Корана делом обыденным либо это была постановочная ситуация, дабы восхитить почтенного гостя.

Жены Узбека, как и подавляющее большинство женщин в Золотой Орде, не покрывали лицо перед мужчинами, как это было принято на родине Ибн Баттуты, и эта традиция особенно запомнилась ему.

Ибн Баттута особо подчеркивает роль знатных женщин в развитии благотворительности. Золотоордынские женщины отличались своей щедростью, строили мечети, угощали путников и малоимущих, хорошо относились к другим женам своих мужей: «Они (жители этой страны) расточают милостыни и раздают большие подарки, в особенности женщины, которые делают большие подаяния и творят добрые дела» [5, с.287]. При отъезде из Орды Ибн Баттута также отметил, что наряду с щедрыми подарками от хана, каждая из его жен и дочь хана также одарили его дарами. «Из хатун каждая подарила мне серебряные слитки, которые они называют саумами – (пишется) через са; в единственном числе саума. Дочь его одарила меня больше (всех) их, одела меня и дала мне верхового коня. Я набрал множество лошадей, одежды да беличьих и соболей мехов» [5, с.302].

Свое почтение арабскому путешественнику выражали и жены влиятельных эмиров Хорезма: «Хатун Джиджаага, жена кадия (судьи Хорезма по имени Абу Хафса), прислала мне 100 динаров серебром, а сестра ее, Турабек, жена эмира, устроила для меня пир, на который собрались правоведы и знатнейшие лица города, в скиту, которую она построила и в которой (раздаются) явства приезжающим и уезжающим. Она прислала мне соболью шубу и пре-

красного коня. Это одна из отличнейших и благочестивейших женщин – да воздаст ей Аллах добром!» [5, с.312].

Одаривая почетных гостей дорогими подарками, женщины представительниц правящей элиты зачастую одевались достаточно скромно, не увлекались бахвальством и кичливостью. В этом отношении примечательна встреча Ибн Баттуты с Тюрабек, которая была дочерью золотоордынского правителя и супругой наместника Хорезма. Встретив ее у ворот скита, он отмечал, что она была, как ему показалась, «в грязной одежде, а на голове покрывало» [5, с.313]. При этом рядом с ней была свита. Ибн Баттута ответил на Тюрабек приветствие поклоном, не придав ее персоне особого внимания. Однако один из слуг свиты догнал путешественника, чтобы сообщить ему: «Женщина, приветствовавшая тебя, – хатун» [5, с.313]. Узнав об этом, Ибн Баттута осознал, что речь идет о представительнице золотоордынской элиты и через слугу высказал сожаление о своем проступке. Скорее, для арабского путешественника было в диковинку увидеть высокосановную хатунь в скромном одеянии, поскольку видел, что женщины-аристократки всегда старались наряжаться и украшать себя.

Наличие нескольких жен у золотоордынского правителя Узбек хана не вызвало негативной реакции у Ибн Баттуты, поскольку сам он был мусульманином и этот брачный обычай был привычен для него. А учитывая то, что Ибн Баттута посетил Золотую Орду уже после официального принятия ислама в качестве государственной религии, полигамия в Золотой Орде, ограниченная шариатскими законами до четырех жен, входила в практику. Возможно, и существовал так называемый гарем с наложницами, однако средневековые летописцы не оставили нам описания. Ибн Баттута не упоминает о таких обычаях, бытующих в Золотой Орде. Возможно, многоженство не было традиционной практикой для правящей элиты Золотой Орды, скорее, это было политической и социальной необходимостью. Ханы брали себе в жены тех женщин, которые продвигали их к власти, даже если это выглядело не совсем естественно.

Жены ханов принимали участие в различных официальных церемониях. Вместе с мужьями они встречали иностранных послов, а если последние болели, делали это самостоятельно. Во время правления Токты (1291–1312), вследствие болезни правителя, с египетскими послами встретились его жены. Об этом событии сообщил Ибн Дукмак: «Когда они прибыли в местность, составляющую летнее пребывание Токты и называющуюся Курна, – на расстоянии десяти дней от города Сарая, – то они застали там Токту больным и вследствие болезни его не виделись с ним, а явились к женам его, представили бывшие с ними (послами) подарки и остались выжидать выздоровления его, но он умер; хатуни снарядили обоих (в путь) и назначили им на переезд из Крыма тридцать тысяч дирхемов Крымских, (из которых) каждая тысяча (составляет) четыреста дирхемов (Египетских)» [5, с.323].

Таким образом, женщины играли активную роль в политике Золотой Орды, в характере многих жен правителей и эмиров Золотой Орды была заложена способность управлять/направлять. Ибн Баттута в своем путешествии был впечатлен статусом и почетом женщин в Золотой Орде и не стал умалчивать об их вкладе в развитие общественно-политической и духовной жизни госу-

дарства. При этом нужно отметить, что позиция женщин Золотой Орды не подразумевала захват власти и нивелирования роли мужчин как правителей государства. Они очень хорошо знали и чтити родовые традиции, не претендовали на роль полноправных правительниц и стремились в дальнейшем передать власть мужчинам своим преемникам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова О.* Повелительницы Казани. Трилогия. Казань: ООО изд-во «Эксклюзив», 2002. 484 с.
2. *Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
3. *Рихля Ибн Баттуты.* Тухфат ан-нузар фи-л Джараиб ал-амсар ва гаджаиб ал-асфар [Электронный ресурс]. URL: <https://ia802700.us.archive.org/5/items/FP4114/4114.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).
4. *Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х.* Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т.5, №1. С.116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125.
5. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
6. *Тимофеев И.* Ибн Баттута [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/istoricheskaya-proza/298514-igor-timofeev-ibn-battuta.html#text> (дата обращения: 07.05.2023).

Информация об авторе:

Сайфетдинова Эльмира Гадельяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017; e-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 28.08.2023

Принята к публикации 18.09.2023

The image of the Golden Horde womens
in the notes of an Arab traveler Ibn Battuta

E.G. Sayfedinova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article discusses the image of the woman of the Golden Horde in the description of the Arab traveler Ibn Battuta, who visited the headquarters of the Golden Horde ruler Uzbek Khan in 1334. The author focuses on the view of the Arab traveler to the

attitude of the Jochids towards their women and the effective use of their potential in the politics and public life of the state. Information is given in which the traveler tells in detail about the meeting with women and assesses the status of the women of the ruling elite of the Golden Horde, who left their mark on the development of the country.

Keywords: medieval history, Golden Horde, Arabic sources, Ibn Battuta, female image

For citation: Sayfedinova E.G. The image of the Golden Horde womens in the notes of an Arab traveler Ibn Battuta. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. vol.13, no.4, pp.10–17. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.10-17> (In Russian)

REFERENCES

1. Ivanova O. *Ladies of Kazan. Trilogy*. Kazan: Exclusive Publ., 2002. 484 p. (In Russian)
2. Pochekaev R.Yu., Pochekaeva I.N. *Rulers of Eurasia. History and myths about the rulers of the Turkic-Mongolian states of the 13th–19th centuries*. Saint Petersburg: Evraziya Publ., 2012. 384 p. (In Russian)
3. Rikhlya Ibn Battuta. *Tukhfat an-nuzar fi-l Dzharaiab al-amsar va gadzhaib al-asfar* [Electronic resource]. URL: <https://ia802700.us.archive.org/5/items/FP4114/4114.pdf> (accessed: 07.05.2023) (In Arabic)
4. Sayfedinova E.G., Gamal' Abdel' Rekhem I.Kh. Dynastic marriage of the Mamluk Sultan of Egypt an-Nasir and Princess Tulunbay according to medieval Arab chronicles. *Golden Horde Review*. 2017, vol.5, no.1. pp.116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125 (In Russian)
5. Tizengauzen V.G. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde, vol.1: Extracts from Arabic Works*. Saint Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)
6. Timofeev I. *Ibn Battuta* [Electronic resource]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/istoricheskaya-proza/298514-igor-timofeev-ibn-battuta.html#text> (accessed: 07.05.2023) (In Russian)

About the author:

Sayfedinova Elmira Gadelzyanovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017; e-mail: adulya2@yandex.ru

Received August 28, 2023

Accepted for publication September 18, 2023

УДК 94(470.5)"16"

К вопросу о вхождении Западного Приуралья в состав Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.)

Р.Р. Исхаков

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации дается ретроспективный анализ интеграции территории Западного Приуралья в состав Московского государства во второй половине XVI–XVII вв. Автор приходит к выводу, что присоединение данной территории и населяющих ее народов имело сложный, многовекторный характер и заняло продолжительное время. Сам этот процесс рассмотрен как постепенное расширение военно-административной инфраструктуры Русского государства на восток и включение местного населения в систему ясачного обложения.

Ключевые слова: Западное Приуралье, башкирцы, Уфа, Закамская черта, ясак

Для цитирования: Исхаков Р.Р. К вопросу о вхождении Западного Приуралья в состав Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.18–34. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.18-34>

Интеграция Приуралья в состав Московского государства и признание местным населением русского подданства имели сложный, многовекторный характер и заняли довольно продолжительное время. Эти процессы были тесно связаны с расширением русской колонизации, а также военно-бюрократической инфраструктуры и его продвижением на восток. Нельзя согласиться с представленным в башкирской историографии взглядом на данное явление как на единовременный акт добровольного подчинения башкирских племен и родов власти Москвы, сопровождавшийся соглашением самодержца и его новых подданных. Так, в третьем томе коллективной монографии «История башкирского народа» можно прочесть, что фактическое присоединение территории Приуралья к Московскому государству произошло в 1554–1557 гг. Переговоры об особых правах башкирцев с царским наместником в Казани сначала вели представители северо-западных племен, затем юго-восточные и восточные племена башкир. В 1557 г. состоялось посольство в Москву, где завершились переговоры с русскими властями, и башкиры получили жалованные грамоты от царя Ивана IV [20, с.44–58].

На чем основываются эти тезисы? Косвенные сведения об этом содержатся в башкирских шежере (родословных). В них, в частности, отмечается, что башкирам от царя Ивана IV были дарованы грамоты на вотчины, в «башкирские жилища» посылались «переписчики» для установления норм ясачной повинности и описания земли [25, с.29]. Но эти данные не находят подтверждения

в русских источниках рассматриваемой эпохи. Нужно учитывать, что башкирские шежере – специфические источники, составленные преимущественно в XIX – начале XX в. на основе народных преданий и фольклора. Как и в других источниках, сконструированных на основе народной исторической памяти, в шежере фиксируются «хронологические наложения» событий разных эпох. В связи с этим при анализе содержащейся в них информации требуется критический подход. Сложно допустить, что еще до строительства Уфимской крепости и появления в крае царской администрации было возможно проведение такой сложной операции, как описание земель на огромной территории Приуралья. В данном случае, факты, приводимые в шежере, могут относиться к более позднему времени.

Единственным прямым документальным свидетельством, подтверждающим правовые отношения между московскими властями и населением Приуралья в период правления Ивана IV, является Никоновская летопись, согласно которой весной 1557 г. казанский воевода Шуйский сообщил в Москву о том, что жители Казанского ханства окончательно признали власть русского царя, а также к нему в Казань «башкирцы пришли, добив челом и ясак поплатили» [24, с.282].

Из данного сообщения нельзя сделать однозначного вывода о том, кем были эти башкирцы, кого они представляли и какой ясак заплатили. Факт оплаты ясака действительно свидетельствует о том, что данная группа ясачного населения вошла в подданство московского царя. Сама эта процедура, наряду с выплатой ясака, должна была сопровождаться принесением шерти, то есть присяги новому правителю. При этом в приведенном отрывке из летописи не говорится о каких-то переговорах и поездке башкирского посольства в Москву.

Кто же были эти башкирцы? Как известно, в состав Казанского ханства входили Беловожская и Башкирская земля (улусы), локализовавшиеся на территории Приуралья. Факт подданства народов этого региона казанским ханам сохранился и в народной памяти. Как отмечает Р.Г. Кузеев, у жителей башкирских поземельных волостей были зафиксированы предания о том, что их предки в период Казанского ханства платили ясак в Казань. Именно выплата «казанского» ясака являлась одним из ключевых маркеров определения границ влияния данного государства. Исходя из этого показателя, можно сделать вывод, что в период своего могущества Казанское ханство контролировало территорию практически до среднего хребта гор Южного Урала. На севере граница проходила по рекам Сылва и Ирень [26, с.64], на юге – истока р.Ик. Как в Закамье, так и в Приуралье фиксируются территории «двойного подчинения», где наряду с казанцами ясак собирали представители Ногайской Орды и Сибирского ханства. После падения Казани Иван IV, став «Царем Казанским», приобрел статус правопреемника казанских ханов-чингизидов, законного правителя для всех жителей бывшего Казанского ханства, в том числе и для части ясачного населения Приуралья, обозначавшегося в русских источниках как «башкирцы». Взятие Казани, как фактора легитимизации права русского царя на земли ханства, нашло отражение в фольклоре народов Приуралья. Так, в шежере племени юрматы отмечалось: «В год мыши, на второй день

октября русские взяли город Казань. После этого Белый бий (т.е. русский князь. – *Р.И.*) стал падишахом (т.е. царем. – *Р.И.*)» [6, с.44].

Само обозначение «башкирец» в русских источниках имело эндонимическое содержание – Московское государство, выделяя ясачное население Приуралья, маркировало его по географическому принципу. Часть территории Приуралья, вошедшая в конце XVI в. в состав Уфимского уезда, с периода раннего средневековья была известна как земля «бастарков», заволжских мадьяр («баскарды/паскатиры»). Несмотря на то, что в период монгольского нашествия местное угорское население было переселено или подверглось культурно-языковой окультурации, данная историко-культурная область продолжала именоваться Баскардией/Башгард/Башкирией. В русских источниках Башкирская земля (улус Казанского ханства) начинает фиксироваться в летописях XV в. Упоминание «Башгирдии» отмечается и в русских источниках XVI в. [5, с.12]. Соответственно, и местное ясачное население вне зависимости от этнокультурной принадлежности согласно сложившейся традиции маркировалось как башкирцы.

Данная традиция сохранялась и после учреждения Уфимского уезда (конец XVI в.). Как справедливо пишет Г.Х. Самигулов, в рамках практически каждого уезда Приуралья и Западной Сибири «существовало унифицированное обозначение ясачного населения [...] Так ясачное население Уфимского уезда называлось “башкиры”, а служилое “тарханы”. Ясачные люди Верхотурского уезда называли вогулами вне зависимости от того, на каком языке они разговаривали и какую религию исповедовали. А в Тобольском и Тюменских уездах были ясачные, служилые и захребетные татары» [26, с.64]. В условиях, когда ясачное население обозначалось в зависимости от принятой в данном уезде традиции, встречались примеры, когда представители одного этнокультурного сообщества могли быть разделены на «башкирцев», «татар» и «вогул». Например, представители племени терсяк, проживавшие на территории Тюменского уезда, назывались татарами, в Уфимском уезде – башкирцами, в Верхнетурском уезде – вогулами [26, с.74]. Схожая ситуация имела место и на территории Среднего Поволжья, в Казанском и Свияжском уездах, где представители ясачного населения из числа татар и чувашей, а также отчасти южных удмуртов в русских документах фиксировались как «ясашная»/ «казанская» «чуваша».

Обозначение ясачных людей могло меняться в случае их переезда на территорию других уездов. Так, если по каким-то причинам «башкирец» выезжал на жительство за пределы Уфимского уезда, он уже переставал фиксироваться как представитель данной социальной группы. Например, башкирец Мамсяк Елкачин с сыном Кузаем, имевшие в Дуванейской волости «Елкичинскую вотчину», перейдя на территорию Кунгурского уезда и поселившись в Карьевской четверти, там уже именовались «ясачными татарами» [10, с.18]. Такую же картину можно наблюдать с башкирцами, выезжавшими в Казанский уезд. Здесь они обозначались как ясашная/ казанская чуваша. Приведем один пример. 21 июля 1622 г. великому князю Михаилу Федоровичу бил челом «казанской чувашенин» деревни Берсет Зюрейской дороги (с. Берсут, современный Мамдышский р-н РТ) Тогайко Беляков. В своей челобитной он писал, что проживает в Казанском уезде и службу служит с «казанской чувашой». В Уфимском

уезде в Юрминской волости (Казанская дорога) у него имелась вотчина «от деда и от прадеда, потому что я родом [баш]кирец и с той государя вотчины даю [...] кунной ясак на Уфу с юрминскими башкирцами»¹.

Возвращаясь к событиям, связанным с покорением народов Казанского ханства, отметим, что взятие Казани еще не означало окончание войны. Для подчинения местного населения, согласно Никоновской летописи, «сам государь послал по всем улусам (бывшего Казанского ханства. – *Р.И.*) черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю, не боясь ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, яко же и прежним Казанским царем» [24, с.221]. Но попытки «замирения» и сбора ясака привели к крупномасштабным выступлениям, приобретшим характер полноценных военных действий – «Казанской войны», в которой, наряду с татарами, приняли участие марийцы, чувашаи и удмурты.

Хотя основным районом, в котором шли активные боевые действия, было Предкамье – «Горная сторона» и «Арская земля», Казанская война оказала сильное влияние и на жителей Закамья и Приуралья. Результатом подавления выступлений народов Среднего Поволжья стало хозяйственно-экономическое разорение региона и значительные людские потери. Красочной иллюстрацией этих событий являются писцовые книги второй половины XVI – начала XVII в., в которых в Предкамье фиксируется большое количество запустелых деревень и пашен – пустошей и пустопорожных земель. Естественным результатом военных акций и принудительной христианизации стало усиление миграции из Предкамья в бывшие восточные улусы Казанского ханства, которые не были затронуты войной. «Вскоре по завоевании Казани, – отмечал дореволюционный историк В.Н. Витевский, – многие из казанских татар и других инородцев, обитавших в пределах нынешней Казанской губернии, удалились в Башкирию и поселились в окрестностях нынешней Уфы, особенно в лесах и по берегам рек» [9, с.370].

В условиях военных действий ни о каком контроле над территорией Казанского края не могло быть и речи. Лишь в 1557 г. русские власти смогли озаботиться проблемой полноценного обложения местного населения ясаком и распределения бывших ханских земель. Для подчинения жителей Закамья и Приуралья был совершен демонстративный военный рейд до верховьев р.Камы. Именно с этими событиями было связано упоминание летописца о выплате ясака населением восточного улуса Казанского ханства. Эти действия с большой натяжкой могут считаться добровольным актом принятия местным населением московского подданства. На наш взгляд, это было вынужденным шагом, связанным с кардинальным изменением военно-политической ситуации в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI в. Соответственно, ни о каком соглашении между двумя сторонами – представителем русского царя и его новыми подданными, предполагавшем предоставление последним особых прав в области землевладения, речи не шло.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.3.

По всей видимости, на страницах Никоновской летописи нашло отражение факт принятия русского подданства весьма ограниченной группой ясачного населения Приуралья, платившего ясак в Казань. Подчинение и обложение ясаком других групп населения Приуралья растянулось на довольно продолжительный отрезок времени. Наибольшие сложности у русской администрации возникли в восточной части будущего Уфимского уезда (Сибирская дорога). С восстановлением в 1563 г. династии Шибанидов на троне Сибирского ханства родоплеменные группы табынцев, терсяк, катайцев, сынрянцев, бикатинцев, айлинцев подтверждают свое подданство Чингизидам и начинают платить ясак хану Кучуму [28, с.83]. Наиболее крупные из них – табынцы, сынрянцы и бикатинцы – становятся основой вооруженных сил кучумовичей. Лишь после окончательного поражения Шибанидов во второй половине XVII в. последние группы этих племен, проживавших в Зауралье, признают власть московского царя.

Вплоть до 1680-х гг. зона военного и политического контроля Москвы в Приуралье имела весьма ограниченный характер. У русских властей был небольшой набор механизмов для закрепления на данной территории и подчинения местного населения. Основной проблемой было отсутствие свободных военных сил занятых в изнурительной Ливонской войне, а также опорных пунктов для продвижения и контроля на новой территории. Весьма символично в этом отношении делегирование некоторых функций государства купцам Строгановым, контролировавшим значительную территорию в районе верховьев р.Камы и Чусовой. В жалованной грамоте Я.А. Строганову от 1572 г. ему разрешалось «ходить войною на Черемис и Башкирцев и приводить их под высокую руку царскую» [33, с.63].

Контролировать население Приуралья и собирать с них ясак из Казани было крайне сложно. Казанская администрация, занятая подчинением народов Предкамья и закреплением в Западном Закамье, фактически не имела возможностей серьезно заниматься освоением и интеграцией Приуралья. В 1671 г. в Свияжском уезде вспыхивает восстание мари, вошедшее в историю как «Вторая Черемисская война» (1671–1674 гг.). Несмотря на поражение повстанцев, полностью подчинить народы Среднего Поволжья не удастся. В 1581 г. восстание приобретает еще более широкие масштабы. В «Третьей Черемисской войне» (1581–1585 гг.), наряду с марицами, активное участие приняли и другие народы региона – татары, удмурты, чуваша, а также ногаи. Для подавления выступления были привлечены существенные военные силы из Центральной России под руководством И.Мстиславского [7, с.19–22]. В данной ситуации контроль над восточными улусами Казанского ханства во многом имел символический характер.

Весьма ограниченные возможности Московское государство имело в продвижении в Западное Приуралье со стороны Верхнего Прикамья, где имелись крупные торговые и военные центры, контролировавшие «пушной путь» в Сибирь. По всей видимости, единственным крупным успехом чердынских воевод стало приведение в русское подданство и обложение ясаком жителей северной части будущей Осинской дороги Уфимского уезда. В «Шежере племени Гайна» говорится о зимнем походе Урак бия в Чердынь, где он прекло-

нил голову пред «падишахом», согласившись платить ясак по 1 кунице с каждого дома [15, с.58].

Точкой отсчета начала планомерной государственной колонизации и подчинения народов Западного Приуралья можно считать строительство в 1686 г. Уфимской крепости. Наиболее ранним источником по истории Уфы является «Отводная книга по Уфе», введенная в научный оборот московским археографом Н.Ф. Демидовой в 1971 г. Он включает коллекцию документов об отводе земель по Уфе с начала 1590-х гг. до 1624 г. Согласно этому источнику, первые отводы земель для жителей города произошли в 1591 г. [12, с.244–255]. Таким образом, Уфа была заселена не ранее конца 1580-х – начала 1590-х гг. В это время население города практически полностью состояло из городских служилых людей. Верхний слой горожан состоял из детей боярских (5 чел.), также здесь были представлены служилые татары, служилые новокрещены, воротники (служилые люди, обслуживавшие городские ворота) и стрельцы. Всего в конце XVI в. гарнизон Уфы составлял около 350 человек. Наряду со служилыми татарами, переведенными сюда с территории Казанского уезда, лица тюрко-татарского происхождения фиксируются среди служилых новокрещен и детей боярских [30, с.261]. Дополнительно, по грамоте 7106 г. (1598/1599 гг.), «по городу Уфе с дворянами и иноземцами» было повелено служить мещерякам [21, с.581]. Кроме городского населения, в начале 1590-х гг. в окрестностях Уфы фиксируется наличие слободских уфимских татар, проживавших в слободе на реке Урюзя (совр. территория г.Уфы).

Служилым людям были отведены поместья в окрестностях Уфимской крепости, опоясывавшие ее нешироким кольцом. По данным Н.Ф. Демидовой, в 1591–1594 гг. было испомощено 193 уфимских служилых людей, им было отведено около 1800 десятин пашни в трех полях и 1500 десятин сенокоса [13, с.268].

Со времени строительства Уфимской крепости начинает оформляться новая административно-территориальная единица – Уфимский уезд во главе с уфимским воеводой, подчинявшимся казанскому воеводскому управлению. Уфимская администрация (уфимский воевода, служащие уфимской приказной избы) имела широкую автономию в принятии решений на территории уезда. Местное население подчинялось и было подсудно только ему. Основным объектом управления уфимского воеводы было местное ясачное и служилое население, а главной задачей – распределение и сбор ясака, натуральных повинностей, обеспечение военного контроля над подвластной территорией.

Длительное время у Уфимского уезда отсутствовали четко очерченные границы, что вызывало споры в «пограничных» районах между жителями соседних уездов. Это было напрямую связано и с продвижением Русского государства на восток, освоением новых территорий и включением в подданство новых групп населения Приуралья. Если на западе естественной границей выступал Казанский уезд, то на востоке – территория кочевий Кучумовичей, то есть бывшего Сибирского ханства. С образованием в 1598 г. Верхнетурского уезда в его состав отошла часть территории Уфимского уезда по рекам Уфа и Чусовая [26, с.69–70]. К концу XVI в., наряду с Уфой, в одноименном уезде возникли другие административные центры – Оса, Каракулино.

В основу системы управления и административного деления Уфимского уезда, как, впрочем, и соседних владений, ранее входивших в состав тюрко-татарских государств (Казанского, Свияжского, Тобольского, Тюменского уездов), были положены традиции, заложенные здесь в золотордынскую эпоху. В XVII в. Уфимский уезд делился на 4 дороги (Казанская, Осинская, Ногайская, Сибирская). Дороги (даруги) являлись относительно самостоятельными областями тюрко-татарских ханств. Не вызывает сомнений связь административных областей – даруг – с главными транспортными трактами государства. Неслучайно понятие «дорога» в XVI–XVIII вв. имело как транспортно-географический, так и административно-управленческий смысл. Административные даруги формировались путем объединения селений, расположенных вблизи важнейших торговых артерий региона. Поскольку все тракты начинались в уездном центре и шли в разные световые направления государства, неудивительно, что административные даруги напоминали треугольники, касающиеся одним своим острием города. Это приводит к мысли, что территория даруг формировалась государственной властью, исходя из направления сухопутных трактов [11, с.293].

По мнению ученых, сам термин «даруга» имеет древнемонгольское происхождение, означает «стоять», «возвышаться над кем-то». Термин первоначально употреблялся для наименования высшего должностного лица, исполняющего различные функции по управлению той или иной территорией и отвечающего за сбор податей. Впоследствии этим словом начали называть и ту область, которой управляла даруга [29, с.228]. Даруги управлялись даруга-беками (монг. *даругачи*) – представителями высшей ханской администрации, проживавшими в своих резиденциях. Даруга-бек был наместником и ставленником хана, который осуществлял сбор ясака с жителей, руководил воинскими подразделениями, контролировал бесперебойное функционирование тракта, почтовых и ямских станций, проводил перепись населения, словом, имел широкий круг прав и полномочий для управления местным населением [32, с.30].

Время возникновения дорог в Уфимском уезде – вопрос дискуссионный, требующий дальнейшей научной разработки с привлечением комплекса разноплановых источников. На сегодняшний день наиболее аргументированной точкой зрения можно признать гипотезу Б.А. Азнабаева. В ходе исследования дел фондов «Уфимская приказная изба», «Печатный приказ», «Посольский приказ», «Спорные дела Генерального межевания» Российского архива древних актов (РГАДА) он пришел к выводу, что вплоть до 1631 г. не упоминается ни одна из четырех дорог Уфимского уезда. Появление данной административно-территориальной единицы, по мнению исследователя, было связано с мероприятиями казанского дворянина С.Т. Аристова и подьячего Б.Юрьева по фискальному учету ясачного и служилого населения Уфимского уезда в 1631–1635 гг. В целях эффективного контроля над значительно возросшим числом ясачного населения С.Т. Аристовым, с учетом опыта соседнего Казанского уезда, было предложено выделение в составе Уфимского уезда четырех дорог [2, с.31]. Таким образом, главной целью создания дорог Уфимского уезда стало облегчение фискального учета населения и сбора ясака, то есть они были созданы как податные округа.

Если согласиться с данным утверждением, то можно сделать вывод о том, что царской бюрократией конструировалась определенная модель управления местным населением, учитывавшая опыт тюрко-татарских государств позднего средневековья. Выделение территории дорог также было связано с ранее заложенными традициями фискальной политики Казанского и Сибирского ханств, а также Ногайской Орды. В зависимости от того, в чьем подчинении находилось местное население до вхождения в состав Московского царства, у него имелись сложившиеся обязательства по выплате ясака, что учитывалось уфимской администрацией при включении их в состав той или иной дороги.

В результате планомерного расширения контроля над территорией Приуралья в первой половине XVII в. происходит стабилизация границ Уфимского уезда. Параллельно идет процесс подчинения местного населения уфимской администрации, заключавшийся в принесении шерти московскому царю, уплаты ясака и занесения плательщиков в специальные ясачные окладные книги. Соответственно, за ясачниками закреплялись определенные участки земли, с которых они должны были вносить в казну ясак. При этом данные земли, хотя и обозначались как «вотчины», не обязательно были их наследственными владениями. Так, в состав ясачных вотчин отошли значительные территории ниже Уфимской крепости по рекам Белая и Нугуш, освободившиеся после откочевки ногаев. В списке с грамоты, выданной юрматынцам сообщается, что «четыре человека от башкирцов, а именно Атяткачь, Каднай и Инзиктемир и Кармыш и пришедши себя объявили рабством своим и приклонились, что нас триста домов, и просили оставшиеся от перешедших нагаевских башкирцов земли по обе стороны Белой реки, верхней урочищ от устья Нугуш реки, нижней урочищ Кугашева гора и Белой реки мысом Кургунском кишу по обе стороны Белой реки текущими мелкими речками и вращками и степями и лесными угодьями и горами, за который платить им в казну сто куниц»². Данная просьба была удовлетворена: «Всех их пожаловать ногайским землями, чтоб платить ежегодно сто куниц, и Таткача бие пожаловал мурзою чином, Одная пожаловал старостой и пожаловал им кармазинным кафтаном»³. В результате «300 домов» юрматынцев получили значительные земельные владения с обязательством вносить в казну ясак в сто куниц, их «лучшие люди» были пожалованы чином мурзы и старосты.

Как уже отмечалось выше, одним из основных показателей признания русского подданства была выплата ясака. Если исходить из этого ключевого показателя, можно сделать вывод, что интеграция башкирцев в состав Московского государства не была завершена к началу XVII в. В это время отмечается сохранение «двойного» подчинения части ясачного населения Уфимского уезда. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщал тюменскому воеводе Л.А. Щербатову, что 40 ногайских сборщиков продолжали собирать ясак «в Уфимском уезде с ясачных волостей с устья Белой Воложки до уфимские и аиские вершины и на Китайской волости» [4, с.45].

² РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.2817. Л.41.

³ РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.2817. Л.41.

В 1607 г. в Уфимском уезде было проведено описание ясачных земель, сопровождавшееся уточнением ясачных окладов. Тем не менее, далеко не все ясачное население региона было записано в окладные книги. К 1629 г. в разрядных списках по Уфимскому уезду числилось 888 дворов, плативших ясак [1, с.53].

Для увеличения ясака и окончательного подчинения местного населения в 1631 г. в Уфу был направлен казанский дворянин С.Т. Аристов, получивший большой опыт в области оценки и размежевания ясачных земель в Казанском уезде. К 1635 г. ему удалось переписать и внести в ясачные книги 2217 дворов ясачных людей. Таким образом, число лиц, записанных и обложенных ясаком, то есть фактически вошедших в подданство московского царя, выросло в 2,5 раза. Мероприятия, осуществленные С.Т. Аристовым, сыграли не менее значимую роль в плане инкорпорации населения Приуралья в социально-политическое поле Русского государства, нежели события 1557 г. Это отразилось и в народной памяти. По всей видимости, именно эти события были зафиксированы в башкирских шежере, хотя и были перенесены на более раннее время.

Впрочем, успешное проведение «переписи» С.Т. Аристова не означало окончательного включения ясачного населения Уфимского уезда в систему фискального обложения Русского государства. Уфимский воевода, опираясь на города-крепости, продолжал контролировать ограниченную территорию. Военный контингент данных опорных пунктов был достаточен лишь для обозначения русского военно-политического присутствия и сбора ясака в «мирное» время. В случае вторжения номадов (джунгар (калмыков), сибирских татар, казахов) или волнений среди местного населения этих сил едва хватало для обороны самих крепостей.

Согласно разрядным книгам, в период управления уфимского воеводы И.И. Чичерина (1625–1628) в Уфе проживало 278 чел., из них 218 были стрельцами. В 1634 г. с назначением воеводой Н.Д. Вильяминава численность гарнизона увеличилась. С ним в Уфу прибыло 48 человек детей боярских. В это время в Уфе проживало 431 чел. Во время воеводства князя Волконского в 1660-х гг. в Уфе служили: детей боярских – 62, литвы и черкас – 22, новокрещен – 10, татар – 3, конных – 100 и пеших стрельцов – 200, всего – 397 чел. [18, с.8–11]. Такое незначительное количество военного гарнизона вынуждало центральные органы власти периодически во время военной угрозы присылать на Уфу дополнительные отряды стрельцов и служилых людей из Казани и центральных уездов. В 1688 г. для усиления уфимского гарнизона из Симбирска был отправлен крупный отряд служилых татар (мещеряков) [4, с.47].

Отдаленная от митрополии Уфа имела существенные сложности в транспортном сообщении с Казанью и Москвой, которое полностью нарушалось в годы «бунтов» и вторжений кочевников.

Уфа и другие русские города-крепости Уфимского уезда представляли из себя небольшие «островки» в бушующем тюрко-финно-угорском «море». Поэтому уфимские воеводы были вынуждены довольно аккуратно проводить курс по фискальному учету и ясачному обложению местного населения. Тем не менее, постепенный рост числа ясачных людей, усиление административ-

ного контроля и русского присутствия в Приуралье и Зауралье не могли не вызывать сопротивления населения и открытых выступлений против московского господства.

Данные выступления в XVII в., закрепившиеся в историографии под названием «башкирских восстаний», имели весьма широкую географию и охватывали разные группы ясачного и служилого населения Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири. При этом роль башкирцев в организации и в самом ходе данных движений не всегда была ключевой. В связи с этим данное название имеет условный характер, на что справедливо указывают современные исследователи [8, с.115].

Главной консолидирующей силой в антимосковских движениях народов Приуралья в XVII в. выступали представители династии Шибанидов (наследники сибирского хана Кучума), а основной идеей – восстановление татарского юрта. Первое крупное выступление произошло в 1633–1635 гг. в разгар проведения переписи С.Т. Аристова. Его возглавили внуки хана Кучума царевичи Аблай и Тевкель, стремившиеся для восстановления своего влияния в Приуралье использовать недовольство ясачного населения региона. В 1633 г. «Кучюмовы ж внучата, а с ним государевы изменники тарские и уфимские татаровя приходили в Уфимский уезд и громили Алыбаевы юрты [...] и ходили воевать в Уфимский уезд не по одно время» [23, с.448]. Таким образом, первоначально данное выступление началось за пределами Уфимского уезда, но было поддержано частью уфимских татар. В ставку кучумовичей переходит и часть недовольных московской политикой башкирцев. В 1655 г. Аблай при поддержке калмыков осадил Уфу и разрушил слободу уфимских татар, оставшихся верными русской администрации. Не сумев взять город, Аблай отступил в верховья р.Уфы, где ему было нанесено поражение отрядом стрелецкого головы Федора Каловского. Но военные действия продолжались, перекинувшись на территорию Зауралья. В 1636 г. в грамоте тюменскому воеводе И.Львову сообщалось, что «колматцкие люди и Кучюмовы внучата и наши изменники тарские и уфимские татарове хотят походить на Тюмень и под Тару и под слободы войною многими людьми» [23, с.435].

Несмотря на то, что кучумовичи не смогли добиться существенных результатов, данное движение наглядно показало усиление сопротивления населения Приуралья действиям русских властей, их поддержку чингизидам, наследникам сибирских ханов. Не менее серьезной угрозой для русского господства в Приуралье было появление новой военной силы – калмыков, стремившихся с помощью кучумовичей подчинить население региона своей власти. Это привело к осознанию московской администрацией необходимости укрепления военной инфраструктуры как для усиления своих позиций в регионе, так и для интенсификации процесса колонизации региона, без чего было невозможно рассчитывать на прочную интеграцию данной территории в социальную «ткань» Русского государства. Для этого в 1650-х гг. начинает реализовываться проект по строительству Закамской засечной линии (черты).

Возведение данного сложного фортификационного сооружения осуществлялось под руководством Н.И. Одоевского, назначенного в 1651 г. воеводой в Казань. По его приказу служилые люди Степан Змеев и Григорий

Львов, изучив местность, составили чертежи и план строительства укреплений. Эти документы были отправлены на утверждение в Москву, в Приказ Казанского дворца. Строительные работы начались в 1652 г. и завершились осенью 1656 г. В результате была построена сложная сеть укреплений, включавшая в себя остроги, защищенные тыном, а также города-крепости, окруженные стенами, рвами и надолбами. Между укреплениями протянулись многокилометровые террасные валы, вдоль которых устраивались рвы, в лесах делались засеки. В некоторых местах в оборонительную линию включались валы, возведенные здесь еще во времена Волжской Булгарии [17, с.33].

Для работы по возведению Закамской черты было привлечено ясачное население Казанского уезда. В первые годы для работы «в степь» брался один человек с 6 дворов. По мере построения черты сюда переселялось земледельческое население «на вечное житье». Свое начало Закамская линия брала от р.Волги, где была возведена крепость Белый Яр, затем тянулась к р.Ерыклы, притоку р.Большой Черемшан, где был поставлен острог Ерыклинский. Далее от Ерыклинского острога она проходила к р.Тия, до Тиинского острога, и рекам Большой и Малый Черемшан, к р.Шешме. Здесь был построен Шешминский острог (Новошешминск). От Шешминского острога черта тянулась к р.Кичуй, к Кичуйскому острогу, и дальше к р.Зай и к Заинской крепости. Продолжалась на р.Мензели возле Мензелинской крепости и завершалась на р.Ик [19, с.58–77].

Наиболее важной в военном отношении крепостью на Закамской черте являлся Мензелинск. Он был построен немного выше старого Мензелинского острога, возведенного в 1584–1586 гг. для сбора ясака и защиты населения Закамья от набегов кочевников. Выгодное географическое положение способствовало превращению его в важный центр колонизации Приуралья.

Хотя основная часть Засечной черты проходила по территории Закамья, ее строительство имело большое значение в укреплении московских позиций в Приуралье. Уфа получила относительно безопасный путь сообщения с Казанью и Москвой, был значительно усилен и военный потенциал в регионе. Именно со строительством Закамской черты начался процесс массовой государственной и вольной колонизации Восточного Закамья и Западного Приуралья.

Наряду со строительством крепостей для предотвращения сопротивления и окончательного подчинения жителей Приуралья внедряется институт аманатства (заложничества). В начале 1660-х гг. уфимским воеводой Волконским было велено с каждой дороги собрать по 12 аманатов, а также 2 аманата с «Ицких волостей». В качестве аманатов выбирались «лучшие люди» [14, с.232–233]. Первоначально заложников направили в Мензелинск, а затем в Казань. Но в 1664 г. по просьбе башкирцев они были переведены в Уфу. Институт аманатства сохранялся и в последующее время, вплоть до 1740-х гг. Периодически происходила ротация аманатов. Аманатство как форма подчинения завоеванных народов было заимствовано Русским государством из ордынской традиции. Оно преследовало те же цели – подчинение и удержание в покорности местное население, недопущение восстаний.

Результатом усиления русского военного присутствия и административного контроля, а также внедрения института аманатства стал рост сопротивления и открытых выступлений населения Приуралья и Зауралья. На начальном этапе основным эпицентром движения было Верхнее Приуралье, где у кучумовичей традиционно была сильная поддержка среди местного населения. Наряду с ясачным населением Приуралья активное участие в движении приняли татары Волго-Вятского края. 16 сентября 1663 г. верхнотурский воевода Иван Камынин доносил: «А завоевались де уфинские и сылвенские и казанские и вятские и уржумские татаровя, да с ними же де татары литовских людей человек сто пятьдесят, а подговаривает де татар воевать Сары-Мергенко [...] и все у них по сговору с крымским царем, а в Сибирь де у них татар отряжено воевать двадцать тысяч бойцов» [16, с.289]. Повстанцы захватили Кунгурский острог, разорили местные монастыри.

Движение постепенно перекинулось в Зауралье и Западное Предкамье. В Уфимском уезде повстанцы захватили с.Архангельское, на месте которого в 1667 г. была возведена русская крепость Бирск, осадили Уфу в Закамье – разрушили Челнинский острог и осадили Мензелинск, а также совершили стремительные рейды вглубь территории Казанского уезда, нанося поражение русским отрядам. Для подавления восстания в Приуралье из Астрахани был отправлен думный дворянин Замятня Левонтьев во главе большого войска, состоявшего из служилых иноземцев, драгун, стрельцов, дворян и детей боярских [31, с.103]. Наряду с русскими войсками против восставших выступили калмыки, стремившиеся использовать данное движение в своих целях. Оказавшиеся между двух огней повстанцы, действовавшие в Приуралье, были вынуждены пойти на переговоры с русскими властями и прекратить восстание [27, с.561].

Тем не менее, сопротивление народов Приуралья росту русской колонизации отмечается и в последующие десятилетия. В 1669 г. восставшие осаждают Заинск, в 1670 г. нападают на Самару, в 1682 г. осаждают Уфу. Как и ранее в военных действиях, принимают участие разные группы ясачного и служилого населения Волго-Уральского региона. В конце июня 1682 г. Уфа находилась «в осаде от мордвы, черемис и башкирцев», вставшие «многое время к Уфе приступают, а тех де воинских людей 30 тысяч, а казанские пригороды повоевали 7 пригородов» [3, с.112]. Главной целью восставших было уничтожение важнейших русских военных опорных пунктов в Закамье и Приуралье, посредством которых русские власти осуществляли расширение своего контроля над данной территорией.

В северном Предкамье башкирцы совместно с мордвой осадили Кунгур, строгановские остроги на р.Сылва [22, с.206], в Зауралье – Китайский и Колчеданские остроги [3, с.118–119]. Восстание было поддержано кучумовичами (султаном Хасаном) и калмыками Аюка-тайши, которые зашли на территорию Уфимского уезда. Только в 1683 г. после мобилизации значительного военного контингента и признания Аюка-тайшой русского подданства восстание пошло на спад и окончательно завершилось к 1684 г.

Таким образом, присоединение Приуралья к Русскому государству и признание местным населением подданства московского царя заняли продол-

жительное время и напрямую коррелировались с расширением военного присутствия Москвы, а также усилением русской колонизации региона. Этот процесс сопровождался сопротивлением местных жителей, периодически перераставшим в открытые военные действия. Ясачное население Уфимского уезда стремилось сохранить статус-кво – положение, сложившееся еще при татарских правителях. С этим был связан проект реставрации татарского юрта в Приуралье, ставший идеологической основой антимосковских движений в регионе в XVII в. во главе с наследниками сибирского хана Кучума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. *Азнабаев Б.А.* К вопросу об административно-территориальном делении Уфимского уезда в XVII в. // Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы: сборник документов. Уфа: ИЯЛИ УНЦ РАН, 2015. С.20–35.
3. *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.
4. *Амирханов Р.Х.* К истории Уфимского края. Альметьевск, 2013. 80 с.
5. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
6. Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1960. 305 с.
7. *Боровиков С.В.* Третья Черемисская война 1581–1585 годов // Актуальные вопросы военной истории: Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2013. С.19–22.
8. *Васьков Д.А.* Потомки Кучума в XVII в. и их роль в организации антирусских выступлений на Южном Урале и в Западной Сибири // «Актуальные вопросы философии, истории и политологии»: Материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч.1 (10 марта 2011 г.). Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. С.114–120.
9. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т.II. Казань, 1897. 291 с.
10. *Габдуллин И.Р.* К вопросу об этносословной структуре тюркского населения Уфимского уезда и губернии в XVII–XIX вв. // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань: Изд-во «ЯЗ», 2010. С.11–34.
11. *Галлям Р.Ф.* Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. Казань, 2002. С.280–316.
12. *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.253–258.
13. *Демидова Н.Ф.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С.265–274.

14. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. Т.68. С.211–237.

15. Долоткозина С.Х. Шежере башкир племени гайна о присоединении к Русскому государству // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1986. С.58.

16. Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею (ДАИ). Т.4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 452 с.

17. Ермаков В.В. Строительство и заселение Закамской оборонительной черты // Восточное Закамье в XVII веке: сборник документов и материалов / сост. В.В. Ермаков, Ю.Н. Иванов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. С.32–43.

18. Ефремов В. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. №1.

19. Ивонин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Императорского русского общества на 1851 год. Ч.1. Кн.1. СПб., 1851. С.58–77.

20. История башкирского народа: в 7 томах / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т.3. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.

21. Материалы по истории Башкирской АССР (МИБ). Т.V. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 783 с.

22. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч.1. М.: Изд-во АН СССР. 494 с.

23. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.

24. Полное собрание Русских летописей (ПСРЛ). Т.XIII. Половина 1-ая. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

25. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1988. 188 с.

26. Самигулов Г.Х. Южное Зауралье (первая треть XV – конец XIX века) // История Южного Урала: в 8 т. Т.6. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С.61–89.

27. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн.VI. Т.11–12. М.: Мысль, 1991. 556 с.

28. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.

29. Татарская энциклопедия. Т.2. Казань, 2005. 656 с.

30. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629) / сост. Н.Ф. Демидова // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.260–351.

31. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 годов // Исторические записки. Т.24. М., 1947. С.30–110.

32. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.

33. Шамигурина И.В. История рода Строгановых в работах Ф.А. Волегова // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб.1. Свердловск, 1974. С.58–67.

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила 05.09.2023

Принята к публикации 29.09.2023

On the issue of the entry of the Western Urals into the Moscow state
(second half of the 16th–17th centuries)

R.R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication provides a retrospective analysis of the integration of the territory of the Western Urals into the Moscow State in the 16th – 17th centuries. The author comes to the conclusion that the annexation of this territory and the peoples inhabiting it was complex, multi-vector in nature and took a long time. This process is considered as a gradual expansion of the military-administrative infrastructure of the Russian state to the east and the inclusion of the local population in the yasak taxation system.

Keywords: Western Urals, Bashkirs, Ufa, Trans-Kama region, yasak

For citation: Iskhakov R.R. On the issue of the entry of the Western Urals into the Moscow state (second half of the 16th – 17th centuries). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.18–34. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.18-34> (In Russian)

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. *Bashkir society in the 17th – first third of the 17th centuries: monograph*. Ufa: Bashkir State University, 2016. 370 p. (In Russian)
2. Aznabaev B.A. On the issue of the administrative-territorial division of the Ufa district in the 17th century. *Bashkir society of the late 16th – 17th centuries. According to the documents of the Ufa Prikaz Izba: collection of documents*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of USC RAS, 2015. Pp.20–35. (In Russian)
3. Akmanov I.G. *Bashkir uprisings of the 17th – early 18th centuries*. Ufa: Kitap Publ., 1993. 224 p. (In Russian)
4. Amirkhanov R.Kh. *On the history of the Ufa region*. Almet'yevsk, 2013. 80 p. (In Russian)
5. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
6. *Bashkir shezhere*. Compiled by R.G. Kuzeev. Ufa, 1960. 305 p. (In Russian)
7. Borovikov S.V. The Third Cheremis War of 1581–1585. *Current issues of military history: Collection of proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812*. Kirov: Vyatka State Agricultural Academy, 2013. Pp.19–22. (In Russian)

8. Vaskov D.A. Descendants of Kuchum in the 17th century and their role in organizing anti-Russian protests in the Southern Urals and Western Siberia. *“Current issues of philosophy, history and political science”*: Materials of the international correspondence scientific and practical conference. Part I (March 10, 2011). Novosibirsk: ENSKE Publ., 2011. Pp.114–120. (In Russian)

9. Vitevsky V.N. I.I. *Neplyuev and the Orenburg region in its former composition until 1758*. Vol.2. Kazan, 1897. 291 p. (In Russian)

10. Gabdullin I.R. On the issue of the ethnic class structure of the Turkic population of the Ufa district and province in the 17th–19th centuries. *Big lie of historians of Bashkortostan (On the issue of the formation of the class of “Bashkirs of patrimonial land” in the northwestern Urals)*. Kazan: YAZ Publ., 2010. Pp.11–34. (In Russian)

11. Galliam R.F. Administrative darugs of the Kazan Khanate: experience of reconstruction. *Kazan Khanate: current problems of research. Materials of the scientific seminar “Kazan Khanate: current research problems”*. February 5, 2002. Kazan, 2002. Pp.280–316. (In Russian)

12. Demidova N.F. The oldest source on the history of Ufa. *From the history of feudalism and capitalism in Bashkiria*. Ufa, 1971. Pp.253–258. (In Russian)

13. Demidova N.F. Land ownership and land use in Ufa district in the 16th–17th centuries. *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe*. 1962. Minsk, 1964. Pp.265–274. (In Russian)

14. Demidova N.F. Administration of Bashkiria and duties of the population of the Ufa province in the first third of the 18th century. *Historical notes*. 1961, vol.68, pp.211–237. (In Russian)

15. Dolotkozina S.Kh. Shezhere Bashkirs of the Gaina tribe about joining the Russian state. *Sources and source studies of the history and culture of Bashkiria*. Ufa, 1986. P.58. (In Russian)

16. Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission. Vol.4. St. Petersburg: Eduard Pratz Publ., 1851. 452 p. (In Russian)

17. Ermakov V.V. Construction and settlement of the Trans-Kama defensive line. *Eastern Trans-Kama in the 17th century: collection of documents and materials*. Compiled by V.V. Ermakov, Yu.N. Ivanov. Kazan: Kazan State University, 2006. Pp.32–43. (In Russian)

18. Efremov V. From the history of the Ufa region. Ufa region at the end of the 16th and 17th centuries. *Bulletin of the Orenburg educational district*. Ufa, 1913. No.1. (In Russian)

19. Ivonin M.I. Description of the Zakamsky lines. *Bulletin of the Imperial Russian Society for 1851*. Part 1. Book 1. St. Petersburg, 1851. Pp.58–77. (In Russian)

20. *History of the Bashkir people: in 7 vol.* Ed. by M.M. Kulsharipov. Vol.3. Ufa: Gilem Publ., 2011. 476 p. (In Russian)

21. *Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic*. Vol.5. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 783 p. (In Russian)

22. *Materials on the history of the Bashkir ASSR*. Vol.4. Part 1. Moscow: USSR Academy of Sciences. 494 p. (In Russian)

23. Miller G.F. *History of Siberia*. Vol.1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 607 p. (In Russian)

24. Complete collection of Russian Chronicles. Vol.13. Half I. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1904. 302 p. (In Russian)

25. Rakhmatullin U.Kh. Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. *Issues of formation of the non-Bashkir population*. Ed. by N.I. Pavlenko. Moscow: Nauka Publ., 1988. 188 p. (In Russian)

26. Samigulov G.Kh. *Southern Trans-Urals (first third of the 15th century – end of the 19th century)*. History of the Southern Urals: in 8 volumes. Vol.6. Chelyabinsk: South Ural State University, 2019. Pp.61–89. (In Russian)

27. Soloviev S.M. History of Russia since ancient times. *Works*. Book VI. Vol.11–12. Moscow: Mysl Publ., 1991. (In Russian)

28. Taimasov S.U. *Bashkir-Kazakh relations in the 18th century*. Moscow: Nauka Publ., 2009. 344 c. (In Russian)

29. Tatar encyclopedia. Vol.2. Kazan, 2005. 656 p. (In Russian)

30. Text of the “Diversion Book for Ufa” (1591/92–1629). Compiled by N.F. Demidova. *From the history of feudalism and capitalism in Bashkiria*. Ufa, 1971. Pp.260–351. (In Russian)

31. Ustyugov N.V. Bashkir uprising of 1662–1664. *Historical notes*. Vol.24. Moscow, 1947. Pp.30–110. (In Russian)

32. Fedorov-Davydov G.A. *Social system of the Golden Horde*. Moscow, 1973. 180 p. (In Russian)

33. Shamshurina I.V. The history of the Stroganov family in the works of F.A. Volegova. *Auxiliary historical disciplines*. Collection 1. Sverdlovsk, 1974. Pp.58–67. (In Russian)

About the author:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Received September 5, 2023

Accepted for publication September 29, 2023

Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах
(к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости)

А.И. Ногманов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья приурочена к знаковому событию в истории государственно-исламских отношений в России – 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости. Автор раскрывает предпосылки выхода данного законодательного акта, хронологию предшествующих ему правовых решений. Показана роль Екатерины II в формировании политики религиозной толерантности, которая затрагивала все вероисповедания, распространенные на территории Российской империи. Особое внимание уделено переменам в жизни поволжских татар, произошедшим вследствие приобретения исламом статуса терпимой религии.

Ключевые слова: Екатерина II, ислам, мусульмане, российское законодательство, указ 1773 г. о веротерпимости, Поволжье, татары

Для цитирования: Ногманов А.И. Законодательство Екатерины II об исламе и мусульманах (к 250-летию издания указа 1773 г. о веротерпимости) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.35–48. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.35-48>

В июне 2023 г. исполнилось 250 лет с момента издания указа Св. Синода «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий...»¹. По названию документа с ним часто связывают официальное признание ислама «терпимой» религией [18, с.83; 3, с.19; 4, с.107; 5, с.3], хотя это не вполне соответствует действительности. При всей значимости указ был лишь одним из законодательных актов екатерининской эпохи, юридически оформивших начало нового этапа в государственно-исламских отношениях.

На протяжении столетий наличие значительной мусульманской общины являлось проблемой для русской правящей элиты. Ориентированная на православие, она считала ислам чуждым, инородным явлением. Негативные последствия идеологического неприятия в большей мере, чем другие мусульмане, испытали на себе поволжские татары, являвшиеся этническим лицом российского ислама до последней четверти XVIII в.

С 1550-х гг. государство побуждало их к принятию православия посредством конфискации земель и крепостных людей у помещиков-мусульман, разрушения мечетей, наложения на последователей ислама дополнительных налогов и повинностей, другими административно-фискальными мерами. Принад-

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. (ПСЗ-1). Т.19. №13996.

лежность к мусульманской конфессии негативно сказывалась на свободе передвижения татар, их экономической деятельности. Пик давления на мусульман пришелся на 40–50-е гг. XVIII в., когда в Среднем и Нижнем Поволжье, а также в Сибири, прокатилась наиболее жесткая в истории кампания христианизации. В эти годы на поволжских татар, упорнее других этносов, сопротивлявшихся православным миссионерам, обрушилась вся мощь государственной машины. Ответом мусульман на религиозные притеснения стало восстание 1755–1756 гг. в Приуралье под предводительством муллы Батырши. По свидетельству Н.А. Фирсова, оно имело «все признаки борьбы за веру Магомета» и грозило перекинуться на татарское население Поволжья [17, с.209]. Опасаясь этого, императрица Елизавета Петровна пошла на сворачивание миссионерской деятельности, смягчила ряд законов, ущемлявших права мусульман.

В истории государственно-исламских отношений в России периоды давления на ислам чередовались с «оттепелями», поэтому указанные меры могли оказаться временным отступлением. Однако восшествие на престол Екатерины II (1762–1796) в корне изменило ситуацию². При ней ислам из гонимого вероучения превращается в терпимую конфессию. Немалую роль в этой своеобразной религиозной «революции» сыграли законодательные решения, обзор которых посвящена настоящая статья.

Первым по хронологии среди этих правовых актов стоит сенатский указ от 6 апреля 1764 г.³ об упразднении Конторы новокрещенских дел (Новокрещенской конторы)⁴ – учреждения, с начала 1730-х гг. осуществлявшего христианизацию мусульман и язычников Поволжья. Указ отменил материальное вознаграждение за принятие православия, упразднил платежи, поставку рекрутов, выплату недоимок за новокрещенных. Последних из ведения конторы передали светским властям, обязав их по истечении трехлетнего льготного срока исполнять подати и повинности наравне с другими государственными крестьянами. Эта мера смягчила исламско-православное противостояние в регионе [4, с.105], обозначила отказ правительства от политики, проводимой предшественниками Екатерины II.

В основе столь радикальных перемен лежал комплекс причин, среди которых забота о безопасности существующего строя переплеталась с экономическими и личностными факторами. К 1760-м гг. явно обозначилась неэффективность миссионерской деятельности в отношении поволжских татар. Н.А. Фирсов указывал, что «ни убеждения миссионеров, ни льготы, даруемые правительством за переход к христианству, ни то обстоятельство, что им приходилось разоряться от платежа за новокрещенных податей, ни уничтожение их мечетей не действовали на них; огромнейшее их большинство оставалось твердыми вере отцов и дедов...» [17, с.182]. Дальнейшее давление на татарское население грозило усугубить его тяжелое материальное положение, усилить и без того растущие антиправительственные настроения. По

² Манифест о вступлении на престол Екатерины II состоялся 28 июня 1762 г. (ПСЗ-И. Т.16. №11582).

³ ПСЗ-И. Т.16. №12126.

⁴ Подробнее о деятельности Новокрещенской конторы см.: [9].

этой причине одним из первых нововведений Екатерины II стало исключение из религиозной политики фактора экономического принуждения – ключевого в кампании 1740–1750-х гг.

Появлению указа 1764 г. также способствовало изменение общей религиозной ситуации в Поволжье. К тому времени большинство языческого населения края приняло православие, и власть не видела необходимости в сохранении для новокрещеных прежних привилегий. Льготы, предоставленные представителям данной социальной прослойки, вызывали недовольство как татар-мусульман, так и русских, не имевших подобных послаблений. Кроме того, отмена привилегий была выгодна казне, заинтересованной в дополнительных налоговых поступлениях.

Главной же причиной смягчения религиозной политики следует считать личную позицию Екатерины II относительно свободы совести и места разных конфессий в государстве. Она была выражена еще до вступления на российский престол: «... Уважать религию, но ни за что не допускать ее в дела государственные» [16, с.191]. Упоминания о Боге и Божественном провидении неизменно присутствовали в официальных обращениях и документах Екатерины, а почетные обязанности православной государыни она исполняла с величайшей пунктуальностью. Вместе с тем глубинные течения религиозной жизни не затрагивали ее души, а мистицизм казался ей мракобесием и чепухой. В подобном отношении к религии, безусловно, сказалось немецкое происхождение императрицы⁵. Ей был чужд духовный антагонизм в отношении мусульман, свойственный русской элите. Екатерина не считала допустимым ни насильственное обращение, ни преследование религиозных меньшинств. Достаточно было, чтобы подданные верили в какого-нибудь бога и выполняли обряды, положенные их вероисповеданию.

В религии Екатерина II видела важный фактор сохранения порядка в государстве, поддержания общественной и личной нравственности. Для нее, как и ранее для Петра I, православная церковь была орудием управления страной [10, с.362], и императрица немало сделала для ее превращения в придаток государственной машины. Ярким подтверждением тому является именно указ от 26 февраля 1764 г. «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян по 150 копеек с души»⁶, к которому прилагался манифест о передаче архиерейских крестьян в ведение Коллегии экономии⁷. Эти законодательные акты упразднили монастырское землевладение в России, подорвав тем самым экономическое могущество и влияние церкви. Монастыри и архиерейские дома лишились 8,5 млн десятин земли, а также около 2 млн крестьян, отписанных в казну. В процессе церковной реформы было ликвидировано более 500 православных монастырей, еще приблизительно 150 обителей должны были существовать

⁵ Екатерина II (урожденная София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская) была дочерью прусского генерала князя Христиана Августа и княгини Иоганны Елизаветы, урожденной принцессы Шлезвиг-Гольштинской.

⁶ ПСЗ-I. Т.16. №12059.

⁷ ПСЗ-I. Т.16. №12060.

на приношения верующих и за счет маленьких участков ненаселенной земли, обрабатываемых руками иноков или нанятых работников [6, с.902].

Уже в первые годы царствования Екатерины II появились законы, демонстрирующие лояльность государства к представителям разных конфессий. Так, в декабре 1762 г. раскольникам, бежавшим за границу, было разрешено вернуться в Россию [11, с.391]. 9 июня 1763 г. состоялся сенатский указ «О дозволении в Астрахани армянам и другим, кто пожелает, по их законам во всех местах строения церквей» [6, с.973–974]. 22 июля 1763 г. был опубликован манифест, обещавший иностранцам, переселившимся из Европы в Россию, полную духовную свободу⁸. 25 февраля 1764 г. Екатерина II подписала указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелического Августинского исповедания», который гарантировал последователям этого религиозного течения беспрепятственное отправление своей «веры и закона»⁹.

В этих условиях ликвидация Новокрещенской конторы представляется логичным шагом, органично вписавшимся в общий курс правительства на либерализацию духовной жизни. Становится понятным и отсутствие реакции православного духовенства на уменьшение поддержки миссионерам со стороны государства, – у него появились более насущные заботы.

Последствием издания указа от 6 апреля 1764 г. стали ходатайства татарского населения об отмене ограничений на религиозной почве. В частности, татары Сеитовой слободы под Оренбургом просили власти снять запрет на наем работников из числа русских людей, а также «крещеных черемисов, мордвы, вотяков и чувашей». Свою просьбу они аргументировали недостатком рабочих рук, создававшим препятствия для хлебопашества. Взамен татары обещали содействовать работникам в выполнении предписаний православной веры (кормить постной пищей в посты и постные дни, отпускать в воскресные и праздничные дни в церкви, располагавшиеся в Бердской слободе и Сакмарском казачьем городке, и пр.). Обязательства предполагалось оформлять в письменном виде в момент найма работников, с уведомлением о совершенных сделках православных священников [15, с.221–222].

Указ от 6 апреля 1764 г. имел значительные последствия для новокрещеных татар, которых уравнивали с мусульманами в отношении налогообложения и повинностей, включая рекрутскую. Скрываясь от рекрутских наборов, новокрещенные массово уходили на уральские и сибирские заводы, где умышлено набирали в долг у их владельцев в расчете, что до выплаты будут избавлены от воинской службы. Другим направлением миграции стала Оренбургская губерния, где выходцы из Поволжья стремились приписаться к сельским обществам, освобожденным от поставки рекрутов. На пресечение их бегства был направлен сенатский указ от 10 сентября 1773 г.¹⁰

Курс на сокращение привилегий новокрещеных прослеживается и в высочайше утвержденном докладе Сената от 5 января 1766 г.¹¹ Он отменил ука-

⁸ ПСЗ-И. Т.16. №11180.

⁹ ПСЗ-И. Т.16. №12057.

¹⁰ ПСЗ-И. Т.19. №14037.

¹¹ ПСЗ-И. Т.17. №12542.

зы 1715, 1718, 1726 и 1730 гг., регламентировавшие порядок возврата крестьянским татарским мурзам и их потомкам поместий, конфискованных по указу Петра I от 3 ноября 1713 г.¹² К 1760-м гг. все эти законодательные акты превратились в анахронизм, поскольку изъятые в 1710-е гг. поместья давно обрели новых владельцев. Тем не менее, выход данного указа дополняет общую картину изменений в духовной сфере.

Указ от 6 апреля 1764 г. обозначил материальные составляющие политики веротерпимости. При издании закона Екатерина II руководствовалась преимущественно рациональными мотивами, поскольку идеологическая составляющая нового курса еще не оформилась. Убежденным сторонником религиозной толерантности императрица становится во второй половине 1760-х гг. под влиянием трудов французских просветителей, а также практического знакомства с нерусскими народами Российской империи. В мае-июне 1767 г., в период подготовки к созыву Уложенной комиссии 1767–1768 гг., Екатерина совершила путешествие по Волге, во время которого собственными глазами увидела этническое многообразие страны. Во время посещения Казани (26 мая – 1 июня) и встреч с татарским населением она убедилась, что ислам – реалья российской жизни, которую не нужно искоренять, а признать как данность. Следствием этого признания стало разрешение на строительство в городе двух каменных мечетей. Во время остановки в Булгаре 2 июня императрица запретила растаскивать камни с татарских могил, а также использовать остатки мусульманских зданий при возведении православных церквей [8, с.10].

Впечатления от поездки по поволжским губерниям были учтены в статьях Наказа, данного 30 июля 1767 г. Уложенной комиссией¹³. Содержание документа охватывает практически все вопросы государственного и общественного устройства, судопроизводства, законотворчества, положения сословий, воспитания юношества, охраны порядка и благочиния в стране [6, с.14]. Наказ не стал официальным законом, однако его влияние на последующее законодательство было значительным, поскольку это была программа, которую императрица намеревалась воплотить в жизнь. В статьях 494–496 Наказа были сформулированы базовые принципы новой религиозной политики, которую можно определить как «разумная веротерпимость»¹⁴. Содержание ста-

¹² ПСЗ-I. Т.5. №2734.

¹³ ПСЗ-I. Т.18. №12949.

¹⁴ «Ст. 494. В том великом государстве, распространяющем свое владение над (с)толь многими разными народами весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или не дозволение их различных вер;

Ст. 495. И нет подлинно иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду;

Ст. 496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утешая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» (ПСЗ-I. Т.18. №12949).

тей, при всей витиеватости их формулировок, обнажает истинные мотивы императрицы – заботу о безопасности империи и существующего строя.

Дальнейшие действия Екатерины II демонстрируют воплощение в жизнь провозглашенных деклараций. 20 августа 1769 г. состоялся именной указ сибирскому губернатору Чичерину, наделивший его правом выдавать разрешения на строительство мечетей в Сибирской губернии¹⁵. 17 июня 1773 г. вышел упомянутый указ Святейшего Синода о веротерпимости, провозглашавший: «Как Всевышний Бог терпит на земли все веры, языки и исповедания, то и Ее величество из тех же правил, сходясь Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовало»¹⁶. В тексте указа имеются ссылки на статьи 494–496 Наказа 1767 г., поэтому его приоритет как источника последующих законодательных норм не вызывает сомнений. В то же время указ 1773 г., в отличие от Наказа, оставшегося декларацией, имел обязательный характер. Хотя формально он являлся указом Синода, однако готовился в Правительствующем Сенате. Статус закона документ получил после состоявшейся 29 мая 1773 г. резолюции Екатерины II на доклад генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского.¹⁷ Правовая сторона указа заключалась в отстранении Русской православной церкви от вмешательства в дела мусульман и предоставлении губернаторам всей полноты власти в этой сфере¹⁸. Следует отметить, что данный законодательный акт вышел до начала Крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, а не является реакцией на нее, как иногда ошибочно считают. То есть инициатива принятия указа 1773 г. о веротерпимости исходила «сверху», от верховной власти, а не являлась результатом давления народных масс.

Смена идеологических установок сказалась и на позиции властей в отношении мусульманского духовенства. Долгое время последнее являлось источником оппозиционных настроений в татарском обществе. Провал кампании 1740–1750-х гг. в отношении татар был во многом обусловлен противодействием со стороны мусульманских духовных лиц, оказывавших значительное влияние на соплеменников. Во время посещения Екатериной II Казани 30 мая 1767 г. губернатор А.Н. Квашнин-Самарин представил ей «старой слободы абызы татары и их жены» [7, с.115]. В ходе этой встречи произошло признание верховной властью реального статуса неофициального мусульманского духовенства и той роли, которую оно играло в жизни татарской общины. Как следствие этого пришло осознание необходимости сотрудничества с ним.

Достижение лояльности татарских мулл становится одной из задач второй половины царствования Екатерины II. Императрица стремилась прибли-

¹⁵ ПСЗ-И. Т.18. №13336.

¹⁶ ПСЗ-И. Т.19. №13996.

¹⁷ ПСЗ-И. Т.19. №13996.

¹⁸ Православным архиереям предписывалось «в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все в рассмотрении светских команд» (ПСЗ-И. Т.19. №13996).

зять их к власти, в том числе через привлечение на государственную службу. Из 17 законодательных актов 1780–1790-х гг., представленных в Полном собрании законов и касающихся ислама, в 13 рассматриваются вопросы, связанные с назначением на должности, деятельностью, обязанностями и привилегиями мусульманских духовных лиц.

Важную роль в реализации этих планов сыграл именной указ от 28 января 1783 г. «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов»¹⁹. Целью указа являлось пресечение практики приглашения мулл из среднеазиатских государств, распространенной среди поволжских татар. Принятие закона устраняло внешнее влияние на приверженцев ислама в России, а также позволяло выдвигать на духовные посты верных людей.

Следующим шагом в данном направлении стало подписание Екатериной II 22 сентября 1788 г. указа об учреждении в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС)²⁰. С его созданием царская администрация приобрела полный контроль над назначением мусульманских священнослужителей. Когда в том или ином приходе появлялась вакансия муллы, претенденты на место вначале испытывались на «благонадежность», после чего их кандидатуры утверждались генерал-губернатором.

Власть ОМДС распространялась на мусульманское духовенство всей империи, за исключением Крыма. Структура учреждения во многом походила на другие бюрократические учреждения, а само оно было приравнено «...к средним судебным местам»²¹. На содержание секретаря, канцелярских и прочих служителей собранию ежегодно выделялось 900 рублей²². Муллы, заседавшие в ОМДС, сменяли друг друга каждые три года. Наиболее существенным отличием собрания от других ведомств было освобождение от присутствия в пятничные дни, установленное именованным указом от 15 июня 1792 г.²³

Установление контроля над мусульманским духовенством преследовало и внешнеполитические цели. С начала 1780-х гг. для продвижения в Казахские степи русское правительство использовало ислам. Православная церковь не могла рассчитывать на успех среди местных племен, поэтому мусульманскому влиянию со стороны среднеазиатских ханств была противопоставлена его российская версия. Активизация восточного вектора внешней политики России хорошо прослеживается по материалам законодательства. В Полном собрании законов среди указов 1780–1790-х гг. нет ни одного документа, отражающего религиозную ситуацию в Поволжье. Большинство законов, касавшихся мусульман, было адресовано должностным лицам Оренбурга, Уфы и других территорий, граничавших с Казахстаном.

Качественные изменения претерпело и содержание законодательных актов, что демонстрирует ситуация с возведением мусульманских культовых

¹⁹ ПСЗ-И. Т.21. №15653.

²⁰ ПСЗ-И. Т.22. №16710. Официальное открытие Духовного собрания состоялось 4 декабря 1789 г.

²¹ Сенатский указ от 17 августа 1793 (ПСЗ-И. Т.23. №17146).

²² ПСЗ-И. Т.23. №16759.

²³ ПСЗ-И. Т.23. №17053.

зданий. В Поволжье их сооружению препятствовали законодательные и административные барьеры. В Приуралье же местным властям **вменялось в обязанность** изыскивать способы к ускоренному строительству мечетей. В 1782–1786 гг. вышли 4 подобных указа²⁴, вследствие которых были построены мечети в Оренбурге и Троицке.

Таким образом, сдерживая развитие ислама во внутренних губерниях, самодержавие одновременно содействовало его пропаганде в «азиатских» областях. Мусульманскую религию Екатерина II рассматривала как способ привлечения кочевых народов в российское подданство, а также удержания их в повиновении. Возведение культовых зданий являлось важным звеном в реализации этих замыслов²⁵.

Те же цели преследовала отправка в Степь верных правительству мулл. Как правило, в этой роли выступали казанские татары²⁶. Помимо духовных функций они выполняли разведывательные поручения. Часть татарских мулл постоянно проживала в Средней Азии под видом повышения квалификации в местных медресе. Другие под прикрытием торговой деятельности регулярно посещали среднеазиатские государства, собирая и доставляя на родину необходимые сведения [1, с.29]. Умения и навыки татарских духовных лиц были востребованы и в других регионах империи. В частности, по именному указу 28 февраля 1792 г. они привлекались для распространения ислама среди кабардинцев и строительства мечетей на Северном Кавказе²⁷. Помимо выходцев из Поволжья и Приуралья, к миссионерской деятельности на юго-восточных рубежах империи привлекались муллы из числа тобольских служилых татар. Уже в первой половине 1780-х гг. они находились на государственном жалованье²⁸.

Приведенные факты демонстрируют прагматизм Екатерины II и ее умение ставить интересы государства выше религиозных предпочтений. Об этом говорят и другие начинания императрицы. 27 августа 1784 г. она учредила особую типографию для печатания документов на арабском, турецком, татарском, персидском, грузинском и греческом языках²⁹. Типография обслуживал нужды Кабинета министров и Коллегии иностранных дел, однако именно здесь в 1787 г. было осуществлено первое в России издание Корана. Книгу напечатали за казенный счет, что также имело рациональное обоснование. По свидетельству А.Г. Каримуллина, это позволило на время отвести просьбы татар о заведении собственного книгопечатания. Кроме того, изда-

²⁴ ПСЗ-И. Т.21. №15352; Т.22. №15991, №16255, №16400.

²⁵ В указе от 4 сентября 1785 г. уфимскому генерал-губернатору О.А. Игельструму Екатерина II выражала уверенность, что «такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим; сие и может послужить со временем к воздержанию их от своевольства лучше всяких строгих мер» (ПСЗ-И. Т.22. №16255).

²⁶ См. именные указы от 27 ноября 1785 г. и 21 апреля 1787 г. (ПСЗ-И. Т.22. №16292, №16534).

²⁷ ПСЗ-И. Т.23. №17025.

²⁸ ПСЗ-И. Т.22. №16014.

²⁹ ПСЗ-И. Т.22. №16048.

ние Корана использовалось в политических целях. Во время войны с турками оно преподносилось как покровительство властей российским мусульманам. Немаловажным фактором являлась финансовая сторона дела. Печатные экземпляры Корана рассылались в уездные земские суды, где осуществлялась их продажа, приносившая ощутимую выгоду казне [12, с.98].

Выбор мест распространения не был случайным. Жизнь мусульманина строилась по законам шариата и где, как не в государственных судебных органах, в которых судились и татары, надлежало продавать священную книгу мусульман. Власть, с одной стороны, демонстрировала уважение к мусульманскому сообществу, с другой – извлекала из этого прибыль. Деньги за реализованные экземпляры Корана поступали в уездные казначейства. В царствование Екатерины II он переиздавался в 1790, 1793 и 1796 гг. [13, с.138]. Ревизия счетов Казанской казенной палаты в 1800 г. показала доход по данной статье на сумму 617 руб. 10 коп. [10, с.248].

Придание исламу статуса терпимой конфессии повлекло изменения в других сферах жизни татарского общества. В частности, ушли в прошлое правовые ограничения и социальные барьеры, установленные для мусульман. 22 февраля 1784 г. Екатерина II подписала указ «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства»³⁰. Документ давал право на утверждения в «благородном» звании тем представителям татарской феодальной знати, чьи предки утратили высокий социальный статус в период реформ Петра I. В действительности, однако, возможности реализовать это право в условиях существующей административно-правовой системы были ограничены.

Возведение в потомственное дворянство предоставляло существенные привилегии. Помимо выхода из податного состояния, освобождения от рекрутской повинности и телесных наказаний, у лиц, утвержденных в дворянском звании, появилась возможность поступать на государственную службу, а у их детей – получить светское образование [18, с.83–101]. Вместе с тем указ 1784 г. не принес татарским князьям и мурзам полного равенства с русскими дворянами. Они были лишены права «покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания», что составляло главную привилегию дворянского сословия³¹. Кроме того, «благородное» происхождение требовалось подтвердить подлинными юридическими документами (жалованными грамотами на поместья, кабаки, рыбные ловли и т.д.). Не всем родовитым татарам удалось это сделать, а тем, кто смог, – добиться утверждения в дворянском звании. К концу правления Екатерины II в родословные книги были внесены, по разным оценкам, от 4811 до 5646 человек, представлявших 177 знатных татарских родов [18, с.90].

Тем не менее, значение указа 1784 г. трудно переоценить. Он демонстрировал бывшей татарской служилой элите покровительство верховной власти. Аналогичный посыл содержался в именном указе от 1 ноября 1783 г. генерал-фельдмаршалу Г.А. Потёмкину. Этот законодательный акт разрешил принимать на военную службу и награждать офицерскими чинами «татарских мурз

³⁰ ПСЗ-I. Т.22. №15936.

³¹ ПСЗ-I. Т.22. №15936.

и чиновных людей»³². Потёмкин мог присваивать звания не выше премьер-майора³³, награждение более высокими чинами являлось прерогативой Екатерины II³⁴. Хотя указ был адресован крымским татарам, их поволжские собратья также получили возможность через военную карьеру повысить свой социальный статус [18, с.90].

Несмотря на позитивные изменения в жизни мусульман, не следует идеализировать процессы, протекавшие в 60–90-е гг. XVIII в. Приобретение исламом статуса терпимой религии, расширение его влияния в отдельных регионах, отвечало стратегическим интересам самодержавия. Пропаганда мусульманского вероучения допускалась лишь на окраинах империи, в отношении тех народов, которые еще не пришли в российское подданство или могли в любой момент его покинуть. Указы о строительстве мечетей носили локально-территориальный характер. Мусульманско-татарское духовенство утратило остатки былой независимости и полностью попало под контроль государственных органов.

Придание исламу статуса терпимой религии не означало отказа государства от поддержки православной церкви. Она, как и прежде, господствовала в духовной сфере. 2 августа 1770 г. вышел указ Сената, запретивший переселение новокрещенных из мест совместного с мусульманами проживания³⁵. В ответ на просьбы об отселении православных соседей Сенат распорядился селить новокрещенных особыми слободами в пределах одного населенного пункта. Тем самым мусульмане лишались прав на строительство мечетей, поскольку закон запрещал их возведение в смешанных по конфессиональному составу селениях. Их жители по духовным нуждам должны были выезжать в деревни, «где есть мечети»³⁶. Кроме того, продолжали действовать запреты на строительство мечетей в селениях с менее 200 душами м.п. [14, с.111–112, 118].

Незыблемой осталась и монополия православной церкви на миссионерскую деятельность. Изменились лишь формы ее проведения. Христианскую проповедь на местах по сенатскому указу от 6 апреля 1764 г. должны были осуществлять специально назначенные проповедники³⁷. Отступление от православия при Екатерине II преследовалось не менее сурово, чем при ее предшественниках. 1 мая 1775 г. состоялся указ «О донесении Сенату из всех присутственных мест по делам об отвращения людей от православной веры»³⁸. Мусульманам, уличенным в подобных деяниях, в соответствии с Соборным уложением 1649 г. и «Наказом» губернаторам 1728 г., грозила смертная казнь через сожжение на костре. Губернские, провинциальные и городовые канцелярии обязали выявлять «совратителей» и предоставлять

³² ПСЗ-И. Т.21. №15861.

³³ Премьер-майор – офицерский чин в русской армии XVIII в., соответствовавший подполковнику.

³⁴ ПСЗ-И. Т.21. №15861.

³⁵ ПСЗ-И. Т.19. №13490.

³⁶ ПСЗ-И. Т.19. №13490.

³⁷ ПСЗ-И. Т.16. №12126.

³⁸ ПСЗ-И. Т.20. №14313.

сведения о них в Санкт-Петербург³⁹. Интересы господствующего вероисповедания отстаивал и Устав благочиния 1782 г.⁴⁰ Закон запрещал поношение христианских символов (Иисуса Христа, Девы Марии, святых угодников и др.), споры против православия, совращение православных в иные вероисповедания и другие проступки, рассматриваемые законодателями как покушение на основы господствующей религии⁴¹.

При Екатерине II сохранилась практика стимулирования иноверцев к крещению. Ключевым элементом этой системы являлось освобождение на три года от податей и повинностей. Особо поощрялись иностранцы, принявшие православие. В награду за крещение именной указ от 20 апреля 1770 г. предоставлял пленным туркам и крымским татарам личную свободу и право самостоятельно выбрать «род жизни». Сверх этого, им полагалось выдать «за крест из сиротской суммы по 3 рубли»⁴².

Приведенные факты показывают, что смягчение отношения к исламу и мусульманам в царствование Екатерины II не поколебало доминирующее положение православной церкви. В религиозной политике устранили перегибы, угрожавшие безопасности существующего строя, подрывавшие благосостояние татар-мусульман как налогоплательщиков. Вплоть до 1917 г. ислам в России развивался в рамках ограничений, установленных государством.

В заключение отметим, что правление Екатерины II не было безоблачным для татар. Свидетельство тому – большие потери татарского населения во время Крестьянской войны 1773–1775 гг. Количество убитых, повешенных, отправленных на каторгу, подвергнутых телесным наказаниям татар исчислялось многими сотнями [2]. Вместе с тем именно Екатерине, единственной из русских самодержцев, татарский народ дал позитивное прозвище «Аби-патша»⁴³. Одним из факторов, обусловивших подобное отношение к императрице, являлось переформатирование государственно-исламских отношений, в котором важную роль сыграл указ от 17 июня 1773 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1996. 199 с.
2. *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 215 с.
3. *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.
4. *Загидуллин И.К.* Превращение ислама в «терпимую» религию в России в период правления Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское мно-

³⁹ ПСЗ-И. Т.20. №14313.

⁴⁰ Устав благочиния 1782 г. регламентировал правовой статус полицейских органов, их систему и основные направления деятельности.

⁴¹ ПСЗ-И. Т.21. №15379.

⁴² ПСЗ-И. Т.19. №13450.

⁴³ Букв. «Бабушка-царица».

гообразии России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.) / отв. ред. И.Р. Миннуллин. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С.103–109.

5. *Загидуллин И.К.* Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.3–11.

6. Законодательство Екатерины II. В 2-х томах. М., 2000. Т.1. В двух томах / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 2000. 1056 с.

7. *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань: Казанский государственный ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 254 с.

8. *Ибнеева Г.В.* Екатерина II и «многонародный» регион Среднего Поволжья: опыт формирования имперской политики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.). Казань, 2010. С.3–13.

9. *Ислаев Ф.Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 214 с.

10. История Татарии в материалах и документах. М.: Гос. социально-экон. изд-во, 1937. 503 с.

11. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.

12. *Каримуллин А.Г.* У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX века. 2-е изд., испр. и перераб. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 206 с.

13. *Крымский А.* История мусульманства. Ч.1–2. М.: Типография В.Гатцук, 1904. 385 с.

14. *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 215 с.

15. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1915. Т.147. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. 1915. 402 с.

16. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 799 с.

17. *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. 448 с.

18. *Хайрутдинов Р.* Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблемы интеграции на рубеже XVIII–XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997. С.83–101.

Информация об авторе:

Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Поступила 09.10.2023

Принята к публикации 23.10.2023

Legislation of Catherine II on Islam and Muslims (to the 250th anniversary of the publication of the decree of 1773 on religious tolerance)

A.I. Nogmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is timed to a landmark event in the history of state-Islamic relations in Russia – the 250th anniversary of the decree of 1773 on religious tolerance. The author reveals the prerequisites of this legislative act, the chronology of legal decisions preceding it. The role of Catherine II in the formation of the policy of religious tolerance, which affected all religions on the territory of the Russian Empire, is shown. Special attention is paid to the changes in the life of the Volga Tatars, which occurred as a result of Islam acquiring the status of a tolerant religion.

Keywords: Catherine II, Islam, Muslims, Russian legislation, Decree of 1773 on religious tolerance, Volga region, Tatars

For citation: Nogmanov A.I. Legislation of Catherine II on Islam and Muslims (to the 250th anniversary of the publication of the decree of 1773 on religious tolerance). *From History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region*. 2023. T.13, no 4, pp.35–48. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.35-48> (In Russian).

REFERENCES

1. Azamatov D.D. *Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries*. Ufa: Gilem Publ., 1996. 199 p. (In Russian)
2. Alishev S.H. *Tatars of the Middle Volga region in the Pugachev uprising*. Kazan: Tatar book Publ., 1973. 215 p. (In Russian)
3. Arapov D.Y. *Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)*. Moscow: Academkniga Publ., 2001. 367 p. (In Russian)
4. Zagidullin I.K. Transformation of Islam into a "tolerant" religion in Russia during the reign of Catherine II. *Second Kremlin Readings: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Catherine II and Imperial Diversity of Russia: Experience of Political and Cultural Interaction" (Kazan, 25–26 September 2009)*. Executive editor I.R. Minnullin. Kazan: Fen Publ., 2010. Pp.103–109. (In Russian)
5. Zagidullin I.K. Preface. *Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the 18th – early 20th centuries: materials of the scientific seminar of the same name, devoted to the 220th anniversary of the establishment of the religious administration of Muslims of internal Russia and Siberia (Kazan, December 18, 2009)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011. Pp.3–11. (In Russian)
6. *Legislation of Catherine II*. In 2 vol. Ed. by O.I. Chistoyakov, T.E. Novitskaya. Vol.1. Moscow: Legal literature Publ., 2000. 1056 p. (In Russian)

7. Ibneeva G.V. *Travel of Catherine II: the experience of "development" of imperial space*. Kazan: Kazan State University Publ., 2006. 254 p. (In Russian)

8. Ibneeva G.V. Catherine II and "multinational" Middle Volga region: experience in the formation of imperial policy. *Materials of the All-Russian scientific-practical conference "Catherine II and Imperial Diversity of Russia: experience of political and cultural interaction" (Kazan, 25–26 September 2009)*. Kazan, 2010. Pp.3–13. (In Russian)

9. Islaev F.G. *Islam and Orthodoxy in the Volga region of the 18th century: from confrontation to tolerance*. Kazan: Kazan University Publ., 2001. 214 p. (In Russian)

10. *History of Tataria in materials and documents*. Moscow: State socio-economic Publ., 1937. 503 p. (In Russian)

11. Kamensky A.B. *From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in 18th century. Experience of holistic analysis*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 575 p. (In Russian)

12. Karimullin A.G. *At the origins of the Tatar book. From the beginning to the 60s of the 19th century*. 2nd edition, corrected and enlarged. Kazan: Tatar book Publ., 1992. 206 p. (In Russian)

13. Krymsky A. *History of Islam*. Part 1–2. Moscow: V.Gattsuk Publ., 1904. 385 p. (In Russian)

14. Nogmanov A.I. *Autocracy and Tatars. Sketches of the history of legislative policy of the second half of the 16th – 18th centuries*. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 215 p. (In Russian)

15. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol.147. Materials of the Catherine Legislative Commission. St. Petersburg, 1915. 402 p. (In Russian)

16. Smolich I.K. *History of the Russian Church. 1700–1917*. Moscow: Spaso-Preobrazhensky Monastery Publ., 1996. 799 p. (In Russian)

17. Firsov N.A. *Inorodichesky population of the former Kazan kingdom in New Russia until 1762 and colonization of the Trans-Kama lands at this time*. Kazan, 1869. 448 p. (In Russian)

18. Khayruddinov R. Tatar feudal nobility and Russian nobility: problems of integration at the turn of the 18th – 19th centuries. *Islam in the Tatar world: history and modernity (materials of the international symposium, Kazan, April 29 – May 1, 1996)*. Kazan, 1997. Pp.83–101. (In Russian)

About the author:

Nogmanov Aydar IIsurovich – Cand. of Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-2013-8339; e-mail: nogmanov_a@mail.ru

Received October 9, 2023

Accepted for publication October 23, 2023

Уфимская дамская мода
(формирование провинциальной
фэшн-индустрии в пореформенной России)

М.И. Роднов

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Уфа, Российская Федерация

Рассматривается процесс формирования одной из отраслей торгово-промышленной деятельности – фэшн-индустрии, включавшей продажу и производство товаров для женщин в российской провинции в 1860–1880-е гг. Предметом изучения является гендерная история, повышение статуса женщины, которая становится самостоятельным собственником или распорядителем бизнеса. В пореформенный период началось быстрое развитие торговли женскими товарами для представительниц «среднего» и «высшего» классов Уфы, столицы возникшей в 1865 г. отдельной губернии. В связи с транспортной изолированностью края, лишь в период летней навигации действовало речное пароходство, доставка «модных» товаров из столиц и заграницы через Нижний Новгород и Казань резко удорожала продукцию. Поэтому в Уфе складывается самостоятельная система производства женской одежды, головных уборов, обуви и даже ювелирных изделий. Это был практически единственный в городе женский бизнес, охватывавший примерно от трети до четверти всех заведений. Либо владелицами, либо распорядительницами, фактически управлявшими делом, были женщины. Изначально возникшая фэшн-индустрия Уфы как развлечение состоятельных чиновниц и купчих, мечтавших вырваться из повседневной обыденности, быстро трансформировалась в серьезный бизнес, приобретавший черты мелкого производства с немалым числом наемных работников. Женское предпринимательство в фэшн-индустрии отличалось более высоким социально-культурным уровнем, дворянки (чиновницы) и купчихи составляли 2/3 хозяев заведений, тогда как в производстве мужской одежды и обуви доминировали мещане. Данная ситуация сохранялась около 30 лет, пока в 1888 г. в Уфу не пришла железная дорога. Приток подешевевшего импорта изменил обстановку.

Ключевые слова: экономика, торговля, индустрия моды, гендерная история, предпринимательство, купечество, Уфа, Южный Урал

Для цитирования: Роднов М.И. Уфимская дамская мода (формирование провинциальной фэшн-индустрии в пореформенной России) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.49–68. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.49-68>

Переход от традиционного к индустриальному обществу сопровождался многочисленными качественными изменениями в жизни социума, одним из важнейших среди которых является статус женщины. В пореформенной Российской империи происходили глубокие перемены в положении женщины, она ста-

новится полноправным участником коммерческой деятельности, собственником, постепенно получает доступ к образованию вплоть до высшего, растет прослойка женщин среди различных профессий.

В современной российской историографии гендерные исследования стали актуальными, что выразилось в большом количестве публикаций. Помимо обобщающих монографий и статей [6; 8; 21; 22], выходят труды о женской повседневности [20], большая литература сложилась о женщинах-дворянках [10; 16; 25]. Особый интерес вызывают исследования роли женщин в предпринимательской деятельности, в первую очередь труды Г.Н. Ульяновой [30; 31; 32; 34]. Галина Николаевна подробно проанализировала женское участие в купеческой благотворительности, подчеркнула значение предпринимательниц из иностранных семей, главное внимание уделив женскому бизнесу в обеих столицах Империи от купчих 1-й гильдии до рядовых торговок.

Г.Н. Ульянова по Москве и Санкт-Петербургу выделяет «феминизированные сегменты» рынка, как области повышенной компетенции женщин – продажа еды, сфера услуг, торговля одеждой и обувью (около 16% рынка в северной столице). По материалам 1860-х гг., в обеих столицах «очагами европейского опыта в торговле женщин-предпринимательниц были, прежде всего, магазины, находившиеся в сегменте роскоши или тяготевшие к нему». Автор подчеркивает большую роль среди хозяек заведений иностранок, а также представительниц «высших» слоев – купчих в Москве, жен военных и чиновников в Петербурге [33, с.74–75, 78].

Активное изучение предпринимательства на Южном Урале и в Среднем Поволжье способствовало интересу историков к женскому бизнесу, ментальности купчих, их социокультурному развитию в пореформенный период. Семейные устои, купеческий домашний быт, где главенствовали купчихи, подробно показан в цикле монографий оренбургского историка Е.В. Бурлуцкой. Елена Вадимовна фиксирует случаи, когда женщина становится во главе дела, прослеживает династические связи предпринимателей, демографию, детально рассматривает ментальность, повседневную жизнь купечества. Несмотря на скудость источников, автор показывает женский купеческий костюм, его эволюцию к европейской городской моде [3; 4; 5, §4.4. Гл. IV «Внешний облик купечества – стиль и имидж»], фиксирует роль женщин-домовладелиц в развитии Оренбурга [9].

«Женская тема» звучит в работах по истории купечества соседних Вятской и Самарской губерний [27; 29]. В монографии И.В. Масловой верно замечено, что «купеческие жены и дочери – это одна из немногочисленных социальных категорий, которые оставались незамеченными не только исследователями, но и их современниками». Автор привлекает факты женского бизнеса, но сложность в подборе документов сказывается. После детального разбора мужского купеческого костюма, Инга Владимировна лишь кратко показывает женский гардероб, в качестве источника привлекая фотографию [17, с.196–197, 243–244].

Аналогичная ситуация в уфимской литературе. Мимоходом затронул женскую тему стерлитамакский историк Д.П. Самородов [28], судьбы наиболее известных уфимских купчих (Блохина, Попова) в общих чертах показаны

краеведом З.И. Гудковой [11]. Среди публикаций особое значение имеет издание М.В. Агеевой сохранившейся в архиве переписки уфимского городского головы А.А. Маллеева. Значительную часть книги составляют письма его супруги Варвары Александровны (с 1891 г.). В них постоянно обсуждаются покупки, женская мода, пошив одежды, письма В.А. Маллеевой открывают внутренний мир высокопоставленной чиновницы: «На ярмарке я купила широкого полотна на простыни и тонкого на восемь наволоков, купила ковер в нашу комнату бухарский, заплатила 4 р. с. [...] Купи [в Петербурге] духов у Рузанова "Банан" и пришли нам [...]. Себе покупай духи "Мимоза" или у Рузанова, или в химической лаборатории. Если нет духов "Banancier", то купи "Мимозы"» [1, с.95, 96].

Выходцы из провинциального чиновничества – Маллеевы – поддерживали тесные контакты с уфимским купечеством, жили не очень богато, в письмах показано функционирование домохозяйства, упоминаются городские предприниматели из фэшн-индустрии (Леск – продажа одежды, торгующая зонтиками m-m Егорова), белешвейки («Сейчас была Сашенька Селанова, взяла твою финляндскую материю. Буду шить из нее юбку [...]. По праздникам Сашенька-мастерица переделала за 1 р. 50 к. с.») [1, с.180, 187, 272]. Письма Маллеевых позволяют увидеть модные предпочтения среднего класса.

Главной проблемой при изучении бизнеса в Российской империи, а тем более специфичных его отраслей, как провинциальная фэшн-индустрия, является ограниченное количество источников, которые охватывали бы предпринимательское сообщество конкретного города. Внутренняя документация купеческих обществ сохранилась в немногих архивах (в Уфе нет), публиковались такие сведения лишь по столицам. Наконец, от мелкого и среднего бизнеса вообще остается крайне мало документации, почему историки вынуждены акцентировать внимание на крупных предпринимателях. Косвенные источники (пресса, нарратив и пр.) восстановить статистическую картину не в состоянии, хотя они позволяют показать функционирование мелкого бизнеса, например, извозчиков [26].

В издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях» (Уфа до 1865 г. являлась гражданской столицей Оренбургской губернии) также находим интересные сведения. В 1852 г. редактор И.П. Сосфенов под псевдонимом «При-б-кий» (Прибельский) в ответ на письмо из Ковно подробно охарактеризовал уфимскую торговлю, включая «дамский» бизнес.

«Захотите ли чтонибудь сшить для себя или для своего семейства, то магазинов и лавок с панским товаром тоже довольно, но лучший из них, как по помещению, богатству, так и по выбору лучших десейнов (образцов. – М.Р.) – магазин Кяхтинского купца Лебедева. Портных заведений тоже довольно; но из них лучшие Любимова, Каткова и Соколова; все трое выписывают модные журналы для своего мастерства. Небогатым же людям рекомендуется портной Ст. Кир. Умнов, проживающий в бывшем доме Галкина, что близ 2 части города. Отличаясь добросовестностью, он не воспользуется вашим лоскутком и непременно его принесет, хотя это и противу обыкновения мастеровых, у которых остатка никогда не бывает, недостаток же с прикупкою существует по большей части [...].

Есть и модистки, но они с грехом пополам; порядочнее других работает Мыльникова; но помещение у нее весьма дурное; нет особой приемной комнаты и отдельной мастерской; все в одной соединено и теснится; впрочем, уборы у нее недороги и не без вкуса» [19].

Эти сведения показывают, что фэшн-индустрия в Уфе начала зарождаться еще в дореформенный период, ряд названных здесь заведений продолжили свою работу и в последующие десятилетия. Середина XIX в. была эрой расцвета русских литературных журналов, регулярно сообщавших новости мира моды. Г.И. Успенский иронизировал в 1854 г.: «На последнем придворном балу в Тюильери белый фай¹ окончательно затмил собою атлас [...]. Теперь, когда крахмаленные юбки с таким позором уступают место [...]. Короче, неизбежность, помимо утреннего неглиже, практиковать также и неглиже вечернее не подлежит уже никакому сомнению. [...] Нельзя не отдать справедливости изящному вкусу французов» [35, с.112].

Отечественные исследователи концентрируют внимание на документации контролирующих органов (минфин, статистические службы, др.). Именно здесь до наших дней дошли большие пласты отчетности о предпринимателях – налогоплательщиках. Одним из таких интереснейших источников являются генеральные поверки торгово-промышленных заведений второй половины XIX в.

Великие реформы 1860-х г. кардинально изменили систему налогообложения и учета предпринимателей [15], в 1863 г. вступило в силу «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов», ставшее основным законодательным актом по регламентации торговой деятельности. В том же году выходит «Инструкция о порядке наблюдения за правильным производством торговли и промыслов». Согласно данной инструкции, городские думы выбирали торговые депутации для наблюдения за торговлей. Городские думы должны были ежегодно проводить генеральную (всеобщую) поверку всех торговых и промышленных заведений [7, с.5]. В Уфимской губернии сразу же начались подобные обследования, хотя проводились они не ежегодно, но в целом по единому стандарту [24].

В уфимском архиве (НА РБ) в фонде Казенной палаты сохранились списки предпринимателей по Уфе (за 1865, 1869, 1873 гг.) и Златоусту (1867 г.). Это были подробные обследования, которые на практике проводили чиновники особых поручений Казенной палаты с торговыми депутатами от здешнего купеческого общества. Последнее было заинтересовано в переписях, в ходе них выявлялись случаи незаконной (незарегистрированной) торговли, гильдейские купцы старались избавиться от конкурентов.

Проводились переписи торговцев и промышленников в Уфе длительное время, несколько месяцев, с весны до осени. Затем они трансформировались фактически в постоянный надзор за предпринимателями, что, с моей точки зрения, и привело к их прекращению.

¹ Фай – шелковая или шерстяная тонкая ткань (франц. фай (faille), в переводе прерывистый или сдвиг). Название объясняется фактурной поверхностью полотна в мелкий рубчик. Материал был в особом почете в XIX в. у вельможной знати.

В ходе этих генеральных поверок фиксировались все постоянные торговцы (кроме базаров и ярмарки), продававшие продукцию не только из стационарных лавок, но из балаганов, ларей, телег, даже с рогожи, постеленной на землю. Торговые депутаты обходили весь город с окраинами, учитывая даже приплывший по реке лес. Регистрации подлежали извозчики, ремесленники, промышленные предприятия, страховые агенты, практически весь уфимский бизнес.

В итоговые ведомости (журналы) вносились поименные сведения о предпринимателях, их сословии, характере бизнеса, подробно о документах на право торговли или ремесла. Помимо собственников указывались приказчики, кто фактически занимался бизнесом, а также количество наемных работников.

Всего в результате переписей было учтено в Уфе в 1865 г. 578 торгово-промышленных заведений, в 1869 г. – 927, в 1873 г. – 1110. Количество предпринимателей в Уфе было настолько велико, что в 1869 и 1873 гг. составлялись дополнительные списки по ремесленным окраинам. В дальнейшем в тексте вся информация, включая таблицы, приводится по подсчетам, сделанным по этим трем переписям².

Три переписи («генеральные проверки») торгово-промышленных заведений Уфы открывают уникальную возможность проанализировать весь местный бизнес, вплоть до мельчайших предпринимателей. И уже на 1865 г. в Уфе существовала своя собственная фэшн-индустрия в виде около десятка разнообразных заведений.

Конечно, огромную роль играл привоз, сеть «панских» и мануфактурных лавок снабжала уфимскую элиту и «средний класс» качественными материями, магазины готовой одежды в Уфе еще не фиксируются. Без сомнения, ввозилось различное дамское верхнее и нижнее белье, обувь, аксессуары, парфюм, но стоило привозное весьма дорого.

До 1888 г., когда в Уфу пришла железная дорога, основным транспортным сообщением оставалось речное пароходство в летнюю навигацию (апрель – октябрь). В остальное же время до Уфы можно было добраться исключительно гужевыми (санными) путями. Поэтому даже состоятельные уфимки заказывали пошив одежды, а также обязательные в ту эпоху (модные) головные уборы у местных мастеров и мастериц.

В таблице 1 показаны производство и продажа в специализированных «дамских» заведениях одежды и головных уборов в Уфе в 1865–1873 гг.

На город с населением в 1873 г. в 21 016 жителей [12] приходилось в общем немало модных заведений, обслуживавших «высшие» и «средние» слои уфимского общества. Причем, происходила быстрая эволюция фэшн-рынка – сокращается количество «чистых» магазинов и магазинов-ателье, где, наряду с продажей привезенной одежды, работали модистки. Доминируют к

² Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-139. Оп.1. Д.5. Л.2–206 (за 1865 г.), Д.33. Л.1–275 (за 1869 г.), Д.71. Л.4–164; Д.71а. Л.329–336 (за 1873 г.).

началу 1870-х гг. мастерские, где по заказам покупательниц шили модные платья, изготавливались головные уборы.

Таблица 1

Производство и продажа в Уфе дамских товаров (одежда, уборы)

Тип заведения / годы	1865	1869	1873	Итого
Магазины дамских товаров	3	1	2	6
Магазины-мастерские дамских изделий	3	2	1	6
Мастерские	3	7	6	16
Всего	9	10	9	28

Кроме того, сохранился список «ремесленникам состоящим в цеху на 1865 год» из 84 чел., включая семь специалистов дамского мастерства. Данные почти совпадают с информацией переписи, это уфимские купчихи Авдотья Мыльникова (1 работница, 4 ученицы) и Паулина Мейер (1 и 2), солдатская жена Анна Дмитриева (4 ученицы), уфимская мещанка Агафья Кирсанова (3 ученицы), коллежская ассессорша Анна Семеновская (2 ученицы), казанская мещанская девица Евгенья Никанорова и единственный мужчина надворный советник Александр Хохряков (4 и 3). А уфимский мещанин Иван Васильев занимался «карсетным» мастерством³.

Уфимская фэшн-индустрия представляла собой молодой и нестабильный рынок, даже за столь короткий срок (восемь лет) он полностью поменялся. Никто из предпринимателей, торговавших или производивших модные женские товары в 1865 г., не сохранил своего бизнеса до 1873 г. Но тенденция формирования устойчивых предприятий все же была налицо, из предпринимателей 1869 г. уже пятеро продолжили дело в 1873 г. Складывался стабильный рынок, отметим, что общее число заведений оставалось без изменений, наверняка, не очень крупному городу Уфе просто не требовалось больше «модных бутиков».

Интересно выглядит сословно-социальный состав предпринимателей. В таблице 2 учтены только фактические распорядители, непосредственные организаторы бизнеса, а не юридические собственники (если они не совпадают). Так, уфимскому купцу 2-й гильдии В. Любимову принадлежал в 1865 г. магазин-мастерская, но хозяйничала в заведении казанская мещанская девица Евгения Никонова, она и учтена в таблице 2.

Единственная крестьянка в 1873 г. – это Дарья Кузьминична Городецкая, которая в 1869 г. была записана уфимской мещанкой. Так что три основные сословные группы: дворянки с чиновницами (9), купчихи (8) и мещанки (8+1) примерно поровну участвовали в фэшн-бизнесе. И, надо особо выделить, производство дамской одежды и уборов было в Уфе почти единственной отраслью с абсолютным доминированием женщин (они также играли большую роль в мелочной торговле готовой едой и продаже спиртного). Причем, в 1873 г. портное заведение, где шилось мужское и женское платье с уборами, принадлежало

³ НА РБ. Ф.И-139. Оп.1. Д.5. Л.294.

уфимскому 2-й гильдии купцу Е.М. Соколову, а в 1869 г. числилась за купчихой Дарьей Николаевной Соколовой (магазин дамских мод, торговавший своей продукцией). Семейный бизнес сохранился. Так что единственным настоящим мужчиной являлся мещанин Иван Васильев, в 1869 г. занимавшийся «портным дамским мастерством». Можно утверждать, что на фэшн-рынке в Уфе царили женщины.

Таблица 2

Социальный состав владельцев (распорядителей) заведениями

	1865	1869	1873	Итого
Дворянки, чиновницы	2	4	3	9
Купцы, купчихи	4	2	2	8
Мещане, мещанки	2	3	3	8
Солдатская жена	1	1	–	2
Крестьянка	–	–	1	1
Всего	9	10	9	28
в том числе:				
Женщины – владельцы бизнеса	4	8	6	18
Женщины – распорядительницы бизнеса	5	1	2	8
Мужчины	–	1	1	2

Что сначала явилось одной из причин нестабильности бизнеса. Мастерские и магазины дамских мод открывали жены уфимских чиновников (в 1865 г. коллежская асессорша Семеновская, жена надворного советника Хохрякова), мужа которых меняли место службы (на 1873 г. они в Уфе не числились). Это была своеобразная барская забава, неработавшие жены состоятельных людей пытались заняться каким-то делом, реализовать свой потенциал, выйти за рамки домашней, семейной рутины.

Видимо, аналогичная ситуация складывалась и среди купеческих жен. Так, в 1865 г. магазин женских шляп держала в Уфе купчиха Надежда Пенно, супруга известного предпринимателя Николая Пенно (Пенна). О нем вспоминал художник Михаил Васильевич Нестеров, происходивший из уфимского купечества: «Вот разукрашенная коврами лавка Пенны, первого конкурента отца, тоже галантерейщика» [18, с.37].

Московский мещанин (купец), затем уфимский 2-й гильдии купец Николай Лаврентьевич Пенна обосновался в Уфе к началу 1850-х гг. По исповедным росписям градо-уфимской Спасской церкви на 1865 г., у него с супругой Надеждой Мартыновной (38 лет, около 1827 г. р.) было немалое семейство: дочери Софья (14 лет), Мария (11), Александра (родилась 25 января 1858 г.), а также сыновья Николай (род. 11 марта 1862 г.) и Сергей (род. 27 июля 1864 г.). Еще одна дочь – Елизавета – скончалась в двухлетнем возрасте 9 декабря 1861 г.⁴

⁴ НА РБ. Ф.И-294. Оп.1. Д.41. Л.245 об.; Оп.2. Д.2. Л.438 об.; Д.3. Л.320 об.; Д.5. Л.455 об.; Ф.И-290. Оп.1. Д.76. Л.92 об.–93.

Как при таком обилии домочадцев, с двумя совсем маленькими детьми, 38-летняя Надежда Мартыновна Пенна в начале 1865 г. решила открыть магазин дамских шляп, где также продавались различные модные женские товары, удивительно. Это была не мастерская, а «чистый» магазин, супруг, наверняка, привозил из Москвы продукцию. При этом не указаны приказчики, сама Надежда Мартыновна стояла за прилавком!

Видимо, купчиха стремилась вырваться из обыденности, воплотить свою энергию в какое-то дело. Но затея быстро сошла на нет, магазин закрылся, тем более, что 26 октября 1866 г. у супругов Пенна родился второй сын Николай⁵. Однако, в 1869 г. в каменном корпусе Гостиного двора работала лавка Пенны с игольным и мускательным товаром, а «при торговле находится жена его Надежда Мартынова и прикащик 2 класса крестьянин Степан Александров». Сумела бы энергичная купчиха проявить себя в бизнесе, осталось неизвестным. 2 июля 1870 г. Надежда Мартыновна Пенна всего лишь в возрасте 40 лет, как указано в метрике, скончалась от апоплексического удара и сердечной болезни⁶.

В других случаях мужья трансформировали прожекты жен. С начала 1865 г. бездетная 41-летняя Татьяна Евгеньевна (†1890), супруга купца Василия Андреевича Любимова⁷, открывает магазин модных суконных товаров в собственном доме на Казанской улице. Владельцем являлся муж, заведовала жена, но «под наблюдением хозяина». А в сентябре 1865 г. В.А. Любимов дополнительно открывает магазин-мастерскую, где 4 работницы выполняли заказы под руководством казанской мещанской девицы Евгении Никоноровой.

На 1869 и 1873 гг. у купца 2-й гильдии В.А. Любимова в его же доме действовало портное мастерство, где под непосредственным руководством хозяина производилось шитье платья, на 1873 г. подчеркнуто – мужского. Пошив одежды продолжался, но уже не женской. Схожая история была в семье купца Адольфа Мейера (кадетное производство). В 1865 г. его супруга Паулина открывает магазин-мастерскую модных женских товаров с 4 работницами. На 1869 г. существовала розничная продажа мануфактуры, где за прилавком стояла 14-летняя дочь.

Эпоха бизнеса «по-барски», забавы уставших от домашнего быта зажиточных купчих и чиновниц, кончилась быстро. С 1869 г. почти все дамские модные заведения в Уфе находились в руках самостоятельных бизнес-вумен, для которых они являлись важнейшим, иногда единственным источником существования. Немало среди них было вдов (в 1873 г. – три).

В 1869 г. одной из мастерских модных изделий в Уфе руководила статская советница Максимович⁸. На 1851 г. в Уфе важную должность губернского контролера в Казенной палате занимал надворный советник Владимир Михайлович Максимович [2, с.6]. В 1873 г. швейный магазин дамских уборов

⁵ НА РБ. Ф.И-294. Оп.2. Д.7. Л.379 об.

⁶ НА РБ. Ф.И-294. Оп.2. Д.11. Л.428 об.

⁷ НА РБ. Ф.И-290. Оп.1. Д.76. Л.88; Оп.2. Д.31. Л.596 об.

⁸ Вера Владимировна Максимович, дочь статского советника, долгие годы преподавала в Мариинской женской гимназии в Уфе.

принадлежал вдове статского советника Фридерике Федоровне Максимович, которая сама руководила трудом шести работниц, изготавливавших в розницу дамские уборы. Свидетельство и билет на мелочной торг она получила в городской управе 29 декабря 1872 г.

Помещение под магазин Ф.Ф. Максимович арендовала на Лазаретной улице (ныне Ленина), в самом центре города, напротив Гостиного двора и Верхней базарной площади в доме купца В.И. Нестерова. Художник Михаил Васильевич Нестеров (1862 г. р.) в детстве дружил с младшим из Максимовичей, сверстником Мишей. «В соседстве с нами жила семья Максимович, – вспоминал живописец. – Сама – католичка, дети, по отцу, православные. У вдовы Максимович была мастерская дамских мод под фирмой "Пчельник". И действительно, там все трудились как пчелы. Сами работали, дети учились и учились прекрасно. Жили дружно» [18, с.38].

В Уфе появляется стабильный женский бизнес по пошиву модной одежды, изготовлению головных уборов, существовавший в 1869 и 1873 г. – купчихи Авдотьи Федотовны Мыльниковой, вдовы коллежского асессора Ольги Павловны Бот и др. Наверняка, рентабельность этих заведений была достаточно высокой, почему сюда устремился мужской капитал. Но вкладывавшие деньги уфимские купцы неизменно непосредственное руководство поручали женщинам. На 1869 г. купец 2-й гильдии П.С. Колмацкий держал магазин мод дамских, приказчиком 1-го класса (с правом подписи, доверенное лицо, а не простой продавец) была казанская мещанка Евгения Наканоровна Дегентова. В 1873 г. в его магазине управляла казанская мещанка Любовь Алексеевна Свешникова. А в магазине дамских мод купца П.А. Одинцова всеми делами распоряжалась жена купеческого сына Ольга Степановна Кадкина.

Осенью 1880 г. прибывший в Уфу ссыльный народник С.Я. Елпатьевский увидел посреди города огромную площадь, в которую вливались почти все улицы и вокруг которой разместилась уфимская цивилизация: «Красовалась вывеска "Дамская портная", а обвитый сеном обруч и без вывески говорил понятливым людям, что здесь постоянный двор».

Местное общество четко делилось на «фраки и поддевки». Уфимское чиновничество подражало Петербургу. «Не особенно были распространены семейные вечера, балы с танцами бывали только в Дворянском собрании – излюбленная форма приемов был "раут". Там и выговаривали так: "на раут". Мужчины во фраках, *chapeau clogue* [мужской головной убор, разновидность цилиндра (шапокляк. – М.Р.) в руке, дамы декольте дефилировали в шести-семи комнатах мизерабельного уфимского дома».

Земцы, купцы, дворяне-помещики ходили в поддевках, в них «бывали друг у друга, в поддевках сидели на земских собраниях, в поддевках и являлись в клуб» [14, с.86, 92]. В уфимской (дамской) моде соседствовали и соперничали аристократическая (петербургская) мода и упрощенный полукупеческий костюм, дамский вариант «поддевки», что запомнилась С.Я. Елпатьевскому.

Уфимские дамские мастерские и магазины обеспечивали вкусы обеих социальных групп. Не случайно, уже в 1865 г. присутствуют портнихи из «низших» классов: солдатская жена Анна Дмитриева и уфимская мещанка

Агафья Кирсанова, у каждой трудилось по четыре ученицы. Кроме того, даже причислявшие себя к местной элите дворянские дамы, жены высокопоставленных чиновников в приватной домашней обстановке надевали упрощенную одежду, которую можно было заказать у рядовой портнихи.

Думается, что жесткий разрыв в женской городской одежде во второй половине XIX в. постепенно сходил на нет, бальные платья декольте, как и мужские фраки с парадными мундирами служащих, оставались праздничной формой, не часто используемой.

К 1873 г. появился единственный в Уфе портной, занимавшийся пошивом как женской, так и мужской одежды, что можно также оценивать как проявление большого спроса и хорошую доходность именно женской моды. В 1869 г. жена уфимского купца 2-й гильдии Дарья Николаевна Соколова одна занималась пошивом женской одежды, которую продавала в своем магазине. На 1873 г. портное заведение «мужского и дамского гордероба» числилось за купцом Е.М. Соколовым. Там изготавливали мужское и женское платье, а также уборы, которые здесь же продавались.

Дамский бизнес в Уфе принципиально отличался от мужского. Если у первых дворянки, чиновницы, купчихи составляли примерно половину всех предпринимателей, то среди мужских портных безоговорочно доминировали мещане. В 1865 г., по данным обследования, в Уфе работали 18 мужских портных (из них 16 мещан, отставной унтер-офицер и купец), в 1869 г. было 26 заведений, из которых 20 принадлежали мещанам, три – отставным военным (унтер, солдат и кантонист), одно – крестьянину и два – купцам. В 1873 г. зафиксировали 22 портных заведения (19 мещанских, два купеческих, одно у крестьянина). Ни одна женщина в Уфе не шила мужскую одежду (хотя нередко упоминается помощь семейных).

Полные статистические данные о торгово-промышленной деятельности в Уфе меняют представления о дамском модном бизнесе. Заведений (с магазинами) пошива одежды для женщин в Уфе стабильно насчитывалось около десятка, а мужских портных было до 22–26 заведений. Примерно каждое третье – четвертое предприятие Уфы в 1860–1870-е гг. по изготовлению одежды специализировалось на женском ассортименте!

Постоянно меняющаяся мода, на которую дворянки и купчихи денег не жалели, проникновение в средние и низшие классы стандартов *Haute couture*, породило на уфимском рынке небольшую «индустрию красоты». Сюда устремились бизнес-леди из высших классов. А вот среди мужских портных абсолютно доминировало «серое» мещанство, хотя требовалось шить фирменные мундиры чиновникам и гимназистам, военным и полицейским. Даже в русских поговорках про портных господствуют мужские имена: «Швец Данило: что ни шьет – все гнило».

Второе (условное) место в гардеробе модницы занимает обувь. Материалы трех переписей уфимских предпринимателей дают меньше информации о рынке женской обуви. В 1865 г. в Уфе зафиксировано девять сапожников, все мужчины, двое бывших солдат, остальные мещане.

Что интересно, не было и специализированной торговли обувью. Видимо, дорогая привозная фасонная женская обувь стояла на прилавках общих

дамских магазинов, лавок с панским и красным товаром. А местная выделка женской обуви носила характер мелкого ремесла, кроме того, в большой деревне Нижегородке, возле города, было сосредоточено крупное ремесленное кожевенное производство.

В 1869 г. в Уфе было зарегистрировано уже 29 сапожных заведений, почти все мещане, немного отставных нижних чинов. И среди мужиков-сапожников встречаем двух дам: вдову унтер-офицера Василису Ивановну Ильину и жену безсрочно-отпускного рядового Наталью Васильевну Савинову. Обоим принадлежали сапожные заведения с наемными рабочими. Можно предположить, началась специализация на женской обуви. В том году фиксируется на главной Верхне-Торговой площади отдельная торговля обувью, двое отставных рядовых держали столы с обувью.

Перепись 1873 г. подтверждает динамику, впервые отмечается выделка дамской обуви. Уфимский мещанин Иван Ермолаев занимался башмачным мастерством (4 работника, 3 мальчика), причем он только «приготавливает дамскую обувь». Бывший рядовой Е.Ф. Наймушин шил «мужскую и дамскую обувь при 4 работниках».

А всего в Уфе в 1873 г. зафиксировали 21 сапожное или башмачное заведение, включая указанные выше два. Производство обуви в Уфе принимает промышленные черты, много работников (57 человек и 31 мальчик), кустарей-одинок или трудившихся только с членами семьи абсолютное меньшинство. Сложились даже три артели сапожников.

Возникает специализированная продажа обуви для женщин. Уфимский купец 2-й гильдии Н.И. Титов в своем магазине в 1873 г. торговал «в розницу мужской и дамской обувью», а на толчке солдатка Палагея Егоровна Кустова и отставной унтер Н. Бажанов со столов продавали кожевенную женскую обувь, наверняка, простонародную. Обувь (разную) на Верхне-Торговой площади сбывали еще четверо, включая солдатку Веру Филипову, у которой можно было купить кожаную обувь.

Более слабое развитие рынка дамской обуви в Уфе объяснялось естественными факторами. Дорогие модельные образцы для балов и раутов, скорее всего, привозились из столицы и не составляли существенной доли рынка. Повседневная женская обувь, видимо, была простых форм, в первую очередь пригодная для хождения по не самым благоустроенным уфимским улицам.

Явно женскую специфику носила еще одна отрасль уфимской торгово-промышленной жизни. В 1865 г. три галантерейных торговца, включая В.И. Нестерова, отца знаменитого художника, продавали серебряные изделия. В 1869 г. отмечена торговля и золотыми изделиями, а уроженец Нижегородской губернии П.А. Одинцов (затем купец) даже открыл специализированный «магазин с золотыми и серебряными изделиями». Среди этих торговцев присутствовала уфимская 2-й гильдии купчиха Настасья Прокопьевна Сысоева, державшую лавку «с галантерейным товаром, а также с серебрянными и золотыми вещами», за прилавком – муромские и ярославские мещане.

Одновременно в Уфе в 1865 г. работали восемь ремесленников, записанных в переписи как «серебряк» (7 мещан, один крестьянин). Список цеховых ремесленников в Уфе на 1865 г. также сообщает о восьми «серебряного мас-

терства» лицах⁹. В 1869 г. их насчитывалось семеро (6 мещан и крестьянин Нерехтского уезда Костромской губернии), все они занимались «серебряных дел мастерством». В 1873 г. серебряков или серебряных дел мастеров было всего четверо, они делали «новые вещи», производили «поделку мелких серебряных вещей» или же занимались разной мелкой починкой серебряных вещей. Всего трое мещан, а четвертой была крестьянка Василиса Балдина. Последняя лично заведовала мастерской, где производилась починка «мелочных серебряных вещей при одном работнике».

Устойчивое ремесленное производство в Уфе разнообразных изделий из серебра, наверняка, в основном ориентировалось на женские запросы. Мужская мода (запонки, булавки на галстуки, пр.) вряд ли могла прокормить семьи кустарей, как и обслуживание религиозных нужд (нательные крестики, оклады икон). Производство серебряной посуды не фиксируется, да и расход дорогого материала в этом случае был велик. Скорее всего, уфимские серебряки изготавливали женские украшения – серьги, цепочки, кольца, браслеты.

При изучении фэшн-индустрии нельзя забывать, что к 1870-м гг. в Уфе сохранялся спрос на традиционную сельско-мещанскую одежду. Отмечена торговля крестьянским холстом, двое уфимских мещан держали красильные заведения. Недалеко от Спасской церкви В.Я. Яковлев производил «крашение разных шелковых, бумажных и суконных материй при 1 работнике». Окраска тканей бытовала в простонародной среде.

Уфимский дамский бизнес стремительно приобретал рыночный формат, увеличивалось число наемных работников, работниц и учениц. Так, по, наверняка неполным, сведениям, в 1873 г. в модных заведениях Уфы трудились 18 наемных работниц, еще 11 мужских душ были заняты шитьем дамской обуви. В отдельных мастерских число занятых доходило до 5–7 человек. Формировался слой профессиональных женщин-работниц, потребность в которых возрастала. «Нужны хорошие швеи в мастерскую Ольги Павловны Бот», сообщала реклама [40].

Существование в Уфе сложившейся фэшн-индустрии в 1870-х гг. отразила рекламная газета «Уфимский листок объявлений и извещений», издававшаяся купцом Н.К. Блохиным. Из номера в номер публиковались объявления, например: «На Мало-Казанской улице, в трех-оконном доме П.П. Тевкелева, открыта мастерская дамского платья и белья. Работы выполняются в срок, назначенный заказчиками. Фасоны – с последних парижских картинок» [36].

Упомянутая Ольга Павловна Бот сообщала, что в ее мастерской «приготовлен большой выбор весенних шляп, кружевных, тюлевых, волосных и соломенных. Цены шляпам от 5-ти до 10 руб.» [37].

На первой странице блохинского «листка» помещали свои объявления известные торговцы Пенна и Любимов, Э.Ф. Власова зазывала весной 1876 г. в свой магазин. Там «на многие предметы парфюмерного товара значительно понижены цены.

Мужские варшавской работы штиблеты, вместо прежней цены 6 р. 50 к., продаются по 6 руб. Лионский шелковый фай, вместо прежней цены по 4 руб.

⁹ НА РБ. Ф.И-139. Оп.1. Д.5. Л.293.

50 к. за аршин, продается по 3 р. 50 к. за аршин. С цен за чулочную бумагу скинуто 20 к. с рубля и за дамские рабочие корзинки – 50 к. с рубля. Получены цветочные и огородные семена. Зонты мужские получены в большом выборе, а дамские ожидаются с первою почтой» [38].

Об уфимском рынке парфюма сообщает торговец Федор Виноградов, державший лавку внутри Гостиного двора. Из парфюмерного товара ему поступили «мыла степных душистых трав, английское розовое и желтое, тридас, кавказская роза, гигиеническое от загара и вновь рекомендованное многими газетами и журналами мамонтовое мыло; помада высших сортов, духи модные, весовые и в флаконах» [39].

Реклама расширяет список заведений фэшн-индустрии. Во время переписей владельцы мастерских обычно кратко сообщали о своей специализации. Так, в 1873 г. мастеровой Усень-Ивановского завода, что в Белебеевском уезде Уфимской губернии, Иван Федорович Скоробогатов указал о занятии сапожным мастерством с 4 работниками, без конкретики.

В газетной же рекламе И.Ф. Скоробогатов зазывал клиентов в свое сапожное заведение на Бекетовой улице Уфы, именуя себя цеховым сапожных дел мастером. Он сообщал, «что разные самой лучшей доброты и высших сортов свежие коженные заграничные и российских привилегированных фабрик товары лично мною куплены на Нижегородской ярмарке и уже получены. Заказы, вновь принимаемые и готовая всякого рода обувь, мужская, дамская и детская, в моей мастерской исполняется из всего свежего товара [...]. Принимаю заказы на всякую обувь по письменным требованиям гг. иногородных». Скоробогатов ездил со своей продукцией по Бугурусланскому и Оренбургскому уездам [39].

Таким образом, уникальные материалы трех переписей (генеральных поверок) торгово-промышленных заведений Уфы в 1865, 1869, 1873 гг. однозначно свидетельствуют о существовании провинциальной фэшн-индустрии. Сложился стабильный рынок на пошив женской (модной) одежды, изготовление головных уборов, дамской обуви и серебрянных украшений. Дороговизна и эпизодичность привоза модной продукции из столиц (через Нижний и Казань) стимулировала уфимских ремесленников и модисток предлагать свои услуги местному дворянству, чиновничеству, военным, быстро увеличивавшимся в численности предпринимательским слоям (купцам, мещанам, зажиточным крестьянам).

Дамский бизнес принципиально отличался от производства мужской одежды и обуви доминированием среди предпринимателей представительниц «высших классов», более того сфера уфимской фэшн-индустрии являла собой почти исключительный случай чисто женского бизнеса. Само существование подобного явления нельзя не рассматривать как проявление наступавшего феминизма, гендерной революции, причем в глубокой провинции. Богатые купчихи, чиновницы, дворянки устремились в «индустрию красоты» сначала как в забавное времяпрепровождение, но затем это становится серьезным коммерческим предприятием. Можно полагать, что рентабельность дамских заведений была немалая, раз заинтересовались местные купцы-мужики.

Полученные материалы полностью подтверждают выводы Г.Н. Ульяновой – повышенная роль женщин-предпринимательниц в сегменте «роскоши», значительный удельный вес купчих, жен военных, чиновников и дворян, присутствие иностранных по происхождению (или выходцев из западных губерний) женщин. Данное исследование показывает, что общие тенденции, выявленные Г.Н. Ульяновой по обоим столицам, присутствовали и в провинции, включая отдаленный Южный Урал.

Уфимский рынок успешно развивался. К 1883 г. среди крупнейших магазинов за пределами Гостиного двора статистики выделили галантерейный магазин купчихи Пелагеи Николаевны Андреевой на Большой Казанской улице. Здесь производилась продажа галантереи, дамских нарядов «и косметических веществ». Это далеко не первое упоминание о торговле в Уфе косметикой. Видимо, впервые во 2-й части Уфы купец 2-й гильдии Борис Абрамович Гительман открывал магазин готового платья.

Руководивший обследованием уфимский статистик Николай Александрович Гурвич собрал информацию также о ремесленных заведениях (он выбирал самые крупные). В Уфе насчитывалось 16 мастерских мужского платья (почти все мещане), среди мужчин была единственная женщина, уже знакомая нам купчиха Татьяна Любимова. Ее мастерская в собственном доме на Большой Казанской улице продолжала действовать.

Отдельно Н.А. Гурвич выделил 6 швейных мастерских дамских нарядов: 1) вдовы дворянки из знаменитого рода, связанного с фамилиями Аксаковых и Осоргиных, Александры Владимировны Нагаткиной, 2) купчихи из очень богатой семьи Анастасии Петровы Паршиной, 3) вдовы вольного штурмана Любви Васильевой Менхен, и трех мещанок. Последние – уфимская мещанка Елизавета Жолина, нижегородская Серафима Сергеевна Хлебникова, а также дочь казанского мещанина девица Любовь Алексеевна Свешникова (в 1873 г. она была приказчицей у купца Колмацкого).

На 1883 г. в Уфе также работали 9 сапожных мастерских и сохранились серебряки. Было 6 мастерских серебряных дел и позолоты, среди которых встречаем знакомую уфимскую мещанку Василису Леонтьевну Балдину, в 1873 г. она числилась крестьянкой, занимаясь ювелирным производством [13, с.94, 95, 100–105].

В конце 1880-х гг. уфимская фэшн-индустрия, наверняка, испытала сильнейшее потрясение – в 1888 г. началось движение по Самаро-Уфимской железной дороге. Южный Урал получил круглогодичное, непрерывное сообщение с центром Империи и заграницей. В Уфимскую губернию хлынули высококачественные модные женские товары (и украшения) по уже достаточно приемлемым ценам. Уфимские кустари-ремесленники, модистки и ювелиры столкнулись с мощной конкуренцией, любую причуду парижской моды вскорости можно было увидеть на прилавках уфимских магазинов. Импорт был весьма значителен, что показывают данные по привозу текстильных и шерстяных тканей из польских земель [23]. Наступила новая эпоха, в которой уфимские ремесленники и мелкие предприниматели, специализировавшиеся на фэшн-индустрии, оказались внутри быстро развивавшегося всероссийского рынка.

Автор благодарит за ценные (дамские) советы и помощь кандидата исторических наук Веру Николаевну Макарову и уфимского краеведа Татьяну Викторовну Тарасову.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Маргарита*. Уфимский городской голова Александр Маллеев: История в письмах. Уфа: Информреклама, 2020. 448 с.
2. Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г. 137 с.
3. *Банникова Е.В.* Дореформенное купечество Южного Урала: повседневная жизнь в городской среде. Оренбург, 2009. 238 с.
4. *Банникова Е.В.* Повседневная жизнь уральского купечества в первой половине XIX века. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2010. 206 с.
5. *Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: Полторак, 2014. 440 с.
6. *Барышников М.Н.* Женщины в структуре российского предпринимательства в начале XX века // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы / гл. ред. и сост. В.Ю. Жуков. СПб.: С.-Петерб. междунар. ин-т менеджмента, 2001. С.51–64.
7. *Биленко Н.А.* Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки (Тула). 2018. №1. С.4–9.
8. *Биленко Н.А.* Торговое предпринимательство женщин в губернском городе Тула второй половины XIX века // Тульский научный вестник. Серия история. Языкознание. 2021. Вып. 2 (6). С.29–44.
9. *Бурлуцкая Е.В., Шлеюк С.Г., Абдрахманов К.А.* Оренбург купеческий. Городской ландшафт как пространство повседневности. Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга», 2018. 270 с.
10. *Веременко В.А., Жукова А.Е.* Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
11. *Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа: Гилем, 2003. 216 с.
12. *Гурвич Н.А.* Населенность губернии и густота населения // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч.1. Уфа, 1873. Разд. паг. С.8.
13. *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа: печатня Н.К. Блохина, 1883. Разд. паг. Отдел I.
14. *Елътъевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1984. 360 с.
15. *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццло М.К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.
16. *Кашук Л.А.* Сумароковы-Эльстоны, Юсуповы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 256 с.
17. *Маслова И.В.* Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. М.: Флинта: Наука, 2010. 352 с.

18. *Нестеров М.В.* Давние дни. (Воспоминания, очерки, письма). Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1986. 560 с.

19. Оренбургские губернские ведомости. 1852. 18 октября.

20. Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: сб. документов и материалов / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: Медиа-папир, 2020. 184 с.

21. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2012. 202 с.

22. *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 500 с.

23. *Роднов М.И.* Уфа – Варшава: экономические связи Польши и внутренних регионов Российской империи (рубеж XIX–XX вв.) // Русский Сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXII. М.: Модест Колеров, 2017. С.413–439.

24. *Роднов М.И.* Переписи торгово-промышленных заведений Уфы в 1860–1870-е гг. // История России и Финляндии в современных исследованиях / Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». Вып. 6 / науч. ред.: Н.В. Дунаева, С.Г. Кашенко. СПб.: Президентская библиотека, 2021. С.206–214.

25. Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 12 (28) / ред.-сост. М.В. Нащокина. М.: Изд-во «Жираф», 2006. 880 с.

26. *Самарина Л.А.* Легковой извоз в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // История повседневности. Научный журнал (СПб., Пушкин). 2019. №3 (11). С.91–115.

27. Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 370 с.

28. *Самородов Д.П.* Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии. Вторая половина XIX – начало XX вв. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1999. 349 с.

29. *Судовиков М.С.* Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров: изд-во ВятГГУ, 2009. 342 с.

30. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., Наука, 2005. 415 с.

31. *Ульянова Г.Н.* Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С.32–58.

32. *Ulyanova G.N.* Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia. London: Pickering & Chatto Publishers, 2009. 254 с. [*Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели в России XIX века, на англ. яз.]

33. *Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014–2015. М.: РОССПЭН, 2016. С.54–82.

34. *Ульянова Г.Н.* Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С.140–169.

35. Успенский Г.И. Собрание сочинений. Т.3. Новые времена, новые заботы. Очерки и рассказы / под общ. ред. В.П. Друзина. М.: гос. изд-во Художественной литературы, 1956. 456 с.

36. Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 12 января.

37. Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 5 апреля.

38. Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 15 марта.

39. Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 23 августа.

40. Уфимский листок объявлений и извещений. 1878. 16 октября.

Информация об авторе:

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7654-4782; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Поступила 09.10.2023

Принята к публикации 23.10.2023

Ufa ladies' fashion (formation of provincial fashion industry in post-reform Russia)

M.I. Rodnov

Institute of History, Language and Literature,

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Ufa, Russian Federation

The process of formation of one of the branches of commercial and industrial activity – the fashion industry, which included the sale and production of goods for women in the Russian province in the 1860s–1880s – is considered. The subject of study is gender history, raising the status of a woman who becomes an independent owner or manager of a business. In the post-reform period, the rapid development of trade in women's goods began for representatives of the "middle" and "upper" classes of Ufa, the capital of a separate province that emerged in 1865. Due to the transport isolation of the region, only during the summer navigation period the river shipping company operated, the delivery of "fashionable" goods from the capitals and abroad through Nizhny Novgorod and Kazan sharply increased the cost of products. Therefore, an independent system for the production of women's clothing, hats, shoes and even jewelry is being developed in Ufa. It was practically the only purely female business in the city, covering about a third to a quarter of all establishments. Either the owners or managers who actually managed the business were women. Initially, the fashion industry of Ufa as an entertainment for wealthy officials and merchants who dreamed of breaking out of everyday life, quickly transformed into a serious business, acquiring the features of small-scale production with a considerable number of employees. Women's entrepreneurship in the fashion industry was distinguished by a higher socio-cultural level; noblewomen (officials) and merchant women made up 2/3 of the owners of establishments, while the production of men's clothing and shoes was dominated by the bourgeoisie. This situa-

tion persisted for about 30 years, until the railroad arrived in Ufa in 1888. The influx of cheaper imports has dramatically changed the situation.

Keywords: economics, trade, fashion industry, gender history, entrepreneurship, merchants, Ufa, South Urals

For citation: Rodnov M.I. Ufa ladies' fashion (formation of provincial fashion industry in post-reform Russia). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023. vol.13, no.4, pp.49–68. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.49-68> (In Russian)

REFERENCES

1. Ageyeva M. *Head of the city of Ufa Alexander Malleev: History in letters*. Ufa: Informreklama Publ., 2020. 448 p. (In Russian)
2. *Address-calendar of the Orenburg province. 1851*. Ufa, 137 p. (In Russian)
3. Bannikova Ye.V. *Pre-reform merchants of the South Urals: everyday life in an urban environment*. Orenburg, 2009. 238 p. (In Russian)
4. Bannikova Ye.V. *Everyday life of the Ural merchants in the first half of the 19th century*. Orenburg: RTSRO Publ., 2010. 206 p. (In Russian)
5. Bannikova Ye.V. *Everyday life of the provincial merchants (based on materials from the pre-reform Urals provinces)*. St. Petersburg: Poltorak Publ., 2014. 440 p. (In Russian)
6. Baryshnikov M.N. Women in the structure of Russian entrepreneurship at the beginning of the twentieth century. *Facts and versions. Historical and cultural almanac. Research and materials*. Ed. by V.Yu. Zhukov. St. Petersburg: St. Petersburg International Institute of Management, 2001. Pp.51–64. (In Russian)
7. Bilenko N.A. Journals of general verification of trade and industrial establishments as historical sources for the study of the internal market of the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities (Tula)*. 2018, no.1, pp.4–9. (In Russian)
8. Bilenko N.A. Trade entrepreneurship of women in the provincial city of Tula in the second half of the 19th century. *Tula Scientific Bulletin. History series. Linguistics*. 2021. Vol.2 (6), pp.29–44. (In Russian)
9. Burlutskaya Ye.V., Shleyuk S.G., Abdrakhmanov K.A. *Orenburg merchant. Urban landscape as a space of everyday life*. Orenburg: Orenburg Book Publ., 2018. 270 p. (In Russian)
10. Veremenko V.A., Zhukova A.Ye. *Educational practices in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries*. St. Petersburg: Leningrad State University, 2020. 232 p. (In Russian)
11. Gudkova Z.I. *Entrepreneurs of the South Urals*. Ufa: Gilem Publ., 2003. 216 p. (In Russian)
12. Gurvich N.A. Population of the province and population density. *Memorable book of the Ufa province with a statistical map of the province*. Ed. by N.A. Gurvich. Part 1. Ufa, 1873. P.8. (In Russian)
13. Gurvich N.A. *Reference book of the Ufa province. Numerical and descriptive information refers to 1882–83. and only a very few – to previous years*. Ufa: N.K. Blokhin Publ., 1883. Division 1. (In Russian)

14. Elpatievsky S.Ya. *Memories of fifty years*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1984. 360 p. (In Russian)
15. Zakharov V.N., Petrov YU.A., Shatsillo M.K. *History of taxes in Russia. 9th – early 20th century*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 296 p. (In Russian)
16. Kashuk L.A. *Sumarokov-Elston, Yusupov and Crimea*. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2014. 256 p. (In Russian)
17. Maslova I.V. *The mentality of the merchants of the county towns of the Vyatka province of the 19th – early 20th centuries*. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2010. 352 p. (In Russian)
18. Nesterov M.V. *The days of old. (Memories, sketches, letters)*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1986. 560 p. (In Russian)
19. *Orenburg Provincial Gazette*. 1852. October 18. (In Russian)
20. *Servants in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries: collection of articles, documents and materials*. Ed. by V.A. Veremenko. St. Petersburg: Media-papir Publ., 2020. 184 p. (In Russian)
21. Pushkareva N.L. *The private life of a Russian woman in the 18th century*. Moscow: Lomonosov Publ., 2012. 202 p. (In Russian)
22. Pushkareva N.L., Belova A.V., Mitsyuk N.A. *Sweeping away the prohibitions: sketches of Russian sexual culture of the 11th–20th centuries*. Moscow: New Literary Review Publ., 2021. 500 p. (In Russian)
23. Rodnov M.I. Ufa – Warsaw: economic relations between Poland and the inter-nal regions of the Russian Empire (the turn of the 19th–20th centuries). *Russian Collection: Studies on the history of Russia*. Ed. by O.R. Airapetov, M.A. Kolerov, Bruce Manning, A.Yu. Polunov, Paul Chasty. Vol.22. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2017. Pp.413–439. (In Russian)
24. Rodnov M.I. Censuses of commercial and industrial establishments in Ufa in the 1860s–1870s. *History of Russia and Finland in modern research. Collections of the Presidential Library. Series "Electronic Archive"*. Vol.6. Ed. by: N.V. Dunaeva, S.G. Kashchenko. St. Petersburg: Presidential Library Publ., 2021. Pp.206–214. (In Russian)
25. *Russian estate. Collection of the Society for the Study of Russian Estates*. Vol.12 (28). Ed. by M.V. Nashchokina. Moscow: Giraffe Publ., 2006. 880 p. (In Russian)
26. Samarina L.A. Car transport in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th century). *History of everyday life. Scientific journal*. 2019, no.3(11), pp.91–115. (In Russian)
27. *Samara merchants: milestones in history*. Ed. by E.P. Barinova. Samara: Sa-mara University Publ., 2006. 370 p. (In Russian)
28. Samorodov D.P. *The establishment of capitalism in trade in pre-revolutionary Bashkiria. Second half of the 19th – beginning of the 20th centuries*. Sterlitamak: Sterli-tamak State Pedagogical Institute, 1999. 349 p. (In Russian)
29. Sudovikov M.S. *Merchant class of the Vyatka-Kama region at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries*. Kirov: Vyatka State Humanitarian University, 2009. 342 p. (In Russian)
30. Ulyanova G.N. *Charity in the Russian Empire. 19th – early 20th century*. Moscow: Nauka Publ., 2005. 415 p. (In Russian)
31. Ulyanova G.N. Women – owners of industrial enterprises in Moscow in the 19th century. *Economic history. Yearbook. 2007*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. Pp.32–58. (In Russian)

32. Ulyanova G.N. *Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia*. London: Pickering & Chatto Publ., 2009. 254 p.

33. Ulyanova G.N. Women entrepreneurs of St. Petersburg and Moscow in the 1860s (based on “Reference books on persons who received merchant certificates”). *Economic history: yearbook. 2014–2015*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016. Pp.54–82. (In Russian)

34. Ulyanova G.N. Women entrepreneurs of the Russian Empire in the 1890s: economic activity, sociobiographical and ethnic parameters. *Economic history: yearbook. 2016–2017*. M.: Institute of Russian History RAS, 2017. Pp.140–169. (In Russian)

35. Uspensky G.I. *Collected works. Vol.3. New times, new concerns. Essays and stories*. Ed. by. V.P. Druzina. Moscow: State Publishing House of Art Literature, 1956. 456 p. (In Russian)

36. *Ufa sheet of announcements and notices*. 1876. January 12. (In Russian)

37. *Ufa sheet of announcements and notices*. 1876. April 5. (In Russian)

38. *Ufa sheet of announcements and notices*. 1876. March 15. (In Russian)

39. *Ufa sheet of announcements and notices*. 1876. August 23. (In Russian)

40. *Ufa sheet of announcements and notices*. 1878. October 16. (In Russian)

About the author:

Rodnov Mikhail Igorevich – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7654-4782; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Received October 9, 2023

Accepted for publication October 23, 2023

Participation of the Tatar intelligentsia in scientific, cultural and educational work in Kazakhstan (19th – mid-20th centuries)*

Z.A. Makhmutov

*Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research
Kazan, Russian Federation*

This article is devoted to the study of the results of participation of Tatar intellectuals in scientific, cultural and educational work in Kazakhstan. State officials, clerics, and jadidites has formed the basis of the Tatar intelligentsia in the steppe zone. Civil servants played an important role in the study of the history, language, family customs of the Kazakh people. Tatar mullahs practiced zoology, history, poetry and literature. Tatars in the steppe zone published newspapers, magazines, books not only in the national language, but also in Kazakh. The ideas of Jadidism and Pan-Islamism were actively disseminated in the region through printed media. The Jadits were ideological inspirers of the development in the steppe zone of theater arts, new-method schools and libraries. One of the most important results of the activity of the Tatar intelligentsia in pre-revolutionary time was the growth of political self-consciousness of Muslim peoples. During the revolution, Muslims attempted to form an autonomy based on religious, ethnic self-determination.

Keywords: Tatars, Kazakhstan, steppe zone, scientific and cultural-educational activities

For citation: Makhmutov Z.A. Participation of the Tatar Intelligentsia in Scientific, Cultural and Educational Work in Kazakhstan (19th – mid-20th centuries). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.69–79. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.69-79>

In the constructivist paradigm, the intelligentsia is considered a class that plays a significant role in the formation of the nation and culture. The importance of this society stratum lies in its ability to generate national myths and ideology [8], to actualize interest in its history, language and traditions [23], to create a “high culture” [22].

The beginning of the Tatar intelligentsia stratum formation in the steppe zone was caused by the fact that the Tsarist administration needed information about the customs, habits and traditions of the nomadic population. The officials wanted to reveal the influence degree of the norms of customary law on the life of the Kazakh nomadic society, to find out how the adaptation process of new administrative re-

* The territory of modern Kazakhstan was part of the Russian Empire (often called the steppe zone) in the 19th century. After the Bolshevik seizure of power and a number of territorial and administrative perturbations, the steppe zone became the Kazakh Soviet Socialist Republic within the USSR.

forms and Russian judicial proceedings took place in the steppe in the 20–40s of the 19th century [6, p.361].

Including for this purpose, the Orenburg Border Commission at the end of the 18th century was created, where Tatars were actively invited. Their competitive advantage was the ability to integrate into Kazakh society and obtain the necessary information.

The notes of the junior translator of the Orenburg Border Commission I. Batyrshin about Ermuhammad (Ilikey) Kasymov¹ who was the khan of the Prisyrdarya Kazakhs are valuable on the history of the Kazakhs. In the state archive of the Orenburg region, there is a “Journal made with descriptions of the notes taken by the collegiate registrar and translator M. Bekchurin during his journey on the secret expedition entrusted to him to Bukharia upon his return to Orenburg”. In addition to official information, this document contains history and ethnography facts about Kazakh people. He also compiled a *Russian-Kazakh-Persian-Bukharian-Tatar dictionary-phrasebook*. Collegiate secretary of the Orenburg Border Commission S. Biglov, sent with a Cossack detachment to establish the Ural fortification (now Irgiz), kept daily records, which contain information and names of the local Kazakh biys most famous for their intelligence and experience, described the family rites of Kazakhs wandering in this area.

The interpreter of the Orenburg Border Commission, the bailiff under the sultan-ruler of the eastern part of the Junior Zhuzh, Colonel A. Dzhynturyn, captain of the cavalry M. Sh. Aitov studied the property, family and marriage relations of the Kazakhs, regulated by the norms of customary law, funeral rites [15, p.130]. The translator of the Orenburg Border Commission A. Subkhankulov investigated the peculiarities of taxation among Kazakhs wandering along the course of the Syrdarya River [6, p.361].

Summing up the activities of the first pleiad of the Tatar intelligentsia, Kazakh historian G.S. Sultangalieva emphasizes that “the significance of the materials presented by Tatar translators is also determined by the fact that they were compiled by eyewitnesses of events in the Kazakh steppe of the 17th–19th centuries. In addition, personal acquaintance with representatives of the Kazakh elite (khans, sultans, biys, elders), who explained certain phenomena in the life of the Kazakh people and their observations increase the content of their materials” [15, p.131].

The authors of religious treatises, scientific and artistic works were also Tatar mullahs. The study of archaeological and architectural monuments on the territory of Central and Northern Kazakhstan, the activities of Genghis Khan and his descendants, the Kazakh khans Ablay and Abulfeiz, was carried out by a prominent imam, a native of Ayaguz K. Khalidi (1846–1913) [12], the history of Semipalatinsk – the imam of the seventh mosque of this city A. Munasypov [24]. The Kokchetav Tatar mullah F.Miftakhetdinov (1839–1913) was fascinated by history and zoology. However, his creative activity gained great popularity. *Elan Patshasy Shahmaran (The King of Snakes – Shah-Maran)* F.Miftakhetdinov’s novel was published in 1900 in Kazan and republished more than a hundred years later in 2011.

¹ Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). F.4. Op.1. D.2729. L.1–7.

For some time the Tatar poet and educator M.Kamaletdinov taught in the steppe zone and received the nickname Akmulla (“bright and fair mentor”) for his nobility and truthfulness. Akmulla wrote poetic works in a peculiar mixed style of the Tatar-Kazakh language with some colloquial elements of Bashkir speech. Some of his poems were created in the traditional Old Tatar literary language [17, p.20]. The poet’s works are considered the property of both Tatar, Bashkir and Kazakh literature [19, p.82]. The dastans of the Karkaralinsky mullah K.Minzalyavi, the poetic stories of A.Gabdessalyamov (pseudonym Kargaly), the poems of Yu. Tanchulakov and Ummati-Almatavi (known under the pseudonym Sabyr), the works of Sabirjan akin, M.Yumachikov and the Petropavlovsk mudaris in the madrasa of A.Urazaev-Kurmashi became widely known. The latter’s poem *Tahir and Zuhra* (1876) was written in rhythmic prose in Kazakh and Tatar languages and is dedicated to the theme of unrequited love and, according to G.Tukay, in his time, “it was difficult to meet men and women who would grow up without reading this poem with tears” [5, p.68].

G.Tukay was attracted by the ethnography and history of the Kazakh people. He, like Kh. Faizkhanov, Sh. Ibragimov, Sabirjan akyn, M.Bekmetov, traveled to Kazakh villages, collected Kazakh songs, folk tales and legends [21, p.88]. Kh. Faizkhanov prepared a Kyrgyz-Russian dictionary for publication [16, p.116], M.Bekmetov published *Kazak Olenderi* – a collection of Kazakh songs [1], Sabirjan akyn published in 1839 in the *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* newspaper *Barsa Kelmes* (*The place of no return*) Kazakh fairy tale. An interpreter, and later a high-ranking statesman, an actual state councilor Sh. Ibragimov (1841–1892) compiled an *Explanatory dictionary of colloquial and traditional words of the Kazakh language* [20, p.236], wrote a collection of memoirs about the outstanding Kazakh scientist and historian Ch. Valikhanov [19, p.516], an ethnography sketch about the Kazakhs, which describes the way of life, customs and traditions of the Kazakh people [9]. Thanks to him, in 1870, the first Turkic-language newspaper in Russia, *Turkestan Vilayate Gazeti* (*Newspaper of the Turkestan Territory*), which was published in the Kazakh and Uzbek languages came out. In the newspaper Sh. Ibragimov published ethnography and folklore articles about the peoples of Central Asia.

Not without the help of the Tatars, the first Kazakh journal named *Aiqap* appeared. The main monetary contribution to its publication was made by the Tatar merchant Mullah-Akhmat Yaushev, the room for the editorial office was provided by the Ganiev brothers². Tatar poet A.M. Galimov, a native of Kostanay, became the secretary of the journal. He did a lot to make Tatar and European classics famous among the Kazakh people. A.Galimov translated *Sotka toshkan tychkan* (*A mouse that fell into milk*) fable by G.Tukay, *The Prisoner of Chillon* poem by D. Byron into Kazakh. Like other representatives of the steppe Tatar intelligentsia, he wrote his works in Kazakh, for example, *Zhastyk zemisteri* (*Fruits of Youth*, 1912) collection of poems. A.Galimov, as well as the head of the *Sayyar* first Tatar professional theater troupe G.Kariev, Kh. Ismailov, S.Sagdiev, Sh. Yalimov,

² The Russian State Historical Archive (RGIA). F.821. Op.133. D.463. L.400.

G.Abubakirov and others, stood at the origins of the theatrical movement in the region.

For emerging amateur theaters, A.Galimov wrote the *May mas'alase, yahud Angyra Mullah* (*The Question about Butter or the Stupid Mullah*) anticlerical Tatar comedy [19, p.94]. In his works, the playwright and poet popularized the ideas of Jadidism and Muslim modernism.

According to researcher L.V. Sagitova, “the purpose of the Jadidists’ activity was to build their national “high culture”, which was to act as a basis for the consolidation of Muslims into a single whole – a nation capable of more successfully resisting the assimilation policy of the Russian state. It was designed to ensure equality of all Muslims with Russians and to lay the potential for the future development of the nation in line with the beginning of industrialization” [14, p.48].

“In the future, Jadidism represented an attempt to Westernize the Turkic-Muslim society and create a Turkic nation, like modern European nations” [11, p.141], says Kazakh historian S.Sh. Kazaiev. Thanks to Jadidism, “Islam ceased to be an obstacle to progress and the path to reforms in other areas was cleared: language, education and political organization” [2, p.6], – emphasizes researcher A.Bennigsen.

In Uralsk, the journalist and singer K.Mutygi (Tukhvatullin) was a jadidid. In the city, he began publishing *Fiker* (*Thought*) (1905–1907) newspapers, *El-gasr-el-jadid* (*New Century*) (1905–1907), *Uklar* (*Arrows*) journals. *Fiker* has become a point of attraction for the progressive Tatar and Kazakh intelligentsia. In its first issues, the *Program of the Kazakh Constitutional Democratic Party* and *Letter of the Kazakh People to the Russian People* were brought to the general public [3, p.81]. The equality of men and women was advocated on the pages of the newspaper by Kazakh G.Sharipova and Tatar F.Alusheva. *Uklar* defended the idea of reforming the Muslim confessional system of education, introducing secular disciplines into it [17, p.387]. The *Yanga Tormysh* newspaper covered the development of Tatar national culture, published fiction books, traced calls for the spiritual unity of Muslims of the Russian Empire.

The founder of the new Tatar literature, G.Tukay, began his creative career in these publications. During the twelve years of his life in Uralsk, he wrote more than 50 poems that were included in the golden fund of Tatar classical literature. The creative heritage of G.Tukay had a significant impact not only on the Tatar but also on the entire Turkic culture. Classic of Kazakh literature S. Mukanov noted: “During the ten pre-October years, many writers and poets of the Turkic-speaking peoples passed the literary school of Tukay, studied his artistic skills and became his students in the literal sense of the word. Bashkir writer Saifi Kudash, Kazakh writers Sultan-Mahmut Toraighyrov, Sabit Dunentaev and Beimbet Mailin, Kyrgyz writers Ishangali Arabaev and Kasym Tnistanov, Uzbek writers Fitrat, Shulpan and Abdullah Kadiri, Tajik writers Sadridin Aini and Rahim Zadeh, Turkmen writer Berdy Kerbabayev and many others made their first steps in the literary field under the beneficial influence of Gabdulla Tukay” [5, p.68]. G.Tukay clearly expressed his socio-political views in his works: he was an adherent of renewal, Europeanization of Tatar society, getting rid of religious fanaticism and a supporter of men and women equality. Undoubtedly, K.Mutygi had a great influence on the formation of

his worldview. Like-minded people of K.Mutyga and G.Tukay among the Kazakh intelligentsia were Zhansha and Khalel Dosmukhametovs, N.Ipmagambetov, B.Karataev, who would later become leaders of the Alashordin movement.

The centers of the spread of the Jadidism ideas in the steppe zone were the new method schools. One of the first and most authoritative among them was the Khusainiya madrasah, which opened at the expense of the Khusainov brothers. The students of the madrasah founded the *Kazakh Language Study Society*, the purpose of which was to study the monuments of Kazakh folk literature, compile textbooks for mektebas and madrasahs in the Kyrgyz (Kazakh) language, and assist publishers of future newspapers [10]. Tatar intellectuals such as educator and poet Kh.Yu. Abushaev (pseudonym Abushaev Atlashi), writer, translator and journalist Z.Sh. Bashiri, journalist and publisher K.Mutygi, archaeographers Z.A. Maksudova, G.Sagdiev, G.M. Ishmukhametov, writer F.Suleymanova, linguist V.N. Khangildin, etc. worked as teachers in the new method schools of the steppe zone. Future representatives of the Kazakh intelligentsia received education in Tatar Jadidist schools: poets S. Toraigyrov and B.Suleev, writers Zh. Aimaurov, S.Donentaev, M. Zhumabaev, Zh. Tlepbergenov, M.Seralin, playwrights B.Mailin and B.Serkebaev, linguist K.Zhubanov and others.

Thanks to the Tatar intellectual elite, in addition to Jadidism, the ideas of pan-Islamism are also widely spread in the steppe zone. A.Ibragimov did a lot for this. As a result of his efforts, the *Serke (Leader)* newspaper began to be published in Kazakh language in Saint Petersburg. In its first issue, a poem by one of the future leaders of the Alash-Orda government and *To the Youth* national liberation movement of Kazakhstan M.Dulatov and its particular provisions from the *Wake up, Kazakh!* book were published. In the second issue of this newspaper, an *Our Tasks* article by M.Dulatov was published, which was consonant with the *Karakalin petition on the land issue and education problems* [7, p.288].

Questions about the creation of a national Muslim autonomy and the convocation of the Constituent Assembly were raised in the *Halyk suze (Word of the People)* newspaper, which was published by F. Aitikin in Semipalatinsk. The Literature section published works by local authors: stories and feuilletons by A.Najip, Sh. Sharaf, K.Muhammad, M.Charkand, Zh. Yumashev, poems by G.Ilimitov, D.Gabdelmanov, G.Almet, S.Kudash [17, p.425].

Many representatives of the Tatar and Kazakh intelligentsia took part in Muslim congresses and in the established political structures of Muslim governance: *Vakytly milli idare* (Provisional National Government) and *Milli shuro* (National Councils) of provinces. Among them were G. Akchurin (Petrovavlovsk), A.Mukhamadiev (Yarkent), F.Sadykov (Kapal), Mustafa and Ramazan Tyumenevs (Petrovavlovsk), V.Khalilov (Kustanai), A.Bukeikhanov, Kh. Dosmukhamedov, Sh. Koshegulov and others.

After the Bolsheviks occupied the Volga region and the Urals, the activities of the National Administration under the leadership of G. Iskhaki were transferred to Petrovavlovsk. In this city, G.Iskhaki together with Sh. Alkin, G.Teregulov, F.Tuktarov, B.Gabdulbari published 30 issues of *Mayak* – the political, literary and national Turkic-Tatar newspaper, the first issue of which was published on December 7, 1918 [4, p.144]. The *Yul (Path)* Tatar weekly newspaper was also published

in Petropavlovsk (edited by S.Sagdaldin and Kh. Munasypov), in Semipalatinsk – *Halyk suze (The Word of the people)*, *Khorriyat dulkynlary (Waves of respect)*, in Uralsk – *Khabarlar (News)*, *Mokhbir (Correspondent)* (edited by A.Ishmu-khamedov), in Guryev – *Yashlar (Youth)* (edited by Ya. Marudi), in the village of Novaya Kazanka – *Yaktylyk (Light)* [18, p.94], etc.

After the final victory of the Bolsheviks, almost all Tatar periodicals in the steppe zone were closed, and representatives of intellectual thought were forced to leave the new state. The writer, publicist, publisher and politician G.Iskhaki, historian and journalist B.Gabdulbari, journalist F.Tuktarov, writer and journalist Kh.R. Gabdush emigrated.

In Soviet times, intellectuals who supported Bolshevik ideas came to the forefront. In Kazakhstan, one of the prominent fighters for the establishment of Soviet power in Kazakhstan was the Tatar writer S.Sharipov. He is the author of the *Altybasar* (1918), *Lawlessness*, *Ruzi Iran* (1935), *Layla* (1937), *Bekbolat* (1937) novels, *Leech*, *Exit to the City* stories and others. He wrote his works in Russian, Tatar and Kazakh. The famous Kazakh literary critic T.Kakishev noted in the preface to the collection of his works: “Sabyr Sharipov has become one of the most desirable writers. In his works there is a passionate desire to know and understand something special in the life of the people with whom he met and got used to, he knew the Kazakh language as well as his native one. The fact that Saken Seifullin collected Sharipov’s stories published in various journals, edited them, and says how positively Kazakh literature met him...” [13].

S.Sharipov, like many other representatives of the Kazakh Tatar intelligentsia of the 1930s, was repressed. The victims of repression were also: the poet and director of the Tatar Pavlodar school Ya. Aimanov; director of the Kazakh commune school Karim Akchurin and his brother, a former member of the National Assembly of Turkic-Tatars of Inner Russia and Siberia (Milli Majlis) Galim; head of the Ayaguz Muslim and Sarkand Tatar school S.M. Biktashev; teacher, publicist and translator F.Z. Gabitova; Ural historian and archaeographer V.A. Zabiroy; head of Akmola school No. 6 G.A. Izmailov; Kokchetav writer I.N. Salakhov; teachers of the Almaty school S.A. Begbayev, M.A. Bekbulatov (director), G.M. Muginov, I.M. Murtazin, A.B. Khakimov, B.Sh. Hisametdinov. The outstanding Tatar painter B.I. Urmanche also served a prison sentence. In the 1940s – 1950s, he became involved in active work in the Kazakh SSR. During this time, B.I. Urmanche created a gallery of picturesque and sculptural portraits of outstanding representatives of the Kazakh Republic, landscapes, folk sketches, illustrations of Kazakh authors’ works, folk tales, and poems of G.Tukay translated into Kazakh language [17, p.402].

In addition to B.Urmanche, in Soviet times among the Tatar creative intelligentsia in the Republic were notable Honored Artists of the Kazakh SSR conductor F.Sh. Mansurov, singers Muslim and Rishat Abdullins brothers, composer L.A. Hamidi, Honored Artists of the Kazakh SSR B.H. Tabiyev, K.M. Shayakhmetov artists, Chairman of the Artist Association of the Kazakh SSR K.T. Telzhanov, Honored Artist of Kazakhstan M.G. Baraisov, winner of the State Prize of the Kazakh SSR film director A.T. Ashrapov, Honored Worker of Education musician G.G. Tamendarov, writers, laureates of the State Prize named after G.Tukay I.N. Salakhov and N.S. Fattah, poet N.G. Arslanov.

Tatars were widely represented in the scientific field in Soviet times: well-known agronomists were Zh.Y. Batkaev, A.G. Galiakberov, N.Z. Galikaberov, A.Kh. Ganeev, R.Kh. Ryazapov; biologists – M.F. Avazbakieva, R.N. Akhmerov, R.A. Gareev, N.Z. Galiakberov, I.D. Davlyatshin, N.Zh. Khasanova, M.I. Ismagilov, A.N. Ilyaletdinov, N.Kh. Karmysheva, R.G. Sadykov, K.A. Tulemisova, N.Z. Khusainova; geologists – I.M. Vafin, F.G. Gubaidullin, A.M. Sadykov and S.Sh. Seifullin, Aisylu and Tansylu Kaymirasovs, A.M. Sirazetdinov, Kh.I. Mursalimov, D.Kh. Fatkhutdinov; process engineer – M.R. Kurmangaliev, historian – V.Z. Galiev; mathematicians – V.M. Amerbayev, Sh.M. Enikeev, G.N. Bagautdinov; medical workers – Sofia and Nasikha Abubakirovs, M.A. Aliyev, M.G. Akhtyamov, N.G. Ismagulov, V.B. Sadykova – Gubaidullina, I.K. Dauranov, A.Sh. Ismagilova, L.I. Kalmakarova, M.A. Karimov, Yu.A. Khayrova; meteorologists – N.Kh. Davletkildeev, I.Z. Lutfullin; ophthalmologist – G.A. Uldanov; pharmacologist – G.G. Ushbaeva; physicists – B.G. Akhmetov, R.R. Ziganshin, Sh.Sh. Ibragimov, G.S. Yar-Mukhamedova; chemists – R.S. Vakhidov, S.R. Rafikov, D.Z. Serazetdinov; philologists – Kh.Kh. Makhmudov, G.S. Amirov, G.A. Sharipova, Z.A. Akhmetov, S.G. Akhmetova, G.A. Badambayeva, B. Iskhakov; philosophers – N.A. Aitov, K.Kh. Rakhmatullin; economist – V.A. Abdullin, lawyer – K.D. Mukhamedshin, prominent scientists in the field of non-ferrous metallurgy – R.S. Islamov; seismology – S.M. Safargaliev, mechanics – A.G. Akchurin, pedagogy – R.A. Abuzyarov, G.T. Khairullin.

Scientific activity of V.A. Abdullin (works devoted to the industrialization of sheep breeding), N.B. Akhmatullina (founder of the virus genetics study in the Republic), Z.A. Akhmetov (studied Russian-Kazakh literary ties, the works of A.Kunanbayev), N.Z. Galiakberov (brought out the Kazakh white-headed breed of cattle), Sh.Sh. Ibragimov (developed several practical recommendations and proposals to improve the radiation resistance of materials used in nuclear power, efficiency and safety of nuclear power plants), R.S. Islamova (developed new resource-saving technologies for the titanium and magnesium production), M.R. Kurmangaliev (introduced into production a methodology for studying the process of burning low-quality coal in high-power boiler plants) was awarded State Prizes of the Kazakh SSR, and the USSR State Prize became an award for achievements in the field of science by B.G. Akhmetova (participated in the *Discovery and the study of the shadows effect in nuclear reactions on single crystals* work) and D.Kh. Fatkhutdinov (for his great contribution to the geology of the discovery of minerals).

Many representatives of the Tatar scientific intelligentsia headed research institutes and design bureaus at industrial enterprises. The post of Director of the Nuclear Physics Institute of the Kazakh SSR Academy of Sciences was held by Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic Sh.Sh. Ibragimov, Director of the Mining Institute of the Kazakh SSR Academy of Sciences – A.M. Sirazutdinov, Director of the Microbiology and Virology Institute of the Kazakh SSR Academy of Sciences – A.N. Ilyaletdinov, Director of the Kazakhstan Research Institute of Clinical and Experimental Surgery – M.A. Aliev, Director of the Goskomselkhoztekhnika Center for Scientific Organization of Labor and Production Management of the Kazakh SSR – A.G. Akchurin, Director of the Hydrome-

teorology and Environmental Protection Research Institute – I.Z. Lutfullin, Director of the Alma-Ata branch of the Institute for Advanced Training of Workers and Specialists of the USSR Ministry of Geology – Kh.I. Muraslimov, Director of the Kazakh Ophthalmology Research Institute – G.A. Uldanov, head of the design bureau at the machine-tool plant evacuated from Melitopol – N.G. Abdullin.

The technical innovators were M.G. Dautov (improvement of the caterpillar tractor's work), G.Kh. Khairullin (introduction of a multiple-heading sinking method), A.U. Yunusov (creation of the first road train), all three were awarded the title of Heroes of Socialist Labor.

The names of many representatives of the Tatar intelligentsia of Kazakhstan, who contributed to the formation of Soviet Kazakh culture, are immortalized in the names of streets, schools, and monuments.

So, in pre-revolutionary times, the Tatar intelligentsia was closely related to the Kazakh. It contributed to the introduction of the nomadic population to the “high culture”, the politicization of ethnicity and religion among the Muslim peoples of the region.

Even though the revolution and repression disrupted the continuity of the intellectual elite, in the Soviet era, the secular Tatar intelligentsia had already made a significant contribution to the creative and scientific spheres of Kazakh society life, to the formation of the Kazakh Soviet elite culture.

REFERENCES

1. Bekmetov M. *Cossack songs*. Kazan: Matbagai Karimiya Publ., 1909. (In Kazakh)
2. Bennigsen A. *Muslims in the USSR*. Kazan: Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan, 2009. 64 p. (In Russian)
3. Vafeev R. *Mr. Publisher*. Uralsk: Poligrafservis Publ., 2012. 223 p. (In Russian)
4. Gainanov R.R., Mardanov R.F., Shakurov F.N. *Tatar periodical press of the early 20th century: bibliographic list*. Kazan: Milli Kitap Publ., 2000. 316 p. (In Russian)
5. Gainullin M.X. *Tatar literature: 20th century*. Kazan: Tatar book Publ., 1957. 626 p. (In Tatar)
6. Galiev V., Sultangalieva G. *The contribution of Tatar employees to the study of the history and culture of the peoples of Kazakhstan and Central Asia. History of the Tatars*. T.VI. Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2013. Pp.360–363. (In Russian)
7. Galiev V.Z. *The book that awakened the people (Research about Myrzhakip Dulatov and his collection “Wake up, Kazakh!”)*. Almaty: Mektep Publ., 2022. 528 p. (In Russian)
8. Gellner E. *Nations and nationalism*. Moscow: Progress Publ., 1991. 320 p. (In Russian)
9. Ibragimov Sh. Ethnographic essays of the Kyrgyz people. *Russkij Turkestan*. Moscow, 1872. Vol. 2, pp.120–152. (In Russian)

10. Kazbekova N.A. Jadidism and public education in Kazakhstan at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik KarGu*. 2007 [Electronic resource]. URL: <https://articlekz.com/article/5185> (accessed: 10.05.2023). (In Russian)
11. Kaziev S.Sh. *Soviet national policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan (1917–1991)*: Dissertation for Doctor. Sci. (history). Moscow, 2015. 549 p. (In Russian)
12. Karmysheva D.Kh. Kazakh local historian and ethnographer Kurbangali Khalidi. *Sovetskaja jetnografija*. 1971, no.1, pp.100–110. (In Russian)
13. Monastyrskaya L. *The tragic fate of Sabyr Sharipov, a statesman and one of the first oil workers in Kazakhstan (history)* [Electronic resource] URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1320330360> (accessed: 09.02.2023). (In Russian)
14. Sagitova L.V. *Ethnicity in modern Tatarstan*. Kazan: Tatpolygraph Publ., 1998. 184 p. (In Russian)
15. Sultangalieva G.S. Activities of Tatar interpreters of the Orenburg Border Commission in the Kazakh steppe. *Nauchnyj Tatarstan*. 2009, no.4, pp.125–138. (In Russian)
16. Sultangalieva G.S. *Economic and cultural relations of the Kazakh people with the peoples of the Middle Volga region and the Southern Urals (19th – early 20th centuries)*: Dissertation for Cand. Sci. (history). Almaty, 1990. 260 p. (In Russian)
17. *Tatars of Kazakhstan: an illustrated encyclopedic reference book*. Ed. by R.F. Shaidullin. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of AS RT, 2016. 480 p. (In Russian)
18. Usmanova D.M. Tatar periodical press (1917–1918): experience of quantitative and qualitative characteristics of the national press of the revolutionary era. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2021, vol.11, no.1, pp.86–103. (In Russian)
19. *Tatar Encyclopedia*. Vol.1. Kazan: Institut of Tatar Encyclopedia, 2005. 655 p. (In Russian)
20. Khairullin G.T. *History of the Tatars*. Almaty: Camelot internation Publ., 2010. 238 p. (In Russian)
21. Khairullin G.T., Khamidullin A.G. *Tatars*. Almaty: Kazintergraph Publ., 1998. 128 p. (In Russian)
22. Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester: Manchester University Press, 1993. 474 p.
23. Hroch M. From the national movement to the fully-formed nation: the nation building process in Europe. *Mapping nation*. London, 1996. Pp.78–98.
24. *Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad Wali al-Qazani and Qurban Ali Khalidi*. Ed. A. Frank, M.A. Usmanov (AnOR. Vol.11). Berlin: Das Arabische Buch, 2001. 97 p.

About the author:

Makhmutov Zufar Aleksandrovich – Dr. Sci. (history), Senior Researcher of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1063-4061; e-mail: zufar@inbox.ru

Received October 5, 2023

Accepted for publication October 23, 2023

Участие татарской интеллигенции в научной и культурно-просветительской работе в Казахстане (XIX – середина XX вв.)*

З.А. Махмутов

*Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований
Казань, Российская Федерация*

Данная статья посвящена изучению результатов участия татарской интеллигенции в научной, культурно-просветительской работе в Казахстане. Основу татарской интеллигенции в степной зоне составляли государственные служащие, духовные лица, а позже джадидиты. Государственные служащие сыграли важную роль в исследовании истории, языка, семейных обычаев казахского народа. Татарские муллы, помимо истории, занимались зоологией, поэзией и литературой. Благодаря татарам в степной зоне издавались газеты, журналы книги не только на национальном, но и на казахском языке. Через печатные издания в регионе активно распространялись идеи джадидизма и панисламизма. Джадиды были идейными вдохновителями развития в степной зоне театрального искусства, новометодных школ и библиотек. Одним из важнейших результатов деятельности татарской интеллигенции в дореволюционное время стал рост политического самосознания мусульманских народов. В период революции они пытались образовать автономию, основанную на религиозном, этническом самоопределении.

Ключевые слова: татары, Казахстан, степная зона, научная и культурно-просветительская деятельность

Для цитирования: Makhmutov Z.A. Participation of the Tatar Intelligentsia in Scientific, Cultural and Educational Work in Kazakhstan (19th – mid-20th centuries) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №.4. С.69–79. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.69-79>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бекметов М.* Казак олендери. Казан: Матбагаи Кәримия, 1909.
2. *Бенигсен А.* Мусульмане в СССР. Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. 64 с.
3. *Вафеев Р.* Господин издатель. Уральск: Полиграфсервис, 2012. 223 с.
4. *Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н.* Татарская периодическая печать начала XX века: библиогр. указ. Казань: Милли китап, 2000. 316 с.
5. *Гайнуллин М.Х.* Татар әдәбияты: XIX йөз. Казан: Татар. кит. нәшр., 1957. 626 б.
6. *Галиев В., Султангалиева Г.* Вклад татарских служащих в изучение истории и культуры народов Казахстана и Средней Азии // История татар. Т.VI. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С.360–363.
7. *Галиев В.З.* Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакипе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»). Алматы: Мектеп, 2022. 528 с.
8. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

* В XIX веке территория современного Казахстана была частью Российской империи (часто именуемой степной зоной), с приходом к власти большевиков и ряда территориально-административных пертурбаций стала Казахской Советской Социалистической Республикой в составе СССР.

9. *Ибрагимов Ш.* Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. М., 1872. Вып.2. С.120–152.

10. *Казбекова Н.А.* Джадидизм и народное образование в Казахстане в конце XIX – начале XX веков. Вестник КарГУ. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://articlekz.com/article/5185> (дата обращения: 05.10. 2023).

11. *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 549 с.

12. *Кармышева Д.Х.* Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбангли Халиди // Советская этнография. 1971. №1. С.100–110.

13. *Монастырская Л.* Трагическая судьба Сабыра Шарипова – государственного деятеля и одного из первых нефтяников Казахстана (история) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1320330360> (дата обращения: 02.09.2023).

14. *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. Казань: Изд-во «Татполиграф», 1998. 184 с.

15. *Султангалиева Г.С.* Деятельность татарских переводчиков толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи // Научный Татарстан. 2009. №4. С.125–138.

16. *Султангалиева Г.С.* Экономические и культурные взаимоотношения казахского народа с народами Среднего Поволжья и Южного Урала (XIX – начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1990. 260 с.

17. Татары Казахстана: иллюстрированный энциклопедический справочник / под ред. Р.Ф. Шайдуллина. Казань, 2016. 480 с.

18. *Усманова Д.М.* Татарская периодическая печать (1917–1918): опыт количественной и качественной характеристики национальной прессы революционной эпохи // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. №11. Т.1. С.86–103.

19. Татарская энциклопедия / под ред. М.Х. Хасанов. Казань, 2005. Т.2. 655 с.

20. *Хайруллин Г.Т.* История татар. Алматы: Camelot international, 2010. 238 с.

21. *Хайруллин Г.Т., Хамидуллин А.Г.* Татары. Алматы: Казинтерграф, 1998. 128 с.

22. *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester: Manchester University Press, 1993. 474 p.

23. *Hroch M.* From the national movement to the fully-formed nation: the nation building process in Europe // Mapping nation. London, 1996. P.78–98.

24. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad Wali al-Qazani and Qurban Ali Khalidi / ed. A.Frank, M.A. Usmanov (AnOR. Vol.11). Berlin: Das Arabische Buch, 2001. 97 p.

Информация об авторе:

Махмутов Зуфар Александрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-1063-4061; e-mail: zufar@inbox.ru

Поступила 05.10.2023

Принята к публикации 23.10.2023

Материалы к культурогенезу волго-уральских татар:
финно-угорский тренд в структуре народного костюма

С.В. Сулова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Фактологическую базу публикации составляют типологические и картографические материалы Историко-этнографического атласа татарского народа (том «Народный костюм») и проведенное на их основе этнокультурное районирование с выделением трех самобытных ареалов. Сравнительно-исторический (синхронный и диахронный) анализ структурных элементов костюма, особенностей его декора позволяет констатировать, что финно-угорский компонент составляет один из важных по этнокультурной наполненности трендов в культурогенезе волго-уральских татар. Он ощутим в казанско-татарском костюмном комплексе, особенно в сельских его вариациях, в комплексах одежды крещеных татар Центрального этнокультурного ареала. В Западном ареале финно-угорская составляющая также очевидна во всех комплексах, особенно в Сергачском костюме. Однако в наибольшей степени финно-угорские, самодийско-угорские традиции обнаруживаются в Зауральском комплексе татарской одежды Восточного этнокультурного ареала, обусловленные этнокультурными контактами тюрков и финно-угров в Волго-Уралье и опосредованными через башкир сибирскими обско-угорскими, угро-самодийскими связями.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, татары, финно-угорские народы, костюм, декоративно-прикладное искусство

Для цитирования: Сулова С.В. Материалы к культурогенезу волго-уральских татар: финно-угорский тренд в структуре народного костюма // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.80–92. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.80-92>

Экспедиционные, музейные и архивные материалы Историко-этнографического атласа татарского народа позволили осуществить этнокультурное районирование этноса [29]. Районирование проводилось при использовании известных методов этнографического картографирования и типологии элементов традиционной татарской культуры – различных отраслей материальной и духовной культуры (хозяйства, ткачества, костюма, годового цикла обрядов). Народный костюм, включая покрой верхней и нижней одежды, конструкцию и декоративное оформление головных уборов, обуви, матерчатых и ювелирных украшений, является наиболее репрезентативной категорией традиционной культуры. Аккумулируя в себе опыт целой этнической общности, народная одежда носит ярко выраженный этнический характер, ярко демонстрирует сложение к середине-концу XIX в. своеоб-

разных этнокультурных ареалов, демонстрируя многообразие и богатство культуры этноса. По материалам этой категории культуры в Волго-Уральском регионе автором выделены этнокультурные ареалы (Западный, Центральный и Восточный), каждый из которых по основным типологическим параметрам костюма имеет общую основу [25, с.78–208]. В середине XIX в. обозначенные ареалы характеризовались включением в свой состав ряда костюмных комплексов (КК), в формировании которых в той или иной степени участвовали различные по происхождению финно-угорские компоненты. Финно-угорские, угро-самодийские реалии в татарской народной одежде в целом достаточно ощутимы. В КК Западного, Центрального и Восточного ареалов они ощущаются не однозначно, что объясняется особенностями этнической истории локальных групп этноса.

Финно-угорская составляющая в КК Западного этнокультурного ареала. По материалам атласа в Западный этнокультурный ареал вошли уезды бывших Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской и Рязанской губерний [24, с.254–258]. Очевидной причиной вычленения ареала явилось присутствие во всех его ареалообразующих КК специфических «мишаризмов», характерных для костюма татар-мишарей обозначенной территории. Наиболее выразительными из них можно, например, назвать тастарный комплекс головного убора и особое «мишарское» золотное шитье, выявленное Л.Ф. Фасхутдиновой в результате анализа этнолокальных технико-орнаментальных особенностей татарского золотошвейного искусства и опубликованное ею в журнале «Этнографическое обозрение» (2015, №4).

Финно-угорский компонент является значительным в структуре КК этого ареала, особенно в Сергачском, Темниковско-азеевском и Кузнецко-хвалынском. Так, в *Сергачском* (ряд уездов Нижегородской и Симбирской губерний) – одном из наиболее сложных и самобытных комплексов, переработаны в оригинальный художественно завершенный ансамбль совершенно разные по происхождению как тюркские, так и финно-угорские этнические напластования. Налицо, к примеру, древнетюркские, кипчаконогайские традиции: оригинальный волосник *башкигец* – аналог древним формам волосника *кимешек* казахов и каракалпаков, астраханских татар, ногайцев или сохранившийся до середины XX в. у пожилых женщин тюрбанообразный тастарный комплекс головного убора. Древние обско-угорские традиции особенно ощутимы в декоративно-художественном оформлении комплекса: в специфической аппликации (лоскутный узор) на нижней женской одежде – рубаше, нагруднике *кукрэк*, на головных покрывалах *тастар* и волосниках. Здесь преобладала женская пестрядинная в клетку рубаша, которая называлась *юле кулмэк*. Она резко отличалась от рубах других групп татар Западного ареала наличием ярких разноцветных матерчатых нашивок на груди, плечах, рукавах и подоле. Любопытно мнение по этому поводу Р.Г. Мухамедовой – известного исследователя традиционной культуры татар-мишарей [15, с.93–94], которая не без основания считает,

что не только декор, но и покроем сергачской рубахи *юле кулмэк* сохранил на себе следы традиционного кроя меховой одежды сибирско-угорских этносов. Мех, как известно, не дает возможности раскроя одежды из цельных перекинутых через спину шкур. Поэтому верхняя меховая одежда, например ненцев, хантов, манси, в целом имеющая туникообразный покрой, составлялась из нескольких шкур, как и *юле кулмэк*, кроеная и декорированная из отдельных фрагментов ткани. Заметно ощущаются средневековые и более поздние влияния местных финно-угорских народов. В частности, тот же волосник *башкигец* в плане декора имеет близкие аналогии в головных платках удмуртов *куньсерго*, которые также украшались кумачом, кусочками ситца и обшивались бахромой [4, с.67].

В Темниковско-азеевском комплексе, преобладающем в основном на территории проживания так называемых ч-окающих мишарей, наиболее ранние элементы костюма связаны со степными тюрко-ногайскими культурами Средней Азии и Казахстана. Любопытно, однако, бытование здесь рубах однотипных с рубахами чувашей – анатри. Это сходство видим в покрое, цветовом предпочтении (белые), в характере декоративного оформления рубах (оттенение продольных швов красной тканью). Как и у чувашей, темниковско-азеевские рубахи вдоль грудного разреза, у плеча и обшлагов рукавов украшались красной вышивкой в технике «мелкий крест» (счетной вышивкой по разреженному холсту или «косым стежком»). У чувашей «косой стежок» носил название «хантыйский шов» [2, с.44]. Большинство исследователей технику «косого стежка», особенно широко бытовавшую у башкир, связывают с восточно-финскими и обско-угорскими традициями [19, с.305; 1, с.100; 17, с.201], связанными в свою очередь с переднеазиатскими [28, с.13]. Более поздними являются элементы комплекса, связанные с финно-угорскими традициями местного характера. Налицо, в частности, этнокультурное влияние мордвы. Интересны параллели в традиционной обуви. Лапти с большой головкой «косого» плетения, с низкими бортиками и кручеными ушниками мишари называли мордовскими. Их носили в комплекте с вязаными на спицах белыми чулками, вошедшими в бытовую культуру мишарей под влиянием соседних финно-угров. У большинства тюркских народов Евразии вязание чулок не практиковалось, в том числе и у казанских татар, у которых это заимствование было достаточно поздним явлением. В то же время крещеные татары вязали их даже на продажу.

Основные структурные элементы **Кузнецко-хвалынского КК** также связаны с тюркским миром Евразии, с общенациональными традициями костюма волго-уральских татар. Его специфика заключается в особенностях декоративно-художественного оформления костюма: в применении высокохудожественной гладьевой техники золотного шитья. Этой техникой декорировались нижние головные уборы *салавыч*, бархатные чехлы для кос, концы полотенеобразных тастаров, верхние бархатные нагрудники *алныча* и др. Однако угорский след просматривается не в технике золотного шитья, а в его архаичной орнаментике. Это парные спиральные

завитки, S-образные знаки, листовидные отростки и особенно широко распространенный в золотом шитье мишарей мотив, известный как «вихревая розетка» с характерной «закрученностью» лучей от ее центра. Подобные, имитирующие солнце и солнечное сияние узоры – «солярные знаки», по мнению С.В. Иванова, особенно широко были известны угросамодийским этносам Западной Сибири [9, с.274, 280, 294].

В Касимовском КК очевиден дифференцированный подход к уяснению генезиса его городских и сельских вариаций. Городские вариации были практически идентичны городским казанско-татарским КК, отражающим тесные этнокультурные связи ханской знати в период средневековья и в Новое время (см ниже). Формирование же сельских вариаций по ряду параметров совпадает с генезисом Темниковско-азеевского комплекса, восходящего, с одной стороны, к разным по происхождению тюркским традициям, с другой – к ранним и поздним традициям финно-угорских народов [27, с.66–85].

Финно-угорский компонент в КК Центрального этнокультурного ареала. Центральный ареал включает в основном территорию проживания референтной группы этноса. Неслучайно он характеризуется преимущественным функционированием в его пределах КК, связанных с традициями производства, структуры и декоративного оформления костюма казанских татар. Центральный ареал отличается достаточной целостностью и однородностью с точки зрения распространения в нем единообразных покроев, форм, аксессуаров, художественных особенностей оформления костюма – всего того что идентифицирует собой яркую этническую символику татарской нации. По материалам атласа казанско-татарские КК, к которым относятся и Пермский комплекс, выявлены в уездах Казанской, Вятской, Самарской, частью Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний [25, с.78–208].

Казанско-татарский КК. При выявлении финно-угорской составляющей в казанско-татарском комплексе этого ареала пришлось констатировать факт различной ее наполняемости в структуре и декоре городского и сельского костюма казанских татар. *Городской казанско-татарский КК* бытовал у татарской знати, проживающей не только в Казани, но и во многих других городах Волго-Уральского региона – в Нижнем Новгороде, Касимове, Уфе, Перми, Оренбурге и др. Его формирование связано с художественными и ремесленными традициями более ранних средневековых тюрко-татарских государственных образований с достаточно развитой городской культурой. Об этом, в частности, может свидетельствовать роскошный городской комплекс ювелирных украшений казанских татар, типологически и технологически связанный с ювелирными традициями тюрко-исламского мира. Финноугорские заимствования в городском костюме менее ощутимы; они просматриваются в основном на материалах декоративного оформления костюма, в некоторых орнаментальных мотивах городских художественных ремесел. К таким мотивам исследователи относят, например, мотив парных и непарных птиц (уток, голубей) [5, рис.146–149] – наследие болгарской культуры, который, в свою очередь, был заимствован булгарами у финно-

угров [8, с.87]. Мотив часто использовался в болгарском и казанско-татарском ювелирном искусстве, позже он закрепился и в арсенале золотой вышивки казанских татар [26, с.82]. Финно-угорский след очевиден и в области городских казанско-татарских ювелирных технологий. Это так называемое *литье по восковой модели*, которое имело место в ювелирной практике казанско-татарских мастеров. Чаще применялась оригинальная разновидность такого литья – литье по выплавляемым плетеным моделям, визуально напоминающее витые из проволок (*восковое вязание*). Так изготавливались браслеты, наконечники, которые встречаются в татарских коллекциях Национального музея Республики Татарстан, Российского этнографического музея. Образцы таких технологий – литые татарские наконечники *чулты*, были представлены на Всесоюзной выставке 1923 г. в Москве. Технологически и визуально они согласуются с литыми наконечниками, широко распространенными у средневековых финно-угорских, особенно марийских племен Волго-Камья, которые были изучены и описаны пермским археологом Н.Б. Крыласовой [11, с.61–73].

Литье по восковой модели разной степени сложности издревле было характерно для соседних финно-угорских народов края. С IX–X вв. оно широко представлено в марийских [16, с.142–147], удмуртских археологических древностях [10, с.119–120]. В целом исследователи сходятся во мнении, что кропотливая техника *литья по восковой модели*, в том числе плетеной (*восковое вязание*), была широко распространена на северо-востоке Европы с распространением моды на шумящие подвески, характерные для финно-угорских племен в средневековье [20, с.88–91]. Известно, например, что литейные формы для изготовления таких украшений обнаружены археологами на Билярском городище (в столице домонгольской Булгарии) [12, с.84–100].

По сравнению с городским комплексом, *Казанско-татарский сельский КК* при своем формировании в значительно большей степени испытал влияние этнокультурных традиций финно-угорских народов Волго-Камья. Это объясняется наличием не только древних, но и более поздних исторических и культурных связей и в эпоху Средневековья, и в период вхождения народов края в состав централизованного Русского государства.

Мы, например, полагаем, что основным районом формирования и наиболее раннего бытования этноспецифического головного убора казанских татарок, является Заказанская часть Предкамья. Миниатюрный калфак с высоким выступающим вперед околышем, как и специфический волосник с твердой выступающей налобной частью проживающих здесь крышен, генетически восходят к так называемым рогообразным женским уборам соседних финно-угорских этносов, в том числе, населяющих и Предкамье. Пробразами таких уборов являются миниатюрные рогообразные уборы типа марийских *чурик* и, вероятно, уборы крупных каркасных форм, наподобие мордовских *панго*. К финно-угорским и русским традициям относится использование браной (выборной) техники ткачества при декоративном оформлении сельского костюма: полосками выборной

ткани часто украшались женские передники так же, как это было принято у марийцев, удмуртов и мордвы. Общим с поволжскими финнами был комплекс женских украшений. Сельский комплекс, как и кряшенские вариации костюма (см. ниже), сопровождали, главным образом, монетные украшения, часто на матерчатой основе. Одним из самых оригинальных и специфических украшений казанских татарок является перевязь *хаситә*, которая известна в разных вариациях и по форме матерчатой основы, и по декору (ювелирные и монетные образцы). Сельский вариант перевязи был «монетным». В отличие от городских ювелирных образцов, которые обычно сопровождались мусульманским амулетом-коранницей, на монетных перевязях сельчан они отсутствуют, выполняя, скорее, декоративную функцию с признаками языческого амулета, о чем могут свидетельствовать раковины *каури*, которые нередко сопровождали такую перевязь и что особенно было характерно для финно-угорских монетных перевязей.

В отличие от казанских татар Центрального ареала, костюм которых в целом отличался достаточной однородностью составляющих его элементов, у проживающих здесь кряшен вариативность была более ощутимой, что позволило выявить три ареалообразующих КК (заказанско-западно-закамский, елабужский, и молькеевский), по многим параметрам тесно связанных с сельским казанско-татарским. Исключение составляет молькеевский комплекс (условно чувашский).

Финно-угорский компонент в костюме кряшен очевиден, особенно в Заказанско-западно-закамском и Елабужском комплексах, по многим параметрам тесно связанных с сельским казанско-татарским. Значительная общность с финно-угорскими реалиями наблюдается в головных уборах: свадебное покрывало заказанских кряшен *тугәрәк яулык* представляет собой то же, что и южно-удмуртское свадебное покрывало *сюлык*. Оно близко по ряду признаков к свадебным покрывалам *сюлык* восточных марийцев. При сравнительном сопоставлении находим много общего не только в исполняемой ими функции, но и в цветовой и орнаментальной композиции, в архаичных приемах вышивального искусства (ковровый шов), обязательном окаймлении платка бахрамой. Сопоставимы с финно-угорскими рогообразными уборами и нижние головные уборы кряшен – волосники с твердым налобником, как и маленькие «рогообразные» сельские калфачки казанских татар.

Особая общность с костюмом местных финно-угорских народов – марийцев, удмуртов – наблюдается в использовании в декоре костюма так называемого «монетного» комплекса украшений. Она заключается в идентичности отдельных типов шейно-нагрудных украшений на матерчатой основе (нагрудников, перевязей), в декоративном их оформлении преимущественно монетами, раковинами *каури*.

Финно-угорский, в том числе и сибирско-угорский компонент, в традиционной одежде кряшен усматривал известный исследователь их материальной культуры, этнограф Ю.Г. Мухаметшин. Им выявлена и опубликована масса аналогий в материалах, покроях, терминологии верхней рас-

пашной одежды (*чыба, сыба*), в использовании для ее декора аппликации (лоскутный узор), в головных уборах, обуви [14, с.99–127].

В процессе историко-культурного взаимодействия тюркских и финно-угорских этнических традиций этнокультурный синтез выразился в формах, декоре традиционного костюма, иллюстрирующих их общерегиональный характер. В Волго-Камье сложился во многом единый сельский костюм, который и тюркские, и финские этносы считали своим, что является свидетельством определенной культурной общности этих народов.

Пермский КК. По материалам этнокультурного районирования этот комплекс был распространен в уездах Пермской губернии, за исключением самых восточных и прилегающих к ним северных уездов Уфимской губ. По основным структурным элементам костюма этот комплекс, безусловно, является казанско-татарским. Это покроем верхней и нижней одежды, основные типы покрывалообразных и калфакообразных головных уборов, кожаной обуви (кожаная мозаика), женских украшений, в состав которых входили и специфические ювелирные типы украшений. Подчеркнем, что *Пермский комплекс* включал в себя наиболее архаичные типы и элементы, которые в костюме референтной группы Центрального ареала к рубежу XIX–XX вв. практически не встречались, о чем говорят экспедиционные данные конца прошлого века. К таким архаичным типам относим женскую рубаху с цельным туникообразным остовом *таташ толыплы кулмак*, льняную приталенную мужскую и женскую верхнюю одежду *чыба*, бытовавшую в середине XIX в. у казанских татар Заказанья и особенно у *кряшен чува*, у которых она часто использовалась в обрядовой одежде. Из калфакообразных головных уборов следует отметить *ак калфак*, который надевался в комплекте с налобной повязкой *укалы битлек*, аналогичной казанско-татарской и *кряшенской ука-чачак*. Это и казанско-татарские типы ювелирных украшений (филигранные и чеканные воротниковые ожерелья *яка чылбыры*) и мозаичной обуви и др.

Финно-угорские, сибирско-угорские аналогии прослеживаются в некоторых архаических типах верхней одежды Пермского комплекса. Преобладающим покроем верхней одежды волго-уральских татар в целом был приталенный. Однако, у пермских татар под названием *букавтан* бытовала и прямоспинная туникообразная с боковыми клиньями верхняя одежда, характерная для угорских народов Западной Сибири, аналогичная и терминологически – *вюкавтан*. Оригинальной вариацией пермской нагрудной броши была *тэнкэле булавка* из мелких монет (часто серебряных с позолотой), прикрепленных к дугообразной булавке с цепочкой, украшенной подвесками из таких же монет. Подобные броши также присутствуют в Сельском казанско-татарском комплексе и в Заказанско-западно-закамском костюме *кряшен*. Внешне и функционально они согласуются с нагрудной фибулой – непременным атрибутом древнего и средневекового костюма финно-угорских этносов региона.

Угро-самодийские мотивы в КК Восточного этнокультурного ареала. Восточный ареал представляет в данном контексте особый интерес.

В него частью входят восточные уезды Уфимской, Пермской, Оренбургской губерний. В Восточно-арее, весьма сложном в этнокультурном отношении, значительной, особенно угро-самодийской, составляющей характеризуется *Зауральский КК* [24, с.256], который типологически и по особенностям декора слабо вписывается в структуру татарского костюма. Анализ этнокультурного содержания комплекса – особенностей покроя одежды, способов ее декоративно-художественного оформления – указывает на определенную общность с костюмом сопредельных башкир, также проживающих в Зауралье и горной Башкирии [13, с.235; 23, с.45; 21, с.111].

К общим с башкирскими реалиями относится прямоспинный туникообразный с боковыми клиньями покроем верхней одежды, характерный для самодийских и угорских народов Западной Сибири [18, с.21], украшение ее ленточной аппликацией, металлическими бляхами и монетами. С.В. Иванов связывает эти элементы декора с солярной символикой, особенно широко известной угорским и самодийским этносам Западной Сибири [9, с.274, 280, 294]. Верхняя одежда зауральских татар и особенно башкир, как правило, не имела застежек и носилась нараспашку. Непременным атрибутом, сопровождающим комплекс, как и у башкир, выступал большой на суконной стеганой основе, покрытой обычно красной тканью, нагрудник *селтар*, сплошь зашитый кораллами и серебром. Верхний край нагрудника – в форме воротника нередко украшался, кроме кораллов и раковинами, каури – распространенным у финно-угров языческим амулетом. На нагрудники, поверх кораллов нашивались серебряные бляхи, монеты. Подвесками из монет, своеобразной коралловой бахромой («плетеная косая сетка») декорировался низ этого богатого украшения [22, с.123]. Основным элементом декоративного оформления составляли, как видим, кораллы; использовался, чаще у башкир, и бисер, а узор «косая сетка», как и сами элементы декора, исследователи относят к финно-угорским приемам декора [9, с.81]. В целом, в распространении комплекта в виде распашной верхней одежды и большого нагрудника выдающийся этнограф Г.М. Василевич основную роль отводил эвенкам (тунгусы), а само украшение – составным элементом костюма угорских народов с древности [6, с.46]. Зауральские башкиро-татарские нагрудники *селтар* также сходны с эвенкийскими ровдужными нагрудниками, о чем пишет в специальном издании известный исследователь башкирской одежды С.Н. Шитова [3, с.12].

В Зауралье были распространены архаические виды обуви, также связанные с финно-угро-самодийским миром. Характерным было сочетание в обуви материалов животного происхождения с тканью. К такой обуви относим башкиро-татарские *сарык* с подошвой и головкой из сыромятной кожи и длинными суконными голенищами, которые подвязывались специально изготовленными плетеными шнурками *куныс бау* из зеленых и красных шерстяных ниток. Суконные голенища пришивались к кожаной заготовке толстокрученными конопляными нитями ровным наметочным швом. Мужские и женские *сарык* по принципу кроя не отличались. Вариативность наблюдалась лишь при их декоративном оформлении. Женские

сарык, как и у башкир [28, с.21], могли украшаться бисером или поперечными полосами зеленого, красного, синего сукна, ситца. Этот тип обуви больше бытовал у женщин, мужчины-татары в большинстве случаев предпочитали носить кожаные ичиги. Сапожки с тканевым голенищем традиционно использовались у хантов, манси, кетов, селькупов [7, с.58].

Связанная с финно-угорским миром меховая обувь у татар Зауралья представлена одним типом. В районах Зауралья, особенно в северных уездах Пермской губернии, в Златоустовском уезде Уфимской губернии в качестве бытовой охотничьей одежды бытовали *көнжырыйк* – обувь из невыделанной шкуры домашних животных, сшитая ворсом наружу [23, с.45]. *Көнжырыйк* бытовали примерно в той же этнической среде, что и описанный выше *сарык*.

В целом сибирско-угорские сюжеты в одежде зауральских башкир звучат значительно сильнее и более органично. Формирование **Зауральского КК** в значительной степени связано с генезисом костюма зауральских автохтонных башкир, важнейшей генетической линией которого, совершенно очевидно, являются сибирские, в том числе самодийско-угорские, напластования.

В Восточном этнокультурном ареале выделен **Нагайбакский КК**, который был распространен у крещеных татар-нагайбаков Оренбуржья. Наиболее тесная (генетическая) связь структурных элементов этого комплекса прослеживается с элементами КК казанско-западно-закамских кряшен Центрального этнокультурного ареала. Такая близость наблюдается в идентичности сложных и многочастных комплексов женских и девичьих головных уборов, в покроях и конструктивных деталях нижней и верхней одежды, обуви, украшений, в чрезвычайной близости приемов их декоративно-художественного оформления. Здесь, как видим, речь идет не об отдельных параллелях и аналогах, а о единстве в значительной степени наиболее важных этноопределяющих параметров костюма.

Сравнительно-исторический (синхронный и диахронный) анализ структурных элементов народного костюма, особенностей его декора позволяет констатировать, что финно-угорский компонент составляет один из значимых по этнокультурной наполненности тренд в культурогенезе волго-уральских татар. Он ощутим в казанско-татарских КК, особенно в сельских его вариациях, в комплексах одежды крещеных татар Центрального этнокультурного ареала. В Западном ареале финно-угорская составляющая очевидна во всех КК, особенно в Сергачском. Однако в наибольшей степени финно-угорские, самодийско-угорские традиции обнаруживаются в Зауральском комплексе татарской одежды Восточного этнокультурного ареала, обусловленные этнокультурными контактами тюрков и финно-угров в Урало-Поволжье и опосредованными через башкир сибирскими обско-угорскими, угро-самодийскими связями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 260 с.
2. *Акимова Т.М.* Вышивка саратовских чуваш. Саратов, 1936. 56 с.
3. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н.Г. Рутто. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 92 с.
4. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу // ТИЭ. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 142 с.
5. *Валеев Ф.Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 171 с.
6. *Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. II. М.-Л., 1949. С.42–61.
7. *Василевич Г.М.* Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. Т. 21. Л., 1963. С.3–64.
8. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.
9. *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 500 с.
10. *Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. 191 с.
11. *Крыласова Н.Б.* История Прикамского костюма. Пермь, 2001. 259 с.
12. *Культура Биляра* / отв. ред. А.Х. Халиков. М: Наука, 1985. 223 с.
13. *Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н.* Зауральские башкиры. Этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа: БФАН СССР, 1962. С.171–268.
14. *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1977. 183 с.
15. *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 246 с.
16. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 429 с.
17. *Никонова Е.Е.* Орнамент счетной вышивки башкир. Уфа: Гилем, 2002. 237 с.
18. *Прыткова Н.Ф.* Типы верхней одежды народов Сибири // КСИЭ. М., 1952. С.19–22.
19. *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 394 с.
20. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 792 с.
21. *Сафина Ф.Ш.* Ткачество татар Поволжья и Урала. Конец XIX – начало XX вв. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 1996. 204 с.
22. *Суслова С.В.* Женские нагрудники татар Среднего Поволжья и Приуралья как исторический источник // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С.110–129.
23. *Суслова С.В.* Традиционная одежда приуральских татар сер. XIX – нач. XX вв.: к проблеме этнокультурного районирования татарского этноса в При-

уральском регионе // Приуральские татары. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. С.29–52.

24. *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 311 с.

25. *Суслова С.В.* Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по данным народного костюма // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. М.: М: Наука, 2003. С.178–208.

26. *Фасхутдинова Л.Ф.* Золотая вышивка казанских татар. Материалы, технология, орнамент // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. III. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С.74–88.

27. *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 127 с.

28. *Шитова С.Н.* Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии башкир. Уфа: БФАН СССР, 1984. С.9–28.

29. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа Казань: ПИК «Дом печати», 2002. 247 с.

Информация об авторе:

Суслова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5950-8576; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Поступила 26.09.2023

Принята к публикации 16.10.2023

Materials to the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: Finno-Ugric trend in the structure of folk costume

S. V. Suslova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The factual basis of the publication consists of typological and cartographic materials of the Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People (volume "Folk costume") and the ethnocultural zoning carried out on their basis, highlighting three distinctive areas. A comparative historical (synchronous and diachronic) analysis of the structural elements of the costume and the features of its decor allows us to state that the Finno-Ugric component, in terms of ethnocultural fullness, constitutes one of the important trends in the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars. It is noticeable in the Kazan-Tatar costume complexes, especially in its rural variations, in the clothing complexes of the baptized Tatars of the Central ethnocultural area. In the Western area, the Finno-Ugric component is also evident in all complexes, especially in the Sergach costume. However, to the greatest extent, Finno-Ugric, Samoyed-Ugric traditions are found in the Trans-Ural complex of Tatar clothing of the Eastern area, due to ethnocultural

contacts of the Turks and Finno-Ugric peoples in the Ural-Volga region and mediated through the Bashkirs by Siberian Ob-Ugric, Ugric-Samoyedic connections.

Keywords: Volga-Ural region, Tatars, Finno-Ugric peoples, costume, arts and crafts

For citation: Suslova S.V. Materials to the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: Finno-Ugric trend in the structure of folk costume. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.80–92. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.80-92> (In Russian)

REFERENCES

1. Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. *Decorative and applied art of the Bashkirs*. Ufa, 1964. 260 p. (In Russian)
2. Akimova T.M. *Embroidery of the Saratov Chuvashs*. Saratov, 1936. 56 p. (In Russian)
3. *Bashkir breast decorations made of corals and coins*. Compiled by N.G. Rutto. Ufa: Central Economics Institute of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2006. 92 p. (In Russian)
4. Belitser V.N. Folk clothing of the Udmurts: materials for ethnogenesis. *Proceedings of the Institute of Ethnography*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 142 p. (In Russian)
5. Valeev F.Kh. *Folk decorative art of Tatarstan*. Kazan: Tatar book Publ., 1984. 171 p. (In Russian)
6. Vasilevich G.M. Tunguska breastplate among the peoples of Siberia. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol.2. Moscow-Leningrad, 1949. Pp.42–61. (In Russian)
7. Vasilevich G.M. Types of footwear of the peoples of Siberia. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol.21. Leningrad, 1963. Pp.3–64. (In Russian)
8. Gribova L.S. *Perm animal style (problems of semantics)*. Moscow: Nauka Publ., 1975. 148 p. (In Russian)
9. Ivanov S.V. *Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th – early 20th centuries)*. *Peoples of the North and Far East*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 500 p. (In Russian)
10. Ivanova M.G. *Origins of the Udmurt people*. Izhevsk, 1994. 191 p. (In Russian)
11. Krylasova N.B. *History of the Prikamsky costume*. Perm, 2001. 259 p. (In Russian)
12. *Culture of Bilyar*. Ed. by A.H. Halikov. Moscow: Nauka Publ., 1985. 223 p. (In Russian)
13. Kuzeev R.G., Bikbulatov N.V., Shitova S.N. Trans-Ural Bashkirs. Ethnographic sketch of life and culture of the late 19th – early 20th centuries. *Archeology and ethnography of Bashkiria*. Vol.1. Ufa: BFAN USSR Publ., 1962. Pp.171–268. (In Russian)
14. Mukhametshin Yu.G. *Kryashen Tatars. Historical and ethnographic study of material culture. Mid-19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 183 p.

15. Mukhamedova R.G. *Mishar Tatars. Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka Publ., 1972. 246 p. (In Russian)
16. Nikitina T.B. *Mari in the Middle Ages (based on archaeological materials)*. Yoshkar-Ola, 2002. 429 p. (In Russian)
17. Nikonorova E.E. *Ornament of counted embroidery of the Bashkirs*. Ufa: Gilem Publ., 2002. 237 p. (In Russian)
18. Prytkova N.F. Types of outerwear of the peoples of Siberia. *Brief reports of the Institute of Ethnography*. Moscow. 1952. Pp.19–22. (In Russian)
19. Rudenko S.I. *Bashkirs. Historical and ethnographic essays*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 394 p. (In Russian)
20. Rybakov B.A. *Craft of Ancient Rus*. USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 792 p. (In Russian)
21. Safina F.Sh. Weaving of the Tatars of the Volga region and the Urals. Late 19th – early 20th centuries. *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fan Publ., 1996. 204 p. (In Russian)
22. Suslova S.V. Women's bibs of the Tatars of the Middle Volga and Urals as a historical source. *On the issue of the ethnic history of the Tatar people*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1985. Pp.110–129. (In Russian)
23. Suslova S.V. Traditional clothing of the Ural Tatars. 19th – early 20th centuries: to the problem of ethnocultural zoning of the Tatar ethnic group in the Urals region. *Cisural Tatars*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1990. Pp.29–52. (In Russian)
24. Suslova S.V., Mukhamedova R.G. Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries). *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fan Publ., 2000. 311 p. (In Russian)
25. Suslova S.V. Ethnocultural zoning of the Tatars of the Volga region and the Urals according to folk costume. *Races and Peoples. Contemporary ethnic and racial problems*. Moscow: Nauka Publ., 2003. Pp.178–208. (In Russian)
26. Faskhutdinova L.F. Gold embroidery of Kazan Tatars. Materials, technology, ornament. *Ethnological studies in Tatarstan*. Vol.3. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. Pp.74–88. (In Russian)
27. Sharifullina F.L. *Kasimov Tatars*. Kazan: Tatar book Publ., 1991. 127 p. (In Russian)
28. Shitova S.N. Finno-Ugric component in the folk clothing of the Bashkirs. *Research on the historical ethnography of the Bashkirs*. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 1984. Pp.9–28. (In Russian)
29. Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga region and the Urals and issues of their formation. *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: House of Press Publ., 2002. 247 p. (In Russian)

About the author:

Suslova Svetlana Vladimirovna – Cand. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5950-8576; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Received September 26, 2023

Accepted for publication October 16, 2023

Газета «Тормыш» и кряшенская тематика
на ее страницах (1913–1918 гг.)

А.В. Ахтямова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье представляются обобщенные выводы по результатам изучения кряшенской проблематики на страницах татарской газеты «Тормыш» («Жизнь»), издававшейся в Уфе в 1913–1918 гг. В ней также рассматривается история возникновения газеты, отмечается вклад представителей мусульманской торгово-промышленной буржуазии в становление и развитие татарского периодического издания. Исследование показало, что газета стремилась к широкому освещению актуальных общественных процессов в регионе. Учитывая местные особенности, она уделяла внимание деятельности различных культурно-просветительских учреждений. В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что материалы о духовной жизни кряшенского населения Уфимской губернии, опубликованные в газете «Тормыш», носили информационный характер. Темами для публикаций чаще всего становились мероприятия миссионерского направления.

Ключевые слова: газета «Тормыш», издатели, редакторы, Уфа, кряшены, миссионерство

Для цитирования: Ахтямова А.В. Газета «Тормыш» и кряшенская тематика на ее страницах (1913–1918 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.93–104. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.93-104>

Введение. В начале XX столетия в Уфимской губернии, как и в стране в целом, основным каналом информационного обмена являлась газетная периодика. Газетное дело в это время продолжает активно развиваться, становясь все более эффективным средством воздействия на широкие общественные массы. Своевременно освещая вопросы политической и экономической повестки, новости культуры, газета превратилась в ведущий тип издания в российской журналистике. Актуальность исследования обусловлена тем, что этнокультурное многообразие нашей страны на всех этапах развития отечественной журналистики находило и находит отражение в прессе. Познание исторического опыта российской газетной периодики возможно лишь с учетом многообразия культурно-исторического развития всех регионов многонациональной Российской империи.

В настоящей статье представляются основные обобщенные выводы по результатам изучения кряшенской проблематики на страницах татарской газеты «Тормыш» («Жизнь»), издававшейся в Уфе в 1913–1918 гг. Научная новизна состоит в том, что данное арабографическое периодическое издание исследуется в таком ракурсе впервые. Интерес к заявленной теме вызван и

тем, что в нем широко освещались различные вопросы, имеющие большое значение как для губернского города, так и для всего региона с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения, соответственно, информационная насыщенность газеты позволяет оценить социальное поведение представителей мусульманской общины, в том числе по отношению к миссионерским институтам.

Этноконфессиональные особенности населения губернии. Наглядную картину этнического и конфессионального состава населения губернии в конце XIX в. иллюстрируют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Организаторы статистического мероприятия при определении национальной принадлежности респондентов ориентировались на такой показатель, как «родной язык».

Этнический состав населения Уфимской губернии был разнородным. Согласно данным переписи 1897 г., в Уфимской губернии насчитывалось всего 2196642 чел. Башкиры составляли среди них 40,98%, русские – 37,97%, татары – 8,41%, черемисы (марийцы) – 3,69%, чувашаи – 2,76%, другие народности – 6,19% [20, с.VII]. Еще одной особенностью региона была многочисленность мусульман (49,88%). Отметим, что по итогам переписи 1897 г., в Уфимской губернии лиц православного вероисповедания, признавших в качестве родного «татарский» язык, оказалось 21,42%, или 39,57 тыс. чел. [20, с.VIII].

Представим статистические данные в разрезе городов. В 1897 г. городское население губернии проживало в шести городах. В губернской Уфе и 5 уездных городах (Белебей, Бирск, Златоуст, Мензелинск, Стерлитамак) Уфимской губернии насчитывалось 107303 чел. (4,88%). Основную часть городского населения составляли русские – 84%; татары – 7,48%; башкиры – 5,29%. Свыше 90% татарского населения указанных городов относилось к мусульманской конфессии, кроме Мензелинска, где лишь 77% татар – мусульмане [19, с.54–56].

В начале нового столетия в губернской Уфе наблюдается высокий темп прироста мусульманского населения. Примечательно, что если в 1897 г. по количеству мусульман Уфа занимала четвертое место среди губернских городов Волго-Уральского региона, то в 1910 г. она вышла на первое место по данному показателю, обогнав Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую общины [13, с.275].

Другой важной особенностью губернского города являлось расположение в нем Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). С тех пор как 4 (15) декабря 1789 г. в Уфе было торжественно открыто Уфимское духовное магометанского закона собрание¹ (Оренбургское – с 1796 г.², ОМДС – с 1846 г.), город приобрел особое значение для российских мусульман. Как отмечается в литературе, Духовное собрание было призвано регулировать государственно-исламские отношения и социокультурные запросы последователей Ислама на территории всей Европейской части России (за исключе-

¹ Учрежден именованным указом Екатерины II от 22 сентября (3 октября) 1788 г.

² В 1797–1803 гг. располагалось в Оренбурге [1, с.25].

нием Крымского полуострова) и Сибири [30, с.273]. К 1916 г. ОМДС ведало делами почти 25% всех мусульманских подданных страны [30, с.273].

Характеризуя территорию управления духовной жизнью православного и языческого населения Уфимской губернии, следует отметить следующие сюжеты. В Приуралье «Оренбургская и Уфимская епархия» была учреждена в 1799 г. В 1859 г. произошло разделение данной епархии на две новые: епархию Оренбургскую и Уральскую с кафедрой в Оренбурге и епархию Уфимскую и Мензелинскую с архиерейской кафедрой в Уфе. Границы и состав Уфимской епархии были уточнены в 1865 г., после разделения Оренбургской губернии на две губернии – Оренбургскую и Уфимскую [7, с.7].

21 ноября 1878 г. был официально открыт Уфимский епархиальный комитет Православного миссионерского общества. С 23 июля 1910 г. он состоял под Августейшим покровительством Ее Императорского

Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны [17, с.950–951]. Указом Святейшего Синода от 30 апреля 1910 г. за №6004 в ведении данного комитета находилась епархиальная внешняя миссия: «противомусульманская» и «противоязыческая». В сферу деятельности «противомусульманской» миссии входила работа среди «крещеных инородцев татарского и чувашского племени». На членов этой же миссии была возложена обязанность распространения православия и среди мусульман Уфимской губернии. Просветительская деятельность «противоязыческой» миссии распространялась на православное и языческое население из марийцев, удмуртов и мордвы [18, с.1011].

В условиях динамично развивающейся внешней среды мусульманское сообщество нуждалось в новых средствах обмена/передачи информации. Ведущим типом издания в татарской журналистике, как и в русской, становится газета. Временные правила о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. отменили предварительную цензуру (п.1), что существенно облегчило создание новых печатных органов.

Таким образом, значительные культурно-исторические традиции двух цивилизаций – православно-христианской и мусульманской – способствовали дальнейшему развитию региональной прессы.

Как создавалась газета «Тормыш», ее издатели и редакторы. 18 (31) октября 1913 г. в Уфе начала издаваться татарская газета «Тормыш» – преемница первой в Сибири татарской газеты «Сибирия» (выпускалась в Томске в феврале 1912 – августе 1913 г. и редактировалась супругами Наврузовыми) [22, с.100, 123].

Этому событию предшествовали переговоры издателя и редактора «Сибирии» М.-В. Наврузова с лидерами мусульманской общины г. Уфы, состоявшиеся еще весной 1913 г. На собрании мусульман обсуждался вопрос о перенесении издания томской газеты «Сибирия» в Уфу. Признав целесообразным выпуск татарской газеты в губернской столице, участники собрания приняли решение издавать ее на паевых началах. Размер паевого взноса, так же как и в Томске, составил 50 руб. (примечательно, что в список пайщиков были включены и учителя медресе «Галия»). По 500 руб. обязались выделить местные богатеи: Абдуллатиф Хакимов, Садретдин Назиров, Гибадулла Усманов, Кутлуг-Мухаммед Алкин, Салимгирей Джантюрин. Общая сумма собранных

денежных средств составила 3000 руб. И тогда же было подано прошение на имя губернатора о разрешении выпуска газеты «Тормыш» с периодичностью три раза в неделю [23, б.3]. Позже, 23 ноября 1913 г., уже после выхода 6-го номера газеты, был подготовлен договор о создании паевого товарищества с основным капиталом 4000 руб. (80 паев по 50 руб.), однако он так и не был еще заключен [6, б.1].

Между тем, в следующем году, издание столкнулось с трудностями организационного и финансового характера. Источники сообщают, что 25 июня 1914 г. редактор-издатель газеты «Тормыш» М.-В. Наврузов уехал в Казань, а оттуда направился отдыхать в родные края [26, б.4], однако меньше чем через месяц в Российской империи была объявлена мобилизация, и он не смог обратно вернуться в Уфу [6, б.1]. На период отсутствия М.-В.Наврузова временно исполняли обязанности редактора в разное время Габдулла Шнаси (Ибрагимов), Зигангир (Джигангир) Абызгильдин, Гумда (Гимадатулыслам) Хабилов. «Тормыш» продолжал радовать своих читателей новыми интересными номерами.

Однако в дальнейшем, в связи с нестабильной финансовой ситуацией, редакция газеты была вынуждена обратиться за помощью, о чем и сообщила в телеграмме С.-Г.Джантюнину. Последний срочно прибыл в Уфу и передал свои полномочия К.-М.Алкину. В начале сентября 1914 г. в доме К.-М.Алкина прошло общее собрание членов (пайщиков) товарищества. По итогам проведенного собрания был, наконец, заключен договор об учреждении товарищества по изданию газеты «Тормыш». При этом обязанности издателя передавались известному уфимскому купцу и меценату Гибадулле Усманову, а обязанности редактора – Закиру Кадыри, бывшему преподавателю медресе «Галия», на имя которых на следующем собрании пайщиков была оформлена доверенность, составленная присяжным поверенным С.В. Шишкиным. Однако вскоре выяснилось, что эти лица в действительности не вправе действовать от имени товарищества, поэтому, позже, на третьем собрании пайщиков, договор был расторгнут. На повестку дня встал вопрос о необходимости приобретения типографского имущества. С этой целью велась переписка с Мухаммед-Вагиз-эфенди. Вскоре он прибыл в Уфу: 4 октября 1914 г. было куплено типографское имущество М.-В. Наврузова. В течение ближайшего времени типография была оборудована новыми материалами. В частности, были установлены новые шрифты, появились новые устройства – электрическое освещение и телефон [6, б.1].

Таким образом, с 5 октября 1914 г. новым издателем газеты «Тормыш» стал Г.Усманов, а редактирование перешло в руки З.Кадыри. Последний занимал этот пост до середины января 1918 г., одновременно публиковался на страницах «Тормыш» по самым острым вопросам общественной жизни. В связи с избранием членом Магариф назарате Милли Идаре³, он был вынужден оставить редакторскую работу. Об этом бывший редактор известил читателей в 785-м номере газеты от 16 января 1918 г. [14, б.1], который вышел уже под редакторством Гимадатулыслама Хабилова.

³ В составе правительства национально-культурной автономии Милли Идаре (избран в январе 1918 г.) было создано три министерства: финансов (Малия назарате), просвещения (Магариф назарате), по религиозным делам (Диния назарате).

Газета, обозначенная как «национальная, политическая, экономическая, литературная татарская газета» (имела подзаголовок «*Милли, саяси, икътисади, әдәби татарча гәзитәдер*»), существовала в очень непростое время: пережила события, связанные с Первой мировой войной, революции 1917 г. Затем до середины 1917 г. печаталась с подзаголовком «*Һәр милләт дөньяда яшәр өчен үз әдәбияте вә мәдәниятенә мохтаждыр*» (подстрочник: «Для того чтобы существовать, каждая нация нуждается в собственной литературе и культуре»). Позже появились конкретные лозунги: «*Яшиәсен халык хакимияте нигезендә корылган кушма җәмһурият! (Федерация Жәмһурияте)*», «*Яшиәсен милли вә мәдәни мохтариятләр!*» (подстрочник: «Да здравствует основанная на власти народа объединенная республика! (Федеративная республика), Да здравствует национально-культурные автономии!»⁴).

На страницах издания размещались материалы, посвященные внешне- и внутривосточной проблематике, статьи по вопросам мусульманского образования, религии, проблемам положения татарской женщины в обществе, новости о татарских спектаклях и концертах и многое другое. Как было отмечено выше, газета издавалась три раза в неделю (в первое время выходила реже), а затем, в 1914 г., стала выходить ежедневно (5 раз в неделю в 1917 г.). Всего вышло 832 номера. Первоначально издавалась в типографии «Шәрәк матбагасы» («Восточная печать»), а весной 1914 г. стала выпускаться в частной типографии «Тормыш», принадлежавшей Г. Усманову. 29 апреля 1918 г. «Тормыш» был запрещен Уфимским мусульманским комиссариатом за «выступления против пролетарской революции», а одноименная типография, где печаталось татарское издание, национализирована [22, с. 123].

Освещение крымской проблематики в газете «Тормыш». Следует отметить, что эта газета, как и другие выходившие в губернском центре печатные издания, реализовывала различные функции журналистики: информационные, культуроформирующие, рекламно-справочные. Газета, как известно, является многоплановым историческим источником, содержащим материал различного происхождения, представляющим интерес для историков, этнологов, краеведов, искусствоведов и других исследователей. В целом газетные жанры условно подразделяются на три основные группы: информационные, аналитические, художественно-публицистические.

Результаты проведенного нами анализа материалов газеты «Тормыш», поднимающих преимущественно темы, которые так или иначе касались духовной жизни крымского населения региона, а также истории православной миссии, позволяют сделать следующие выводы.

1. Одной из основных задач редакции было ознакомление своих единоверцев-читателей с новостями из жизни православного нерусского населения, поэтому подобные публикации принадлежали главным образом к первой группе. Таким образом, изученные газетные материалы касаются миссионерской деятельности Уфимской епархии в общем и духовной жизни крымского населения в частности носили в основном информационный характер (за-

⁴ Кудашев А. Г. Национальная периодическая печать // Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН). Ф. 50. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

метка, информационная корреспонденция, информационный отчет). Рассмотрим вышесказанное на конкретных примерах.

Так, газета делилась с новостями о деятельности Уфимского комитета Православного миссионерского общества. С назначением епископа Андрея (в мире князь Александр Ухтомский) на Уфимскую кафедру 22 декабря 1913 г. начался новый этап развития православной религиозной традиции в регионе. На место своего служения он явился в феврале месяце следующего года. «15 февраля 1914 г. в Уфу прибыл епископ Уфимский и Мензелинский Андрей», – известила читателей газета «Тормыш». «С великими почестями проводили его на Кавказе⁵ [...] Действительно, человек, придающий большое значение религии, известен как прославленный миссионер», – отмечалось в сообщении [25, б.4]. Отметим, что епископ Андрей инициировал основание в губернском центре Восточно-русского культурно-просветительного общества⁶ [5, с.131]. При Обществе им был основан журнал «Заволжский летописец», который издавался в Уфе в 1916–1918 гг. Это событие было отмечено небольшой заметкой под заглавием «Яңа журнал» в 507-м номере газеты «Тормыш» [31, б.4].

Редакция газеты «Тормыш» не оставила без внимания и другое издание Общества – газету «Дус» («Друг») (на татарском языке в русской транскрипции), выходящую также в Уфе с февраля 1916 г. по май 1918 г. «Тормыш» оповестил своих читателей о месте издания, издателе, редакторе, стоимости, периодичности его выхода. В объявлении также отмечалось, что «Дус» печатается «на татарском языке русскими буквами». Далее уточнялось, что газета написана «на кряшенском языке» («*кәрәшен телендәрәк*»). Подчеркивалось, что встречается много арабских слов, в частности, «Аллах» («*Алла*»), «народ» («*халык*»), «благодарение» («*шиөкер*»), «польза» («*файда*»), «обещание» («*вәгъдә*»). При этом газета «Тормыш» указала на особенности произношения этих слов. Как она отметила, в газете «Дус» встречались, например, слова: «*калык*» («*халык*»), «*лайда*» («*файда*») и т.д. [27, б.3].

Среди публикаций газеты «Дус» иногда отбирались новостные материалы. Так, ссылаясь на «Дус», редакция «Тормыш» информировала читателей о намерении Восточно-русского культурно-просветительного общества открыть шесть библиотек в Уфимской губернии (в Мензелинском уезде – 2, в Белебеевском уезде – 4), фонды которых планировалось обогатить, прежде всего, русскими книгами, а также татарскими (в скобках добавлено: «*рус хәрәфләре беләндәр*», т.е. «русскими буквами»), чувашскими и марийскими [28, б.3]. Отмечалось, что библиотеки будут располагаться в зданиях местных школ, а читателю представится возможность работы в читальном зале или получения книги на дом.

Обращает на себя внимание и небольшая заметка под рубрикой «*Уфа хәбәрләре*» («Уфимские вести»), где сообщалось об открытии 15 сентября 1914 г. съезда Уфимского епархиального комитета Православного миссионер-

⁵ Об отбытии епископа Андрея из Сухума была опубликована информация в ряде периодических изданий. В частности, отмечалось, что «проводы» превратились «в знаменательную манифестацию», в честь этого события «грузинское общество поднесло еп[ископу] Андрею восторженный адрес» [21, с.38].

⁶ Учредительное собрание по созданию Общества состоялось 2 февраля 1916 г.

ского общества. Она демонстрирует заинтересованность татарских интеллектуалов во всестороннем освещении миссионерской деятельности в регионе, однако, судя по заметке, иногда встречались некоторые препятствия. К примеру, корреспонденты татарских газет «Тормыш» и «Вакыт» («Время») (1906–1918, Оренбург) не были допущены на данное знаковое мероприятие [24, б.3].

Между тем, очевидно, в следующем году для освещения данной тематики на страницах «Тормыш» сложилась более благоприятная обстановка. Об этом свидетельствует, в частности, подробное описание общего собрания Комитета от 20 сентября 1915 г., опубликованное в №327 газеты «Тормыш» от 24 сентября 1915 г. [29, б.3]. Примечательно, что позже данное событие нашло отражение также в публикациях журнала «Уфимские епархиальные ведомости» – официального издания Уфимской и Мензелинской епархии. Как указано в источниках, главной темой стал отчет Комитета за 1914 г. Мероприятие прошло под председательством епископа Андрея, также присутствовали уфимский губернатор, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, попечитель учебного округа, представители судебного и учебного ведомств, множество духовных лиц и т.д.

Сравнивая подачу материалов у обоих изданий, следует отметить следующее. Газета «Тормыш» в общих чертах изложила не только содержание прочитанных на собрании докладов о работе Комитета за 1914 г.⁷, но и выдержки из речи уфимского губернатора П.П. Башилова, епископа Андрея и исполняющего обязанности епархиального миссионера, священника Стефана Матвеева, которые поделились своим видением решения проблемы миссионерской деятельности. Так, губернатор обозначил важность миссии по обращению язычников в христианство. Как писала газета «Тормыш», он «рассказал о том, что ныне открыто бороться с мусульманами – бесполезно», по его мнению, «особенно необходимо обратить внимание на язычников», тем более что «сейчас среди них усилилась мусульманская пропаганда». Выступивший вслед за ним епископ Андрей отметил, что высказанные губернатором предложения будут учтены. В своей речи он также подчеркнул о необходимости оказания материальной помощи «новокрещенам» («яңа чуқындырылған»). В частности, он напомнил о договоренности с Крестьянским поземельным банком касаясь предоставления льгот этим лицам на покупку земель. Затрагивая вопрос о православной миссии среди мусульман, миссионер-проповедник Стефан Матвеев подчеркнул важность не количественных факторов⁸, а укрепления в вере новокрещеных христиан [29, б.3]. На страницах журнала «Уфимские епархиальные

⁷ Согласно отчету за 1914 г., «...в Уфимской губернии насчитывается 1,5 миллиона мусульман, 110 тысяч язычников, которые проживают в 322 селениях. Крещеные татары, чувашаи и другие нерусские народы (инородцы) проживают в 206 селениях...» [29, б.3].

⁸ Здесь приведем фрагмент речи докладчика, опубликованной в журнале «Уфимские епархиальные ведомости»: «...числом обращенных из мусульманства в 1914 году наша миссия похвалиться не может: просвещены св. крещением не более 10 человек». О количестве отпавших в ислам за тот же год было отмечено: «...за отчетный год случаев отпадения в ислам было не более 10-ти» [16, с.805–806].

ведомости» также был опубликован общий отчет о деятельности Комитета за 1914 г. [16], а далее читатели имели возможность ознакомиться с полным текстом доклада С.Матвеева на тему «В чем выразился результат деятельности Уфимской противомусульманской миссии за 1914 год» [15].

2. Осуществив фронтальный просмотр номеров газеты «Тормыш», нами были выявлены материалы аналитического жанра, посвященные известным миссионерам, а также публикации, так или иначе затрагивающие миссионерскую тематику. В частности, подобным ярким примером является материал, связанный с именем вышеупомянутого епископа Андрея, известного миссионера и церковного публициста [9; 10; 11; 12; 8]. Дело в том, что вышедшая в 1915 г. из-под его пера книга «Мнения Уфимских земцев о церковных делах» [3] получила большой общественный резонанс. Редакция газеты «Тормыш», в частности, при оценке данного события, учитывая различные аспекты, предоставляла площадку для разных мнений. Основным предметом дискуссии являлся вопрос о финансировании земством мусульманских школ. В свою очередь, представители церковного ведомства выступали за использование земского бюджета для поддержки церковно-приходских школ.

Так, в №362 от 24 ноября 1915 г. «Тормыш» поместил отзыв известного деятеля революционного движения в России Ибрагима Ахтямова (1880–1936) (печатался и ранее – 15 ноября 1915 г. – в газете «Уфимская жизнь») на книгу владыки, указав в предисловии, что в следующем номере будет опубликован ответ самого автора [9, б.2]. Как и было задумано редакцией, ответное письмо епископа Андрея нашло отражение на страницах «Тормыш» [10, б.2], являвшееся, по сути, переводом ранее опубликованного в русскоязычных изданиях текста (сначала в газете «Уфимский вестник» от 20 ноября 1915 г., затем в журнале «Уфимские епархиальные ведомости» [4]). Автор сделал критические замечания к учебным пособиям (А.-Х.Максуди, Х.Забири), а также в адрес земских учреждений, финансировавших мектебы⁹. В продолжение поднятой темы в декабрьских номерах газеты «Тормыш» были опубликованы новые статьи [11, б.2; 12, б.2; 8, б.2].

Заключение. Как видим, газета стремилась к широкому освещению актуальных общественных процессов в регионе. Учитывая местные особенности, она уделяла внимание деятельности различных культурно-просветительских учреждений. Материалы о жизни кряшенского населения Уфимской губернии, опубликованные в изученной нами газете «Тормыш», носили информационный характер. В количественном отношении публикации, которые в той или иной мере касались кряшенской духовной культуры, незначительны. Темами для публикаций чаще всего становились миссионерские мероприятия. Примечательно, что на страницах татарского издания для обозначения кряшенского населения использовались термины «*керәшен*» («кряшены»), «*чукундырылган татар*» («крещеные татары»).

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что материалы периодической печати являются хорошим подспорьем в понимании сложных и про-

⁹ С 1907 г. в большинстве уездных земских смет Уфимской губернии появился новый вид расходов – пособия мектебам [2, с.404].

тиворечивых общественных процессов начала XX столетия. Приоритетом для газеты «Тормыш» являлись события, происходящие в мире в целом и в регионе в частности. При этом редакция газеты стремилась достоверно отразить эпоху, находить правильный баланс интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 193 с.

2. *Азаматова Г.Б.* Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Уфа, 2018. 586 с.

3. *Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич).* Мнения уфимских земцев о церковных делах (на основании речей в уезд. зем. собр. 1914 г.). Уфа: Электр. губ. тип., 1915. [4], 50 с.

4. *Андрей,* Епископ Уфимский. На суд людей вполне беспристрастных // Уфимские епархиальные ведомости. 1915. №23, неоф. С.990–994.

5. *Андрей,* Епископ Уфимский. Об основании Восточно-русского общества // Уфимские епархиальные ведомости. 1916. №4, неоф. С.131–133.

6. *Гыйбадулла Госманов, Закир Кадыйри.* «Тормыш» газетасының Уфада чыга башлавы һәм икенче кулларга күчүе // Тормыш. 1915. 10 февраль.

7. Дорога к храму: История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. 100 с.

8. Епископ Андрей – земство вә мөселман мәктәпләре // Тормыш. 1915. 13 декабрь.

9. Епископ Андрей – земство һәм мәктәпләр // Тормыш. 1915. 24 ноябрь.

10. Епископ Андрей – земство һәм мәктәпләр // Тормыш. 1915. 25 ноябрь.

11. Епископ Андрей һәм мөселман мәктәпләре // Тормыш. 1915. 8 декабрь.

12. Епископ Андрей һәм мөселман мәктәпләре // Тормыш. 1915. 9 декабрь.

13. *Загидуллин И.К.* Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. 324 с.

14. *Кадыйри З.* «Тормыш»тан чыктым // Тормыш. 1914. 16 гыйнвар.

15. *Матвеев С.* В чем выразился результат деятельности Уфимской противомусульманской миссии за 1914 год // Уфимские епархиальные ведомости. 1915. №19, неоф. С.805–808.

16. Общее собрание Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества // Уфимские епархиальные ведомости. 1915. №19, неоф. С.803–805.

17. Отчет о деятельности Уфимского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1914 год // Уфимские епархиальные ведомости. 1915. №23, оф. С.950–979.

18. Отчет о деятельности Уфимского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1914 год // Уфимские епархиальные ведомости. 1915. №24, оф. С.1011–1020.

19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 189 с.

20. *Плешко С.П.* Краткий обзор цифровых данных по Уфимской губернии // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. С.III–XI.

21. Проводы Преподобного Андрея, епископа Сухумского // Уфимские епархиальные ведомости. 1914. №3, неоф. С.33–38.

22. Татарская периодическая печать: научно-энциклопедическое издание / сост. и науч. ред.: Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилязов. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.

23. Уфа хэбэрлэре // Вақыт. 1913. 17 март.

24. Уфа хэбэрлэре // Тормыш. 1914. 19 сентябрь.

25. Уфа хэбэрлэре // Тормыш. 1914. 21 февраль.

26. Уфа хэбэрлэре // Тормыш. 1914. 27 июнь.

27. Уфада // Тормыш. 1916. 11 декабрь.

28. Уфада // Тормыш. 1917. 22 февраль.

29. Уфада. Миссионерлар комитеты // Тормыш. 1915. 24 сентябрь. №327. Б.3.

30. *Фархитов М.Н.* Оренбургское магометанское духовное собрание и журналы его присутствия как источник по истории мусульман российской империи. Публикация первоисточников – одно из важных направлений развития современной российской исторической науки // Сборник статей участников Международной конференции «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения» (Казань, 27–28 мая 2014 г.). С.272–283 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmloi/handle/net/113157> (дата обращения: 11.09.2023).

31. Яңа журнал // Тормыш. 1916. 28 август.

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Поступила 26.09.2023

Принята к публикации 16.10.2023

The newspaper “Tormysh” and Kryashen theme on its pages (1913–1918)

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article presents generalised conclusions based on the results of the study of Kryashen issues in the pages of the Tatar newspaper “Tormysh” (“Life”) published in Ufa in 1913–1918. It also examines the history of the newspaper and notes the contribution of representatives of the Muslim commercial and industrial bourgeoisie to the formation and development of the Tatar periodical. The study shows that the newspaper endeavoured to provide a broad coverage of topical social processes in the region. Taking into account local peculiarities, it paid attention to the activities of various cultural

and educational institutions. As a result of the analysis, it was concluded that the materials about the spiritual life of the Kryashen population of Ufa Province published in the newspaper "Tormysh" were informational in nature. The topics for publications were most often missionary activities.

Keywords: newspaper "Tormysh", publishers, editors, Ufa, Kryashens, missionary work

For citation: Akhtyamova A.V. The newspaper "Tormysh" and Kryashen theme on its pages (1913–1918). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.93–104. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.93-104> (In Russian)

REFERENCES

1. Azamatov D.D. *The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the late 18th and 19th centuries*. Ufa: Gilem Publ., 1999. 193 p. (In Russian)
2. Azamatova G.B. *Zemstvo self-government in the multinational region of Russia (on the example of the Ufa province, 1874–1917)*. Dissertation of Doctor of Historical Sciences. Ufa, 2018. 586 p. (In Russian)
3. Andrey (Ukhtomsky Aleksandr Alekseevich). *Opinions of Ufa Zemstvo residents about church affairs (based on speeches in district Zemstvo assembly in 1914)*. Ufa: Provincial Publ., 1915. [4], 50 p. (In Russian)
4. Andrey, Bishop of Ufa. To the judgment of completely impartial people. *Ufa diocesan sheets*. 1915, no.23, pp.990–994. (In Russian)
5. Andrey, Bishop of Ufa. On the foundation of the Eastern Russian Society. *Ufa diocesan sheets*. 1916, no.4, pp.131–133. (In Russian)
6. Gosmanov G., Kadyyri Z. How the newspaper "Tormysh" began to be published in Ufa and how it passed into other hands. *Tormysh [Life]*, February 10, 1915. (In Tatar)
7. *The Road to the Temple: The History of Religious Institutions in Ufa*. Ufa, 1993. 100 p. (In Russian)
8. Bishop Andrey – zemstvo and Muslim schools. *Tormysh*, December 13, 1915. (In Tatar)
9. Bishop Andrey – zemstvo and schools. *Tormysh*, November 24, 1915. (In Tatar)
10. Bishop Andrey – zemstvo and schools. *Tormysh*, November 25, 1915. (In Tatar)
11. Bishop Andrey – zemstvo and Muslim schools. *Tormysh*, December 8, 1915. (In Tatar)
12. Bishop Andrey – zemstvo and Muslim schools. *Tormysh*, December 9, 1915. (In Tatar)
13. Zagidullin I.K. *Tatars of the Volga-Ural region in the materials of government statistics (second half of the 16th – early 20th century): monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 324 p. (In Russian)
14. Kadyyri Z. Gone from "Tormysh". *Tormysh*, January 16, 1914. (In Tatar)
15. Matveev S. What was the result of the activity of the Ufa anti-Muslim mission in 1914? *Ufa Diocesan Sheets*. 1915, no.19, pp.805–808. (In Russian)

16. General Meeting of the Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society. *Ufa diocesan sheets*. 1915, no.19, pp.803–805. (In Russian)
17. Report on the activities of the Ufa Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society in 1914. *Ufa diocesan sheets*. 1915, no.23, pp.950–979. (In Russian)
18. Report on the activities of the Ufa Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society in 1914. *Ufa diocesan sheets*. 1915, no.24, pp.1011–1020. (In Russian)
19. *The first general census of the population of the Russian Empire in 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol. 45. Ufa Province: Notebook 2 (last). Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 189 p. (In Russian)
20. Pleshko S.P. Brief overview of digital data on the Ufa province. *The first general census of the population of the Russian Empire in 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol. 45. Ufa Province: Notebook 2 (last). Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. Pp.3–11. (In Russian)
21. Farewell of His Grace Andrey, Bishop of Sukhumi. *Ufa diocesan sheets*. 1914, no.3, pp.33–38. (In Russian)
22. *Tatar periodicals: scientific and encyclopedic edition*. Ed. by R.A. Aynutdinov, Z.Z. Gilazev. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 200 p. (In Russian)
23. Ufa News. *Vakyt* [Time], March 17, 1913. (In Tatar)
24. Ufa News. *Tormysh*, September 19, 1914. (In Tatar)
25. Ufa News. *Tormysh*, February 21, 1914. (In Tatar)
26. Ufa News. *Tormysh*, June 27, 1914. (In Tatar)
27. In Ufa. *Tormysh*, December 11, 1916. (In Tatar)
28. In Ufa. *Tormysh*, February 22, 1917. (In Tatar)
29. In Ufa. The Missionary Committee. *Tormysh*, September 24, 1915. (In Tatar)
30. Farkhshatov M.N. Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and journals of its office as a source on the history of Muslims of the Russian Empire. Publication of primary sources is one of the important directions of development of modern Russian historical science. *Collection of articles of participants of the International Conference "The Turkic-Muslim world: identity, heritage and prospects of study" (Kazan, 27–28 May 2014)*. Pp.272–283 [Electronic resource]. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/113157>(accessed: 11.09.2023). (In Russian)
31. New magazine. *Tormysh*, August 28, 1916. (In Tatar)

About the author:

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Received September 26, 2023

Accepted for publication October 16, 2023

Научная и преподавательская деятельность
Кадыра и Марьям Губайдуллиных

Ф.Ф. Марданова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению научной и преподавательской деятельности Кадыра и Марьям Губайдуллиных, которые активно занимались исследованием истории и этнографии татар в 1920-е гг. Вклад молодых этнографов в развитие татарской этнографии в силу ряда причин не стали объектом специальных исследований. В статье на основе архивных документов из фондов Центрального музея Татарской Республики, Северо-Восточного археологического и этнографического института, Восточного педагогического института и воспоминаний родственников более подробно представлена научная и преподавательская деятельность Кадыра и Марьям Губайдуллиных. Делается вывод о том, что они стояли у истоков организации высшего специального этнографического образования в республике, провели значительную работу по сбору и популяризации полевых этнографических материалов. Большинство их работ являлись первыми исследованиями в татарской национальной этнографии 1920-х гг. и послужили основой для дальнейших изысканий.

Ключевые слова: Марьям Губайдуллина, Кадыр Губайдуллин, этнографы, 1920-е годы, научная и преподавательская деятельность, национальная система образования, высшее этнографическое образование, этнография татарского народа

Для цитирования: Марданова Ф.Ф. Научная и преподавательская деятельность Кадыра и Марьям Губайдуллиных // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.105–113. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.105-113>

Одним из важных направлений современных исторических исследований является изучение наследия малоизвестных ученых, занимавшихся научной деятельностью в противоречивые 1920–1930-е гг. Имена Марьям (1892–1933) и Абдул-Кадыра¹ (1888–1944) Губайдуллиных вряд ли знает широкая публика. В научной среде они прежде всего известны как первые татарские этнографы [11, с.27–28], получившие высшее этнографическое образование.

В формировании взглядов будущих ученых, становлении их как исследователей, несомненно, большую роль сыграл их старший брат Газиз Губайдуллин, который видел перспективы в светском образовании. С 1906 г. Газиз и Кадыр Губайдуллины совместно изучали общие предметы гимназического курса. Газиз с первого раза выдержал экзамены в 3-й Казанской мужской гимназии и смог получить аттестат зрелости [11, с.25].

¹ Далее – Кадыр Губайдуллин.

Кадыру Губайдуллину удалось сдать экзамены лишь в 1916 г. [16, с.185]. Однако каких-либо подтверждающих документов о том, что он получил аттестат зрелости, нам не удалось найти. В том же году Кадыр Губайдуллин окончил казанское медресе «Халидия» и поступил на физико-математический факультет Казанского университета [11, с.27].

Марьям Губайдуллина тоже не отставала от старших братьев. Изучив необходимые предметы, сдала выпускные экзамены за 8-й класс [11, с.23] и поступила на Казанские высшие женские курсы [16, с.189]. Вскоре она стала студенткой открывшегося в Казани в 1917 г. Северо-Восточного археологического и этнографического института. Этот институт являлся единственным высшим учебным заведением этнографического и археологического профилей во всем Поволжье². В 1917 г. Кадыр Губайдуллин перевелся из Казанского университета на восточное и этнографическое отделение института³, обозначив свои настоящие научные интересы. Марьям Губайдуллина обучалась на этих же отделениях⁴, одновременно получала музыкальное образование по классу фортепиано [11, с.27].

Она проявляла большую активность в учебе, нежели ее брат Кадыр Губайдуллин. Неслучайно профессорско-преподавательский состав вуза характеризовал ее как «выдающуюся по способностям, познаниям и проявленному интересу к знаниям» студентку⁵. Она не раз принимала участие в научных экспедициях в различные районы Волжско-Камского края, организованных Советом института [15, с.58]. В рамках зачетной работы Марьям изучала остатки традиционных верований казанских татар⁶ [7, л.3об.]. Она выступала с докладом «об остатках шаманства» у татар-мусульман на «научных собраниях» института [15, с.58], на заседаниях Общества археологии, истории и этнографии⁷. Марьям Губайдуллина также исследовала и описывала свадебные обряды казанских татар⁸.

После окончания института в октябре 1920 г., по решению Совета института, она была оставлена на кафедре этнографии Востока. Под руководством С.Е. Малова планировалось начать подготовку для получения ученого звания профессора. В связи с этим Н.Ф. Катанов разработал специальные программы основных и дополнительных дисциплин, необходимых для изучения в период подготовки к ученому званию⁹.

По поручению правления института, Марьям Губайдуллина должна была изучать опубликованные материалы по татарскому фольклору, орга-

² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.Р-1339. Оп.1. Д.39. Л.61.

³ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.4л. Д.33. Л.10.

⁴ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.41. Л.9.

⁵ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.3. Л.134

⁶ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.41. Л.3об.

⁷ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.41. Л.4.

⁸ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.41. Л.4об.

⁹ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.3. Л.134.

низовать «самостоятельные сборы народной словесности казанских татар», а также фиксировать полевые материалы и переводить их на русский язык¹⁰. В то же время Н.Ф. Катанов предложил утвердить ее кандидатуру на должность хранителя нумизматического кабинета Северо-Восточного археологического и этнографического института¹¹. Здесь хранилась уникальная коллекция восточных, западноевропейских, русских монет и медалей, требующая тщательного изучения и описания.

Однако многие запланированные проекты в известной мере остались незавершенными, так как в конце 1920 г. институт был реорганизован в Восточную академию¹². В числе основных задач академии было не только комплексное изучение Востока, но и подготовка национальных кадров в сфере культуры и искусства из союзных и автономных республик. С 1921 г. Марьям и Кадыр Губайдуллины начали активную преподавательскую деятельность в стенах Восточной академии. Последний преподавал арабскую каллиграфию¹³. Вскоре данный курс был переименован в восточную каллиграфию. Кадыр Губайдуллин параллельно совмещал должность заведующего Музеем восточных книг Восточной академии¹⁴. Марьям Губайдуллина читала лекции по этнографии казанских татар¹⁵ и тюрко-татарских племен¹⁶. По некоторым данным, она разработала курс лекций «Этнография казанских татар» [2, с.208]. Однако нам не удалось найти данные материалы.

В 1922 г. был открыт Восточный педагогический институт, в состав которого вошла Восточная академия. В том же году преподаватели института были привлечены к организации учебных курсов по повышению квалификации школьных работников. Преподавание на курсах велось по 7 направлениям. М.Губайдуллина вела курс по этнографии татар [1, с.18–19].

Основная работа по обучению и подготовке педагогических кадров по родному языку, литературе и культуре коренных народов республики велась в отделении востоковедения института. В 1924/25 учебном году Марьям Губайдуллина читала лекции по этнологии тюрко-татарских племен для студентов данного отделения¹⁷. В конце 1925 г. она была назначена преподавателем учебного курса «Этнография татар»¹⁸.

Известно, что Кадыр Губайдуллин некоторое время тоже преподавал в Восточном педагогическом институте. Однако остаются невыясненными названия предметов его лекций.

¹⁰ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.41. Л.4об.

¹¹ ГА РТ. Ф.Р-1339. Оп.1. Д.41. Л.2об.

¹² ГА РТ. Ф.Р-225. Оп.1. Д.10. Л.1.

¹³ ГА РТ. Ф.Р-225. Оп.1. Д.10. Л.4.

¹⁴ ГА РТ. Ф.Р-225. Оп.1. Д.10. Л.9об.

¹⁵ ГА РТ. Ф.Р-225. Оп.1. Д.10. Л.22.

¹⁶ ГА РТ. Ф.Р-225. Оп.1. Д.10. Л.4.

¹⁷ ГА РТ. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.50. Л.82.

¹⁸ ГА РТ. Ф.Р-1487. Оп.1. Д.50. Л.151.

Преподавательскую деятельность Кадыр и Марьям Губайдуллины успешно сочетали с научной работой. Они активно занимались изучением истории и этнографии татарского народа. Подводя итоги развития общественных наук в Татарской Республике за 1925 г., Г. Губайдуллин отметил, что «в области этнографии [...] ведется усиленная работа со стороны, главным образом, троих молодых ученых: Ю.Н. Воробьева¹⁹, Марьям Губайдуллиной и Кадира Губайдуллина» [5, с.172].

Еще в 1920 г. Кадыр и Марьям Губайдуллины стали членами комиссии по созданию Музея народов Востока. Первым этапом реализации музейного проекта стала выставка культуры народов Востока, которая открылась в Казани 23 сентября 1920 г. [19, с.7]. Общими усилиями Кадыра и Марьям Губайдуллиных была оформлена экспозиция, отражающая богатую культуру и быт татарского народа. Посетители выставки могли ознакомиться с традициями татарского декоративно-прикладного искусства, а именно: высокохудожественными ювелирными украшениями, национальным костюмом, образцами вышивки, предметами интерьера татарского дома и др.

В изданный в 1920 г. каталог-путеводитель по выставке культуры народов Востока было включено составленное Губайдуллинами краткое описание данной экспозиции [4, с.33–37]. Особое внимание было уделено описанию татарской культуры и быта. В статье дана краткая информация о национальной одежде и женских украшениях, пище, жилище, промыслах, а также религиозных обрядах и народных праздниках казанских татар.

Несмотря на то, что успех выставки был огромен (она смогла собрать около 10 тыс. посетителей) [19, с.8–9], в 1921 г. Музей народов Востока был закрыт. Выставка культуры народов Востока была расформирована, а ее экспонаты в 1922 г. были переданы в фонды Центрального музея Татарской Республики.

В 1925 г. по инициативе известного этнографа Н.И. Воробьева в Центральном музее ТАССР был открыт отдел этнографии. Основную часть этнографической коллекции составляли экспонаты, отражавшие быт и культуру татарского народа. Кадыр и Марьям Губайдуллины активно участвовали в систематическом формировании коллекций, подготовке и оформлении экспозиций данного отдела.

¹⁹ Скорее всего, речь идет о Константине Иосифовиче Воробьеве. Известно, что он был студентом географического факультета Ленинградского государственного университета и принимал участие в экспедициях под руководством своего родного брата – известного этнографа Н.И. Воробьева. Объектом его исследований являлись традиционные верования казанских татар и мишарей. В 1929 г. была издана «Программа для собирания сведений о духах-хозяевах: домовом, дворовом и усадебном у казанских татар и мишарей». Программа предполагала комплексное изучение народной демонологии, рассматривая название, внешний вид, место и время появления, функции мифологических персонажей. Отметим, что данная программа являлась первым исследованием в данном направлении. В русской фольклористике такого рода исследования были начаты лишь в 80-е гг. XX в. в Московской этнолингвистической школе под руководством Н.И. Толстого.

В этот период Кадыр Губайдуллин являлся заведующим историко-археологического отдела музея. Согласно правилам внутреннего распорядка работ сотрудников музея, он вел «...научную и техническую обработку, развертывание материалов и их регистрацию по отделу. Участвовал на заседаниях коллегии музея»²⁰. Также он активно занимался изучением нумизматической коллекции Центрального музея ТАССР [9, с.1].

Кадыр Губайдуллин параллельно работал архивариусом в Центральном архиве ТАССР²¹, занимался описанием и публикацией рукописей по этнографии татар. Так, в восточной секции библиотеки Центрального архива ТАССР ему удалось обнаружить рукопись по татарской народной медицине, анализ и описание которой были опубликованы в одноименном печатном издании архива [6, с.32–34].

Кадыр и Марьям Губайдуллины являлись членами Научного общества татароведения, образованного в 1923 г. при Академцентре Татнаркомпроса с целью исследования татарской культуры и истории. Они принимали активное участие в его деятельности. Так, в 1925 г. Обществом татароведения была организована экспедиция в Мамадышский кантон ТАССР. В состав экспедиционной группы вошли Н.И. Воробьев, С.Г. Вахидов, Марьям и Кадыр Губайдуллины. Целью поездки было этнографическое, археологическое и историческое изучение кантона [14, с.93–94]. Основные наблюдения, сделанные в ходе научных экспедиций, были представлены Марьям Губайдуллиной на собрании членов Научного общества татароведения [17, с.203].

На страницах печатного органа общества была опубликована совместная статья Кадыра и Марьям Губайдуллиных «Пища казанских татар» [8, с.17–50], которая была написана на основе собранных ими экспедиционных материалов. Профессор Н.И. Воробьев дал высокую оценку работе молодых этнографов, назвав ее «первым специальным исследованием о культуре питания татар» [18, с.33]. Здесь большое внимание уделено изучению особенностей традиции питания в исламе, даны сведения о запретах первобытного характера, обрядовой и праздничной пищи; рассмотрена обрядовая культура, связанная с питанием. Авторы отмечали, что поднимаемая в статье тема требует отдельного исследования, так как играет значительную роль в духовной жизни татар [8, с.25].

В 1925 г. Марьям и Кадыр переезжают в Баку – к Газизу Губайдуллину. К этому времени они уже стали высококвалифицированными научными специалистами-этнографами. Их многочисленные статьи по этнографии поволжских татар публиковались в известных периодических изданиях и перепечатывались даже в Италии [12, с.141]. В 1926 г. совместная статья Губайдуллиных «Воспитание детей у татар в России» была опубликована в итальянском журнале «Новый Восток» [3, с.356].

²⁰ ГА РТ. Ф.Р-2021. Оп.4. Д.19. Л.154

²¹ ГА РТ. Ф.Р-2021. Оп.4. Д.19. Л.104 об.

После переезда Марьям Губайдуллина незамедлительно устроилась на работу в Бакинский педагогический институт, развернула активную исследовательскую работу по изучению этнографии азербайджанских тюрков [10]. За научные заслуги ей было присвоено звание доцента [12, с.142].

Кадыр Губайдуллин работал научным сотрудником в ряде учреждений города и занимался изучением вакуфных имуществ²² Азербайджана [7, с.215–220]²³. В 1932 г. он вместе с отцом переехал в Махачкалу и работал научным сотрудником Центрального музея Дагестанской АССР [13, с.219], принимал участие в создании отдела природы Дагестана [11, с.54].

Однако 1930-е гг. были очень сложными для семьи Губайдуллиных. В 1933 г. в Баку от гнойного перитонита скоропостижно скончалась Марьям Губайдуллина. Ее старших братьев тоже ждала страшная участь: они стали жертвами политических репрессий 1930-х гг. В марте 1937 г. был арестован Газиз Губайдуллин. Спустя год, в апреле 1938 г., Кадыра Губайдуллина объявили «врагом народа». Он содержался в исправительно-трудовом лагере Красноярского края. Умер в заключении в мае 1944 г. Реабилитирован 24 декабря 1957 г. [11, с.58].

Несмотря на преждевременный уход, Кадыру и Марьям Губайдуллиным удалось открыть новые направления в изучении истории и этнографии татарского народа. Они стояли у истоков организации высшего профильного этнографического образования в республике, в течение 10 лет вели активную преподавательскую деятельность и сыграли важную роль в подготовке специалистов-этнографов.

Ими была проделана огромная работа по сбору и популяризации этнографического наследия татар. Кадыр и Марьям Губайдуллины принимали активное участие в научных экспедициях, подготовке выставок и музейных экспозиций. Собранные ими в ходе экспедиций материалы легли в основу их многочисленных статей по этнографии татар Поволжья. Большинство этих работ являлись первыми исследованиями 1920-х гг. в изучении данного вопроса.

²² Недвижимая собственность, предоставленная в виде дара или по завещанию чаще всего мечети, школе, благотворительному учреждению.

²³ Стоит отметить, что авторство некоторых статей К.С. Губайдуллина часто приписывают его родному брату, известному историку Г.С. Губайдуллину. Так, в сборнике Г.Губайдуллин «Труды: статьи и выступления» (Баку: Şerq-Qerb, 2010. 314 с.), изданный Институтом Истории им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, статья Кадыра Губайдуллина о вакуфных имуществе Азербайджана представлена как исследование Газиза Губайдуллина. В научно-биографическом сборнике Г.Губайдуллина (Казань: Рухият, 2002. 336 с.) статью Кадыра Губайдуллина «Объяснение одной казанско-татарской поговорки» (Этнография. 1926. №1–2. С.261) составители также приписали Г.Губайдуллину. Этот факт еще раз доказывает необходимость изучения наследия малоизвестных ученых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валеева Г.А.* Академический центр Татарии: 1920-е гг. // Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы. Казань: ИЯЛИ, 2015. С.7–33.
2. *Галиуллина Д.М.* Губайдуллина Марьям Салиховна // Татарская энциклопедия. Казань: Инст. тат. энцикл., 2005. Т.2. С.208.
3. *Гаритова З.Г.* Основные тенденции в научных исследованиях в ТАССР (1917–1941 гг.) // История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. / гл. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; «ПИК «Идел-Пресс», 2013. С.348–359.
4. *Губайдуллина М.С., Губайдуллин К.С.* Татары // Выставка культуры народов Востока. Путеводитель по выставке. Казань: Первая гос. тип., 1920. С.33–37.
5. *Губайдуллин Г.* Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течении 5 лет // За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской социалистической советской республики. Казань: Издание ТЦИК, 1925. С.167–176.
6. *Губайдуллин К.С.* Татарские народные лечебники // Записки Центрального архива Татреспублики. 1925. №1. С.32–34.
7. *Губайдуллин К.С.* Вакуфные имущества Азербайджана // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. №5. С.215–220.
8. *Губайдуллин К., Губайдуллина М.* Пища казанских татар // Вестник Научного общества татароведения. 1927. №6. С.17–50.
9. *Губайдуллин К.* О некоторых редких и неизданных монетах волжских болгар X века из нумизматической коллекции Центрального музея ТССР // Материалы Центрального музея ТССР. 1927. №1. С.1.
10. *Губайдуллина М.С.* Пища азербайджанских тюрок // Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета. Востоковедение. 1928. Т.3. С.118–123.
11. *Губайдуллин С.Г.* Незабвенный мой отец // Газиз Губайдуллин: научно-биографический сборник. Казань: Рухият, 2002. С.17–62.
12. *Губайдуллина А.Х.* Наша дорогая Марьям апа // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2002. №1/2. С.139–145.
13. *Губайдуллин С.Г.* Дорогие мои предки // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2003. №1/2. С.214–219.
14. Историко-этнографическая поездка в Мамадышский кантон ТССР // Вестник Научного общества татароведения. 1926. №4. С.93–94.
15. *Леонтьева А.М.* К истории высшего специального этнографического образования // Советская этнография. 1978. №2. С.53–62.
16. *Насретдинова Д.М.* Автобиография Абдул-Кадыра Губайдуллина // Гасырлар авазы–Эхо веков. 1998. №3–4. С.185–189.
17. Обзор деятельности Научного общества татароведения (1923–1929) // Вестник Научного общества татароведения. 1930. №9–10. С.201–208.
18. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. Н.И. Воробьева, Г.М. Хисамутдинова. М.: Наука, 1967. 538 с.
19. *Шараф Г.Ш.* История возникновения выставки // Выставка культуры народов Востока. Путеводитель по выставке. Казань: Первая гос. тип., 1920. С.6–9.

Информация об авторе:

Марданова Филюза Фаннуровна – младший научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-9595-2921; e-mail: filuzmardanova@yandex.ru

Поступила 04.03.2023

Принята к публикации 01.09.2023

Scientific and teaching activities of Kadyr and Maryam Gubaidullins

F.F. Mardanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the scientific and teaching activities of Kadyr and Maryam Gubaidullins, who were actively engaged in the study of the history and ethnography of the Tatars in the 1920s. The contribution of young ethnographers to the development of Tatar ethnography for a number of reasons did not become the object of special research. Based on archival documents from the collections of the Central Museum of the Tatar Republic, the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, the Eastern Pedagogical Institute and the memoirs of relatives, the article presents in more detail the scientific and teaching activities of Kadyr and Maryam Gubaidullins. It is concluded that they were at the origins of the organization of higher special ethnographic education in the republic, carried out significant work on the collection and popularization of field ethnographic materials. Most of their works were the first studies in the Tatar national ethnography of the 1920s and served as the basis for further research.

Keywords: Maryam Gubaidullina, Kadyr Gubaidullin, ethnographers, 1920s, scientific and teaching activities, national education system, higher ethnographic education, ethnography of the Tatar people

For citation: Mardanova F.F. Scientific and teaching activities of Kadyr and Maryam Gubaidullins. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.105–113. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.105-113> (In Russian)

REFERENCES

1. Valeeva G.A. Academic Center of Tatarstan: 1920s. *Academic Center of the People's Commissariat of the TASSR: documents and materials*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art, 2015, pp.7–33. (In Russian)
2. Galiullina D.M. Gubaidullina Maryam Salikhovna. *Tatar Encyclopedia*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia, 2005, vol.2, p.208. (In Russian)
3. Garipova Z.G. The main trends in scientific research in the TASSR (1917–1941). *History of the Tatars since ancient times: in 7 volumes. Vol.7: Tatars and Tatarstan in the 20th – early 21st century*. Chief editor R.S. Khakimov. Kazan: Marjani Institute of History of AS RT; Idel-Press Publ., 2013, pp.348–359. (In Russian)
4. Gubaidullina M.S., Gubaidullin K.S. Tatars. *Exhibition of culture of the peoples of the East. Exhibition guide*. Kazan: The First State Printing House, 1920, pp.33–37. (In Russian)

5. Gubaidullin G. What has been done in the field of social sciences in the Tatar Republic for 5 years. *For 5 years. To the 5 anniversary of the proclamation of the Tatar Socialist Soviet Republic*. Kazan: Tatar Central Executive Committee, 1925, pp.167–176. (In Russian)
6. Gubaidullin K.S. Tatar folk medical clinics. *Notes of the Central Archive of the Tatar Republic*. 1925, no. 1, pp.32–34. (In Russian)
7. Gubaidullin K.S. The Waqf properties of Azerbaijan. *Izvestiya of the Azerbaijan Survey and Study Society*. 1927, no. 5, pp.215–220. (In Russian)
8. Gubaidullin K., Gubaidullina M. Food of Kazan Tatars. *Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies*. 1927, no. 6, pp.17–50. (In Russian)
9. Gubaidullin K. About some rare and unpublished coins of the Volga Bulgars of the 10th century from the numismatic collection of the Central Museum of the TASSR. *Materials of the Central Museum of the TASSR*. 1927, no. 1, p.1. (In Russian)
10. Gubaidullina M.S. The food of the Azerbaijani Turks. *Izvestiya of the Oriental Faculty of the Azerbaijan State University. Oriental studies*. 1928, vol. 3, pp.118–123. (In Russian)
11. Gubaidullin S.G. Unforgettable my father. *Gaziz Gubaidullin: a scientific and biographical collection*. Kazan: Ruhayat Publ., 2002, pp.17–62. (In Russian)
12. Gubaidullina A.Kh. Our dear Sister Maryam. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Echo of Centuries*. 2002, no.1-2, pp.139–145. (In Russian)
13. Gubaidullin S.G. My dear ancestors. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Echo of Centuries*. 2003, no. 1-2, pp.214–219. (In Russian)
14. Historical and ethnographic trip to the Mamadysh canton of TASSR. *Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies*. 1926, no. 4, pp.93–94. (In Russian)
15. Leontieva A.M. On the history of higher special ethnographic education. *Soviet ethnography*. 1978, no. 2, pp.53–62. (In Russian)
16. Nasretdinova D.M. Autobiography of Abdul-Kadyr Gubaidullin. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Echo of Centuries*. 1998, no. 3–4, pp.185–189. (In Russian)
17. Review of the activities of the Scientific Society of Tatar Studies (1923–1929). *Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies*. 1930, no. 9–10, pp.201–208. (In Russian)
18. *Tatars of the Middle Volga Region and the Urals*. Ed. by N.I. Vorobyov, G.M. Khisamutdinov. Moscow: Nauka Publ., 1967. 538 p. (In Russian)
19. Sharaf G.Sh. The history of the exhibition. *Exhibition of culture of the peoples of the East. Exhibition guide*. Kazan: The First State Printing House, 1920, pp.6–9. (In Russian)

About the author:

Mardanova Filyuza Fannurovna – Junior Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-9595-2921; e-mail: filuzmardanova@yandex.ru

Received March 4, 2023

Accepted for publication September 1, 2023

УДК 355.721:94(481).083(470.57)

Об истории приемно-сортировочного
эвакуационного госпиталя №3127 в Уфе в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

И.В. Сухарева

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
Уфа, Российская Федерация*

Р.Н. Буранбаева

*исследователь-поисковик, краевед
Уфа, Российская Федерация*

А.У. Киньябулатов

*Башкирский государственный медицинский университет
Уфа, Российская Федерация*

К.Ю. Сандырев

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
Уфа, Российская Федерация*

В статье приведены материалы о деятельности эвакуогоспиталей, сформированных в начальный период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Башкирской АССР. Особое внимание в работе авторы акцентируют на анализе опыта работы военного эвакуационного глубокого тылового госпиталя №3127 г. Уфы. Основными источниками исследования послужили документальные материалы, хранящиеся в архивах и музеях Республики Башкортостан, в частности в фондах Национального архива Республики Башкортостан и Национального музея Республики Башкортостан, сборники опубликованных документов, периодическая печать, мемуарная литература. Исследование показало, что в целом за годы войны эвакуогоспитали Башкирии справились с возложенными на них задачами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, эвакуационный госпиталь, Башкирская АССР

Для цитирования: Сухарева И.В., Буранбаева Р.Н., Киньябулатов А.У., Сандырев К.Ю. Об истории приемно-сортировочного эвакуационного госпиталя №3127 в Уфе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.114–134. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.114-134>

Семьдесят восемь лет отделяют нас от победного 1945 г., когда завершилась самая кровопролитная война в истории России XX столетия. На советско-германском фронте, где развивались главные события Второй мировой войны, каждые сутки выбывало из строя в среднем 20869 человек, из них без-

возвратно – около 8000 человек. Самые большие среднесуточные людские потери были в летне-осенних оборонительных боях 1941 г. – 24000 человек и в 1943 г. – 27300 человек в сутки [3, с.159, 240]. За все годы войны с фашистской Германией санитарные потери наших войск составили более 22 млн человек [4, с.21].

Борьба за свободу и независимость Родины потребовала всемерной мобилизации материальных и людских ресурсов страны, предельного напряжения моральных и физических сил народа. Для ведения войны, вплоть до победного ее завершения, потребовались не только мобилизационная экономика, но и «мобилизационное здравоохранение». Восполнение убыли личного состава действующей армии за счет выздоровевших раненых и больных имело в годы войны государственное значение. В полной мере это относилось и к пополнению трудовых ресурсов страны за счет восстановления трудоспособности тех раненых и больных, которые по характеру ранения (заболевания) не могли уже вернуться в строй.

В связи с этим нельзя не отметить, что достойный вклад в общее дело победы внесли работники советского здравоохранения, возвратив в строй 72,3% раненых и 90,6% больных. Исходя из абсолютных величин санитарных потерь, из 14,5 млн раненых было возвращено в строй более 10,5 млн, из 7,5 млн больных – около 6,8 млн человек [9, с.5]. Таких результатов не знала в годы Второй мировой войны ни одна из воевавших стран.

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян¹ вполне обоснованно подчеркивал, что «проблема сохранения жизни, восстановления здоровья огромного числа раненых и возвращения их в строй в самые короткие сроки является одной из самых сложных и актуальных во всей деятельности не только тыла, но и командования войсками всех степеней. Здесь речь идет не только о медицинском обеспечении той или другой операции, но и о сохранении боеспособности наших Вооруженных сил вплоть до победоносного окончания войны.

В условиях войны, сильных разрушений коммуникаций не всегда можно рассчитывать на непрерывное пополнение действующей армии за счет людских ресурсов страны. Поэтому медицинская защита личного состава Вооруженных сил и быстрое восполнение людских потерь за счет возвращения в строй раненых и больных после лечения становится фактором оперативного и даже стратегического значения» [1, с.5].

В течение десятилетий ведутся интенсивные научные изыскания, посвященные изучению различных аспектов Великой Отечественной войны. В настоящее время особый интерес вызывают проблемы, связанные с историей организации лечебно-эвакуационного обеспечения советских войск и ролью гражданского здравоохранения в этом процессе. Освещение недостаточно изученных событий тех лет, в том числе деятельности эвакуационных госпиталей, сформированных с началом войны на территории Башкирской АССР, является одной из важнейших задач исторической науки.

¹ Иван Христофорович (Ованес Хачатурович) Баграмян (1897–1982) – советский военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1977).

Актуальность данного исследования определяется интересом исследователей и широкого круга общественности к источникам победы советского народа над врагом, необходимостью усиления военно-патриотического воспитания молодежи, а также отсутствием обобщающих трудов по истории организации на региональном уровне госпитального лечения раненых и больных советских воинов в тылу в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Несмотря на то, что за годы, прошедшие после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., создано большое количество трудов, освещающих как общие проблемы войны, так и отдельные ее стороны, все еще остаются нераскрытыми многие вопросы, касающиеся деятельности отдельных эвакуационных госпиталей.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы восполнить имеющийся в историографии Великой Отечественной войны пробел в изучении исторических аспектов организации, развертывания и функционирования госпитальной базы тыла страны на примере деятельности Уфимского приемно-сортировочного эвакуационного госпиталя №3127, сформированного на территории Башкирской АССР.

Предметом исследования являются исторические аспекты лечебно-эвакуационного обеспечения советских войск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) на примере деятельности одного из эвакуационных госпиталей, сформированного в связи с начавшейся войной на территории Уфы в условиях глубокого тыла страны для приема и сортировки воинов действующей армии для дальнейшего лечения.

Основными источниками исследования послужили документальные материалы, хранящиеся в архивах и музеях Республики Башкортостан, в частности в фондах Национального архива Республики Башкортостан (далее – НА РБ) и Национального музея Республики Башкортостан, сборники опубликованных документов, периодическая печать, мемуарная литература и др.

Хронологические рамки рассматриваемой в статье проблемы (октябрь 1941 – ноябрь 1945 гг.) охватывают период деятельности Уфимского приемно-сортировочного эвакуационного госпиталя №3127.

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в лекционных курсах по истории Отечества, в военно-патриотическом воспитании молодежи, при оформлении экспозиций музеев историко-краеведческого и медицинского профиля.

Начальный и первый период Великой Отечественной войны был наиболее тяжелым для советского здравоохранения. Состав сил и средств медицинской службы действующей армии был крайне ограниченным. Значительные потери личного состава войск в тяжелых боях трагического лета 1941 г. и одновременно с этим отсутствие возможности развертывания необходимого количества госпиталей в зоне боевых действий вызвали потребность массовой эвакуации раненых и больных в эвакуационные госпитали тыла. Поэтому первой и основной задачей гражданского здравоохранения было всемерное содействие мероприятиям по оказанию медицинской помощи бойцам Красной Армии, улучшению их медицинского и санитарного обслуживания.

Начавшаяся война потребовала перестройки гражданского здравоохранения на нужды войны. В стране началось формирование тыловых эвакуационных госпиталей. Их формирование шло по двум направлениям: по линии Народного комиссариата здравоохранения СССР (НКЗ СССР) и по линии Государственного комитета обороны (ГКО). Они имели конкретный план развертывания госпиталей по срокам, количеству и коечной емкости. Районы их размещения, количество, специализация и коечная емкость определялись потребностями действующей армии, а с другой стороны – ресурсами гражданского здравоохранения и возможностями материально-технической базы.

Основная масса эвакуационных госпиталей была сформирована органами НКЗ СССР. Они формировались по мобилизационному плану в июне 1941 г. в связи с начавшейся войной. Затем по дополнительному заданию правительства – в июле, августе, сентябре и октябре месяцах 1941 г. И, наконец, в 1942 г., в мае по заданию Государственного комитета обороны от 23 апреля 1942 г.

Задания по формированию эвакуационных госпиталей распределялись следующим образом: по мобилизационному плану – 2100 коек; дополнительное задание на июль – декабрь 1941 г. – 15455 коек; дополнительное задание на ноябрь 1941 г. – 2000 коек; задание ГКО от 23 апреля 1942 г. – 15000 коек. Всего 34555 коек.

Башкирская АССР как тыловой регион также сыграла значительную роль в Победе советского народа в этой кровопролитной войне. Жители республики оказывали посильную помощь фронту. Они самоотверженно трудились, отправляли на фронт теплые вещи, собирали деньги на строительство танков, самолетов. Помимо этого, с первых же дней Великой Отечественной войны Башкирия стала крупной госпитальной базой страны, где основные лечебные учреждения Уфы и других городов были переведены для работы на нужды фронта. Органы военного и гражданского здравоохранения в годы Великой Отечественной войны в кратчайший срок осуществили структурную перестройку здравоохранения и создали разветвленную сеть госпиталей. На данном этапе военно-медицинская доктрина опиралась всего на два главных принципа организации медицинской помощи: этапность лечения и сортировка пострадавших. Эти универсальные принципы были реализованы как для контингента раненых, так и для больных в системе специализированных госпиталей, охватывавших весь медицинский технологический цикл, включая неотложную помощь, диагностику, специализированное лечение, реабилитацию и возвращение в строй или к труду [2].

В соответствии с приказом Наркома здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьякова, Народный комиссариат здравоохранения Башкирской АССР во главе с наркомом здравоохранения С.З. Лукмановым приступил к развертыванию эвакуационных госпиталей².

В июле 1941 г. под руководством Башкирского обкома ВКП(б) был создан комитет по обслуживанию раненых и больных бойцов, командиров Крас-

² Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.П-122. Оп.23. Д.637. Л.17.

ной Армии. В его ведении был широкий круг вопросов по всем сторонам жизни тыловых госпиталей – лечебный, хозяйственный, партийно-политический. В этом движении участвовало около двухсот разных коллективов Башкирии. Для управления сетью госпиталей, улучшения их работы, внедрения новых методов лечения в составе Наркомздрава республики (при Народном Комиссариате здравоохранения Башкирской АССР) на основе штатного расписания на 1942 г., утвержденного Государственной штатной комиссией при Совете Народных комиссаров Союза ССР, в июле 1941 г. был создан Госпитальный отдел. В разные сроки его возглавляли А.В. Чубуков, А.И. Копылова, а в составе отдела работали известные ученые и врачи Г.В. Алинов, А.А. Полянецв, В.К. Ворошилов, Г.Н. Терегулов, Ф.Я. Примак, В.А. Жухин, И.Ф. Случевский. Они выступали как организаторы, вели консультационную работу и активно принимали участие в лечебном процессе. Высокий эффект работы госпиталей обеспечивали: единая строгая система методики лечебной работы (распорядок дня, система обработки ран, лечения, реабилитации и т.д.), специализация отделений, организация консультативного бюро, экспертизы, руководимые высококвалифицированными специалистами [5, с.15].

В функции отдела госпиталей входило руководство медицинской и финансово-хозяйственной деятельностью эвакуационных госпиталей Народного комиссариата здравоохранения, размещенных на территории Башкирской АССР, формируемых в период Великой Отечественной войны [7].

Под эвакуационные госпитали были отведены лучшие здания больниц, институтов, школ, домов культуры. Они размещались на базе республиканской клинической и психиатрической больницы, городской клинической больницы №1. Так, одним из первых, 1 июля 1941 г., в городской клинической больнице №1 по ул. Г.Тукаева, д. №48, был организован госпиталь №1741 (начальник – военврач II ранга И.И. Геллерман), на базе которого начал свою работу эвакуированный в г.Уфу 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. Были созданы отделения для лечения ранений грудной и брюшной полости (Б.Э. Лимберг), травматологическое (А.Г. Давлетов), урологическое (И.М. Эпштейн), глазное (А.А. Пушкарев), отоларингологическое (В.К. Дедов), терапевтическое (Н.С. Морозовский), челюстно-лицевое (Ш.С. Суфиянова). Здесь же работали кафедры Башкирского мединститута, обучались студенты и врачи других лечебных учреждений [5, с.14].

Госпитали размещались и в помещении переподготовки партийных и советских работников Обкома ВКП(б), в общежитиях мединститута и пединститута (затем Башгосуниверсит, ныне Уфимский университет науки и технологий), в учебных зданиях сельскохозяйственного и педагогического институтов, авиационного и железнодорожного техникумов, в гостинице «Колос», школах №8, 10, 19, 44, 45, 91. Так, майор медицинской службы А.И. Копылова – начальник Госпитального отдела Наркомздрава БАССР – вспоминает, как за трое суток школа №45 по улице Пушкина была подготовлена под эвакуационный госпиталь №2574 с вновь набранными сотрудниками [5, с.15].

Кроме того, открылись госпитали: №1019 (начальник – военврач II ранга Г.А. Головач), №1320 (начальник – военврач П.Б. Горкановский), №1738 (начальник – военврач З.П. Середникова), №1739 (начальник – военврач I ранга

В.К. Ворошилов), №1749 (начальник – военврач II ранга Н.П. Дроздуль), №1742 (начальник – военврач II ранга М.Т. Погодин), которые начали принимать раненых уже через 2 недели со дня начала войны. К концу 1941 г. в городе работало 20 госпиталей на 10 тысяч коек [5, с.14].

С развитием боевых действий росло количество раненых. Это потребовало дополнительного развертывания госпиталей, в том числе на базе домов отдыха и санаториев – Зеленая роща, Юматово, Красноусольск, Янган-тау, Шафраново, Чехова, Аксаково, Алкино, в городах Туймазы, Стерлитамак, Белебей, Ишимбай, Янаул и др. Так, к примеру, в августе 1942 г. в систему госпиталей были включены курорт Шафраново (эвакогоспиталь №2576) и санаторий Янган-Тау (№2575) [5, с.15].

Необходимость существенных изменений в организационные формы и методы работы всей тыловой госпитальной базы страны возникла очень быстро. Было решено перепрофилировать часть эвакогоспиталей в специализированные, в том числе по весьма узким профилям. В первую очередь, требовалась организация в составе госпитальной базы страны госпиталей, приспособленных для выполнения функции сортировки раненых и больных воинов. Основные задачи сортировочных эвакогоспиталей сводились к следующему: проведение медицинской сортировки раненых и больных, оказание им неотложной помощи, госпитализация нетранспортабельных (за исключением больных, имевших явные симптомы острых инфекционных заболеваний).

Одним из таких и являлся эвакуационный приемно-сортировочный госпиталь №3127, на итогах работы которого и хотелось бы более подробно остановиться. Данный эвакогоспиталь действовал с октября 1941 г. по ноябрь 1945 г. и располагался в здании клуба тепловозоремонтного завода по адресу: г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 62, который возглавляли в разное время врачи А.К. Тейтель, Н.Д. Вичин.

Одним из врачей, возглавлявших эвакуационный приемно-сортировочный госпиталь №3127 в г. Уфе, был Вичин Николай Дмитриевич (см. фото 1). Родился он в г.Рыбинске 25 апреля 1902 г. Его детские и юношеские годы прошли в Максатихе. Мать Николая Дмитриевича была травницей. Она сумела привить сыну любовь к природе, научила распознавать лекарственные

Фото 1. Н.Д. Вичин, врач, возглавлявший эвакуационный приемно-сортировочный госпиталь №3127 в г. Уфе. Из личного архива (семейного) Н.Ф. Вичиной, невестки Н.Д. Вичина, ветерана педагогического труда, отличника образования РСФСР

травы, народным заговорам, слушать и понимать людей. Наверное, именно поэтому после окончания школы он выбрал профессию врача и поступил в Ленинградский государственный институт медицинских знаний. В свидетельстве, которое было выдано Н.Д. Вичину, записано, что в 1923 г. он поступил, а в 1927 г. окончил курс с присвоением квалификацией врача. За время учебы в институте им было прослушано и выполнено практических занятий по 39 дисциплинам.

Первые полтора года Н.Д. Вичин работал в отдаленном Отрадненском врачебном участке (с.Отрадное, ныне Лесной р-н Тверской обл.). Приезд его в Удомлю совпал с отменой волостного деления и созданием Удомельского района в 1929 г. В 27 лет Николай Дмитриевич стал главным врачом Удомельской районной больницы.

Во время войны с Финляндией в 1939–1940 гг. Н.Д. Вичин работал хирургом во фронтовом госпитале в чине капитана медицинской службы. Был награжден медалью «За боевые заслуги», которой очень гордился.

С первых дней Великой Отечественной войны врач Н.Д. Вичин был мобилизован на фронт. В начале войны он служил начальником эвакуации госпиталей по Калининской области, а с 1942 по 1944 год – начальником госпиталя в Уфе уже в звании майора, но, к сожалению, об уфимском периоде в архивах не удалось найти практически ничего.

В мае 1945 г. Н.Д. Вичин вернулся в Удомлю и долгие годы работал в Удомельской больнице главным врачом. В 1953 г. он по состоянию здоровья оставил работу в больнице, но продолжал вести прием больных на дому и консультировать персонал. Для этого в его доме был кабинет. Однако сердце давало сбои. Николай Дмитриевич так хорошо знал организм человека, в том числе и свой, что точно определил год, месяц и день своего ухода из жизни. Ошибся он только в часе. Он умер 29 июля 1959 г. от сердечно-легочной недостаточности и был похоронен на кладбище с.Троица недалеко от храма.

Работа по созданию госпитальной базы шла напряженно. В кратчайшие сроки на территории Башкирской АССР пришлось переоборудовать под госпитали помещения школ, клубов, общежитий, пионерских лагерей. Трудности возникли не только относительно медицинского оборудования, инструментария. Не хватало также приспособленных под госпиталь зданий, помещений. В связи с прибытием большого количества раненых и отсутствия привокзального эвакоприемника их разгрузка могла задерживаться на несколько часов, что, в свою очередь, не позволяло разгрузить и железнодорожные пути и задерживало отправку эшелонов в сторону фронта. Поэтому необходимо было решить вопрос с помещением. В связи с этим в июне 1943 г. Управлением МЭП №97 и его начальником, подполковником медицинской службы Горбач с грифом «Секретно» было возбуждено ходатайство и направлено секретарю Башкирского обкома ВКП(б), председателю Комитета помощи раненым Г.Ш. Валеву о предоставлении сортировочному госпиталю №3127 здания гражданского эвакуационного пункта (эвакопункта) в клубе им. Андреева с целью развертывания эвакуационного приемника (эвакоприемника) для приема и сортировки раненых, прибывающих с ВСП. Но далеко не все решалось быстро и оперативно, о чем свидетельствуют данные из «Докладных записок, справок,

политдонесения о политико-моральном состоянии раненых и личного состава, партийно-политической работе в госпиталях по здравоохранению Башкирии» за период с 9 января по 15 декабря 1943 г., где говорится о следующем: «Несмотря на имевшееся по этому поводу положительное решение Заместителя Председателя СНК БАССР тов. Буренкина, только после Вашего повторного воздействия 20-го июля распоряжением СНК Башкирии было решено передать упомянутое здание для вышеуказанной цели.

Несмотря на то, что данное Распоряжение было вручено для исполнения соответствующим лицам, последнее до настоящего времени не реализовано по следующим причинам:

Заместитель Председателя Совнаркома тов. Хасанов задержал освобождение здания, т.к. приказал выяснить может ли эвакуопункт перейти в здание больницы Эвакуопункта, размещенной на первом этаже и возможно ли свертывание указанной больницы.

С этой целью Наркомздрав Башкирии командировал заведующий лечебным отделом НКЗ, профессора Меркова, который выяснил, что больница не отвечает своему назначению, в данное время абсолютно не нужна, т.к. нет контингентов эвакуированных, которых она должна была бы обслужить. Эта больничка на 20 коек почти не работает, а те единичные больные, которых она обслуживает, находятся в ней не по назначению и не должны вовсе помещаться в этой больнице. Кроме того, количество больных в ней ничтожно: 11 человек больных при 14 человек персонала. За последние 9 месяцев больница приняла всего 152 человека. Как лечебное учреждение эта больничка не представляет никакой ценности.

Таким образом, согласно решения Наркомздрави БАССР, больница Эвакуопункта должна быть свернута, а имевшиеся несколько человек больных должны быть помещены в гражданские лечебные учреждения Наркомздрави, о чем Наркомздравом БАССР 28 июля было написано соответствующее приказание Уфимскому Горздраву с указанием о том, что последнему надлежит в дальнейшем госпитализировать в своих учреждениях тех единичных больных, которые могут появиться в Эвакуопункте.

29 июля на совещании у тов. ХАСАНОВА было решено оформить вопрос о закрытии больницы Постановлением Совнаркома БАССР, для чего заместителю Наркомздрави тов. ОВСЯННИКОВУ было предложено заготовить соответствующий проект Постановления. Данный проект тов. ХАСАНОВЫМ завизирован и, таким образом, вопрос об организации Эвакоприемника для раненых снова не сдвинут с мертвой точки» [7].

«А между тем, поезда с ранеными идут в очень большом количестве, разгрузка их из-за отсутствия привокзального эвакоприемника задерживается на много часов, что, в свою очередь, загружает железнодорожные пути и задерживает отправку эшелонов в сторону фронта.

Так, например, 30 июля прибывший ВСП №71 начал разгружаться в 19 часов 30 минут, а закончил выгрузку раненых только в 3 часа 30 минут ночи, потратив на разгрузку 8 часов вместо положенных 3-х. В это же время должен был грузиться воинский эшелон, погрузка которого задерживалась из-за длительной разгрузки ВСП.

Все это заставляет просить Вас оказать содействие в срочной реализации Распоряжения СНК БАССР, т.к. организация привокзального эвакоприемника для раненых сразу разрешит все эти вопросы, ускорит прием раненых, улучшит сортировку их и освободит железнодорожные пути от излишней загрузки»³.

Из воспоминаний Зии Шафикова, работавшего санитаром эвакучастка приемно-сортировочного госпиталя №3127 в г. Уфе, мы узнаем интересные данные не только об этом госпитале, но и о санитарном поезде, попавшем в аварию на железной дороге в районе станции Чишма в начале декабря 1942 г. Вот, что он написал: «Этот день я помню хорошо. Прочитав статью “Авария санитарного поезда” в газете “Кызыл тан” под номером 22 специального корреспондента Фанура Гильманова, я решил написать воспоминания об этом случае.

В годы Великой Отечественной войны, начиная с сентября 1942 по сентябрь 1945 года, мне пришлось работать санитаром в эвакогоспитале №3127 в городе Уфе.

Госпиталь находился около парка имени Ивана Якутова, по улице Карла Маркса в четырехэтажном здании.

Трудные дни для страны... Каждый день санитарный поезд привозил раненых, а иногда даже по два поезда. С наступлением темноты начинали выносить раненых из вагонов, а когда начинало светлеть, разгрузку останавливали. Из-за того, что госпиталь находился посередине города, где было многолюдно, боялись, чтобы народ не видел изуродованных солдат. С нами работала старший лейтенант Ямпольская, которая обрабатывала документы, а мы должны были доставлять по другим госпиталям. Многие госпитали находились по школам города.

Пятого декабря в 1942 г. ночью погрузили нас в машину и повезли в сторону Черниковки. Остановились возле станции “Бензин”, где объявили, что в Чишме санитарный поезд попал в аварию. Ожидаемый нами поезд прибыл, когда было уже светло. Маленький вокзал, вокруг которого была пустота, никто не ходил. Два последних вагона, на ступеньках стояли люди, протягивая нам свои руки, просили закурить. Мы же, смеясь дали им махорки. Не ответив нам по-русски, один из санитаров спросил: “Вы что, фрицы?” Один, кивнув голову, положив руки на грудь, ответил: “Румэнште”. Оказалось, что в последних вагонах румынские солдаты. Эти вагоны сильно пострадали.

Начали освобождать своих из вагонов. Многих освобождали из вагонов ночью, потому что было больно смотреть на изуродованные лица, обожженные тела. Выносили некоторых, положив на одеяло, четыре санитаров. Грузили на носилки в машине. Больные кричали, надо было относиться к ним осторожно. Освободив больных и раненых, ушли в госпиталь. До этого случая санитарные поезда останавливались на станции Уфа. Раненых выгружали на этой станции. Видимо, раз в поезде находились не только наши, решили отгрузку произвести вдалеке от этой станции, чтобы никто не видел. Поезд, который попал в аварию, мы освободили пятого декабря в 1942 г. Этот день запомнился мне сильно, потому что пятое декабря считался днем Конституции. Мы пленных не ос-

³ НА РБ. Ф.П-122. Оп.23. Д.637. Л.127–128.

вобождали из вагонов, куда их увезли, тоже не знали. Эта авария, мне, кажется, произошла 4 или 3 декабря.

Родился я в 1923 г., пошел 88 год. Газеты “Кызыл тан”, “Коммуна” читаю с первых дней издания. Это мои лучшие газеты. Зия Шафииков, учитель-ветеран» (см. фото 2).

При каждом госпитале действовала своя шефская комиссия, которая занималась решением вопросов подборки младшего медперсонала, стирки госпитального белья, ремонта обмундирования, постоянного ухода за тяжелоранеными, трудоустройства выписываемых инвалидов, заготовки топлива и овощей, обеспечения транспортом, горючим, стройматериалами и т.д.

*Фото 2. Санитары эвакуационного приемно-сортировочного госпиталя №3127 в г. Уфе (слева Зия Шафииков – санитар, с сентября 1942 г. по сентябрь 1945 г.).
Материалы из личного архива З.Шафиикова*

Госпиталям приходилось решать и множество других проблем. В частности, из документов мы узнаем о проблемах водоснабжения эвакуогоспиталей. Так, в донесении заместителя начальника Управления МЭП №97 по политической части, майора Некипелова секретарю Башкирского обкома ВКП(б), председателю Комитета помощи раненым Г.Ш. Валееву говорится об этом следующее: «Довожу до Вашего сведения, что за последнюю декаду сентября месяца систематически срывается водоснабжение эвакуационных госпиталей. Так, например, эвакуационные госпитали №№3127, 1738, 5914, 1742 имеют воду только 2 часа в сутки – с 12 часов ночи до 2-х часов.

30 сентября с.г. в эвакуогоспитале №5914 был сорван прием раненых в госпиталь из-за отсутствия воды, только 1 октября 1943 г. раненые в госпиталь приняты, но без санитарной обработки. В настоящий момент, когда эва-

когоспитали перегружены в связи с передислокацией известных Вами госпиталей, санитарное состояние эвакуогоспиталей находится в угрожающем состоянии из-за отсутствия нормального водоснабжения. Прошу Вашей помощи в ликвидации прорыва с водоснабжением»⁴.

Острой была проблема с обеспечением формируемых эвакуогоспиталей медицинским составом. С этой целью был произведен досрочный выпуск студентов 5-го курса Башкирского государственного медицинского института. Подготовку медицинских сестер осуществляли областное отделение общества Красного Креста и многочисленные медицинские школы. Но особенно острой была проблема обеспечения врачами-хирургами. Выходом из сложной ситуации стала целенаправленная деятельность отдела госпиталей при Народном комиссариате здравоохранения Башкирской АССР по организации и проведению курсов повышения квалификации с целью подготовки врачей-хирургов, а также операционных сестер.

Из стенограммы совещания лечащих врачей эвакуационных госпиталей г. Уфы от 5 августа 1943 г. мы узнаем о состоянии и задачах лечебной работы в эвакуационных госпиталях Башкирии, где с докладом по данному вопросу выступил нарком здравоохранения Башкирии С.З. Лукманов. В стенограмме говорится следующее: «В одном из своих выступлений Нарком здравоохранения СССР сказал, что мы должны перенести в эвакуогоспитали лучшие традиции клиник. Сказать на сегодня, что мы это выполнили – мы не можем. [...] за 1 полугодие 1943 г. по сравнению с работой во втором полугодии 1942 г. по многим показателям работа госпиталей улучшилась. По целому ряду повреждений госпитали дали большой процент возврата в строй. Я назову несколько цифр: например, по бедрам 29,9 по сравнению с 25% прошлого полугодия и др. Общий процент возврата в армию не снизился, но и не выше, чем за второе полугодие 1942 г., но материал, который прошел через госпитали, значительно был тяжелее. Если переломы составляли в 1942 г. 25%, то в 1943 г. – 31% и т.д. Следовательно, мы имеем резкое утяжеление материалов.

В госпиталях значительно повысилась оперативная деятельность, за первое полугодие мы имеем 640 операций. Это указывает на значительный сдвиг в повышении квалификации врачебных кадров. За первое полугодие из 640 операций только 40 операций мне пришлось сделать самому, все остальные сделаны другими врачами, конечно, под моим руководством. Недавно закончили 4-х месячные курсы сестер, за полугодие было 16 научных конференций, гигиенической гимнастикой охвачено больных 90,5%.

Наряду с этими достижениями, конечно, имеются и недостатки, если будем сравнивать цифры пребывания на койке, то мы видим снижение – среднее пребывание на койке бедер 143 дня, а в прошлом году 163 дня, но общее пребывание для бедер равняется все-таки 171 дню, что превышает цифру, утвержденную Наркомздравом Союза ССР. По переломам – мы имеем длительное пребывание на койке. Одна из причин – это позднее поступление в госпиталь и многоэтапность лечения, но все-таки мы должны сказать, что в некоторых случаях их срок лечения не соответствует сроку пребывания на койке, имеет-

⁴ НА РБ. Ф.122. Оп.23. Д.36. Л.175.

ся запоздание с документами, с комиссией и т.д. И с этим надо решительно бороться [...] Еще минус в работе – это то, что мы не всегда проявляем активность в вопросах ампутации тех конечностей, которые не нужно сохранять. Правда, установить границу, когда можно сделать ампутацию, и когда нужно сохранить – это очень трудно»⁵.

На данном совещании выступил и А.К. Тейтель – врач, возглавлявший эвакуационный приемно-сортировочный госпиталь №3127. Из его выступления мы узнаем следующее: «Сортировка раненых и больных является одним из самых важных моментов в деле дальнейшего лечения и не случайно во всех последних постановлениях и приказах, которые мы получаем, указано, что в целом ряде мест сортировка имеет много ошибок. На сегодня это является еще одним из наиболее трудных моментов в деле лечебной работы в эвакуационных госпиталях.

Я должен вполне согласиться с выраженным товарищем С.З. Лукмановым мнением, что у нас имеется много дефектов. Как мы можем считаться общепрофильным госпиталем, если у нас имеется целый ряд профильных больных из-за отсутствия мест в других госпиталях. Мне кажется, что в дальнейшем следует добиться такого положения, чтобы сортировочные госпитали не были госпиталями межпрофильными.

За последнее время, учтя ряд указаний, мы перешли на новые методы сортировки и сейчас в большинстве случаев эти сортировки проводятся ведущим хирургом, в связи с отсутствием транспорта мы сейчас сортировку проводим амбулаторно, когда врач видит больных только наружно и по истории болезни.

Процент выписки в строй у нас дает положительные результаты. За последнее время нашим госпиталем проведен целый ряд новых методов лечения с применением витамина К-3. [...] в этих работах принимают участие почти 50% работников госпиталя.

Когда мы открывали госпиталь, мы имели одного хирурга, а сейчас 7 врачей производят самостоятельно операции, переливание крови доходит до 117 случаев»⁶.

В Национальном архиве РБ хранятся документы под названием «Материалы Башкирского Обкома ВКП(б) по госпиталям, справки о состоянии лечебной работы. Постановления ОК ВКП(б), Республиканского комитета помощи раненым за период со 2 апреля по 6 сентября 1943 г.», где имеется Список врачей эвакуационных госпиталей Башнаркомздрава, прибывших на совещание в Обком партии 5 августа 1943 г. к 8 часам вечера. Из этого «Списка» выясняется состав врачей эвакуационного приемно-сортировочного госпиталя №3127. Это: А.К. Тейтель, Н.Е. Каплун, Б.И. Кимельман, Л.Г. Малофеева, М.П. Голубева, Э.Б. Ямпольская, А.И. Храмова, М.Я. Гриц(щ)енко, Т.И. Жалдак, Л.М. Эпштейн, Х.И. Гельфант, А.А. Кирюхина, Е.А. Константинова,

⁵ НА РБ. Ф.П-122. Оп.23а. Д.16. Л.128–128 об.

⁶ НА РБ. Ф.П-122. Оп.23а. Д.16. Л.127.

Т.И. Гудошникова, Г.З. Смородинская, М.М. Берковиц, Ф.М. Аркина, П.С. Погребинская, А.А. Каплун-Ермак, А.В. Лефтова и М.Н. Фадеева⁷.

А по редкой фотографии от 8 марта 1944 г., обнаруженной в фондах Национального музея Республики Башкортостан, мы узнаем о том, что уже чуть позже – в марте 1944 г. – кто работал на тот момент в III отделении (см. фото 3). Следующая фотография, сохранившаяся в фондах этого музея, запечатлела сотрудников лаборатории Сортировочного эвакуационного госпиталя (см. фото 4).

Из стенограммы совещания лечащих врачей эвакуационных госпиталей г. Уфы от 5 августа 1943 г. мы узнаем о состоянии и задачах лечебной работы в эвакуационных госпиталях Башкирии, где с докладом по данному вопросу выступил Зарецкий. В его выступлении подчеркивалось то, что характеризует обстановку в госпиталях Уфы того времени в целом: «У нас сейчас серьезный вопрос – это с подготовкой к весне, к лету и не только: подготовить надо дрова, но [...] важный участок, нам нужно готовить и наше обслуживание, политпросвет, имущество. Зимой легче вести воспитательную работу, люди всегда на месте [...] зимой легче вести работу с пьянством, с самовольниками, а летом, если мы сейчас не подумаем о том – как занять бойцов, командиров, как организовать политпросвещение, то у нас будут и самовольные отлучки и [...]

Фото 3. Сотрудники III отделения Сортировочного эвакуационного госпиталя Т.Гудошникова, Е.Бабкина, М.Фадеева, А.Сухачева, С.Сыркина, Е.Федосеева, В.Рыбакова, О.Пупыкина, К.Лаврентьева, Е.Шептунова, Мамедова и др. (последние пункты с фамилиями не просматриваются).

Фото из документального фонда Национального музея РБ

⁷ НА РБ. Ф.П-122. Оп.23а. Д.16. Л.159.

*Фото 4. В лаборатории Сортировочного эвакуационного госпиталя.
Фото из документального фонда Национального музея РБ*

Что касается культурного обслуживания наших раненых и больных силами культурных учреждений города, то от них в прошлом году мы получали большую помощь, то сейчас эта помощь значительно ухудшилась. За артистами нужно посылать по пять раз, а транспорта у нас нет лишнего. А то еще так – “накормите – пойдем, не накормите – не пойдем, далеко – не пойдем”. А вот возьмите такие госпитали, как психбольница – туда затащить лектора очень трудно. Я считаю, что сейчас надо будет об этом подумать [...]

Нам нужно сейчас подумать о таких видах культурного обслуживания как волейбольные мячи, волейбольные сетки, ремонт музыкальных инструментов. Сколько я не пытался отремонтировать музыкальные инструменты – ни за что не берутся. Я считаю, что нужно будет заставить эти артели отремонтировать музыкальные инструменты.

У нас в госпиталях нет совершенно книг, и здесь надо будет обратиться в горком комсомола, чтобы они организовали сбор книг. У меня девушки-шефы в 3-х домах собрали 32 книги.

Большой вопрос у нас с питанием. Я прямо привожу слова раненых бойцов, командиров, которые говорят, что еще нигде нас так плохо не кормили, как в Уфе. Сейчас приезжают раненые из Рязани, из Москвы и там кормят гораздо лучше. Мы совершенно не даем молока, сметаны, масла, нет сахара, нет соли.

С врачами не совсем хорошо, но хуже всего со средним медицинским персоналом. У нас не хватает 9 медсестер, т.е. одна треть, вероятно, такое же положение и в других госпиталях»⁸.

Остановился на проблемных моментах в своем выступлении и вышеупомянутый врач А.К. Тейтель: «Я хотел бы в нескольких словах остановиться на дефектах, которые не дают возможности полностью выполнить поставленные перед нами задачи. У нас сортировочный госпиталь и мы можем только тогда хорошо проводить работу, если сортировка будет проводиться через стационарирование. Мы имеем за последнее время колоссальную перегрузку всех госпиталей. Если мы возьмем за последние три месяца (здесь в обкоме можно назвать цифры), то мы пропустили через свой госпиталь 7700 человек, когда за прошлый год пропустили 27000 человек»⁹. Из его выступления выясняется и следующее: «Из-за перегрузки всех госпиталей мы фактически превратились в нормальный стационарный госпиталь, т.к. мы имеем у себя постоянно 700–800 больных. Ясно, что при таких условиях сортировочный госпиталь вынужден в своей работе иметь недостатки. Мне кажется, что для каждого из нас понятно, что легче, отсортировать больных, когда непосредственно видишь больного перед собой, чем только по истории болезни. А сейчас нам приходится производить сортировку прямо на вокзале, в пути и врач имеет в своем распоряжении только 2–3 часа. Мне кажется, все-таки нужно освободить нам наш зал, где мы имеем возможность сортировать 200–300 больных.

Одновременно, я должен остановиться здесь также на вопросе о транспорте. Сортировочный госпиталь своего транспорта не имеет, и мы пользуемся транспортом эвакууправления и общественных организаций. Но эвакууправление само не имеет достаточно транспорта и не всегда может представить, а общественные организации на помощь не приходят, и это не дает возможности выполнить возложенные на нас задачи.

Оснащение сортировочного госпиталя должно быть лучше других, но прошло уже полтора года и очень много белья амортизировалось, а, главным образом, нам портит белье гарнизонная прачечная.

Одновременно, я должен остановиться также на медицинских кадрах. Сортировочный госпиталь имеет, кроме того, большое количество стационарных коек, а качество наших кадров все-таки заставляет требовать лучшего. С одним ведущим хирургом госпиталь с 800 койками и выездом на вокзал справиться не может, кадры сортировочного госпиталя должны быть особые кадры.

Я не могу здесь не остановиться на вопросе отсутствия кухонного инвентаря и посуды. Мы сегодня должны подчеркнуть, что это ставит нас в тупик внутри госпиталя. Из-за отсутствия посуды мы не имеем возможности обслужить больного вовремя как следует.

⁸ НА РБ. Ф.122. Оп.23. Д.36. Л.45-46.

⁹ НА РБ. Ф.122. Оп.23. Д.36. Л.46.

Почему мы уменьшили процент возвращения в часть. Я должен отметить, что контингент за последнее время к нам в Уфу поступает совершенно другой, чем в 1942 г. [...]

Мы сейчас проводим большую работу по лечению от обмороживания и та работа, которую мы проводим, она дала хорошие результаты, резко снизился срок пребывания больного на койке. Мне, кажется, на этом вопросе нужно остановиться и дать начальникам возможность овладеть этим опытом в своих госпиталях.

Надо отметить, еще один вопрос, что в настоящий момент материально-бытовые условия работников госпиталя находятся не на хорошем уровне, то, что положено по карточкам наши работники не получают. Я подавал докладную записку товарищу Вагапову, и было его указание о специальном обслуживании работников сортировочного госпиталя, но на сегодня мы все-таки этого не имеем и, мне кажется, тут нужно вмешательство Обкома ВКП(б)¹⁰.

Анализ архивных материалов показал, что организация деятельности как эвакуационного приемно-сортировочного госпиталя №3127, так и остальных эвакуационных госпиталей во многом зависела от состояния гражданского здравоохранения и обстановки на фронтах. Исследование деятельности эвакуогоспиталей, сформированных с началом войны на территории Башкирии, приводит к заключению, что эвакуогоспитали в экстремальных условиях войны решали исключительно сложные и крупные задачи.

Эвакогоспитали Башкирии были военными госпиталями глубокого тыла, в которых лечились и восстанавливались тяжелооболеченные и тяжелораненные. За три года войны было принято 318 санитарных поездов с 163350 ранеными, из них 66841 неспособных самостоятельно передвигаться. Эвакогоспитали НКЗ справились с возложенными на них задачами. Всего через эвакогоспитали республики прошло 249805 раненых и больных, в том числе в 1942 г. – 57669 чел., в 1943 г. – 122056 чел., в 1944 г. – 70080 чел. В госпиталях работало 340 врачей и тысячи медицинских сестер и санитарок [5, с.15].

На основании архивных материалов установлено, что на территории Башкирской АССР в период Великой Отечественной войны было сформировано и дислоцировано 58 эвакогоспиталей с общим числом коек 22500, из них 36 были развернуты в Уфе [5, с.14].

Истории болезни всех находившихся на лечении в эвакогоспиталях больных и раненых военнослужащих эвакогоспиталями за весь период их функционирования (1941–1946 гг.) были отправлены в Справочное бюро о раненых и больных при Военно-Медицинском музее Вооруженных Сил СССР (г. Ленинград, Лазаретный переулок, 2).

Подобные отчеты о медицинской и финансово-хозяйственной работе за весь период деятельности эвакогоспиталя оформили в книгах «История госпиталя». Эти книги – истории госпиталей хранятся в Министерстве здравоохранения Башкирской АССР.

¹⁰ НА РБ. Ф.122. Оп.23. Д.36. Л.47.

Все архивные документы, относящиеся к работе эвакогоспиталей, а также к периоду их расформирования, сдали в Архивное Управление МВД БАССР.

Отдел госпиталей Министерством здравоохранения Башкирской АССР был расформирован в августе 1948 г. на основе штатного расписания, утвержденного Государственной Штатной Комиссией при Совете Министров Союза ССР [7].

Лечебная работа в эвакогоспиталях базировалась на принципах комплексного лечения с применением всех известных в то время эффективных средств: сульфаниламидных препаратов (стрептоцида, сульфидина), новейших антибиотиков (пенициллина, грамицидина) и др. Вместе с хирургическим вмешательством различные элементы лечебного комплекса составляли единый процесс. Им предусматривались следующие мероприятия: общий лечебный режим, хирургические мероприятия, гемотрансфузии, физиотерапевтические методы, курортные средства, гигиеническая гимнастика, лечебная физкультура, трудотерапия, спорт, массаж, лечебное питание, витаминотерапия.

За годы работы эвакогоспиталей были разработаны и внедрены сотни новых методов лечения и реабилитации, выросла целая плеяда ученых, высококвалифицированных врачей. Впервые в стране было разработано и внедрено в эвакогоспиталях республики:

- применение: антиретиккулярной цитотоксической сыворотки (И.Г. Кадыров, Г.В. Алинов, С.В. Михайловский, В.А. Смирнов); кипящего парафина (Н.С. Слепов); грязей курортов республики (Л.С. Гребенщиков); проволочного шва для лечения переломов (Б.И. Кимельман); анаэробных фагов для лечения септических и гнойных ран (А.И. Хованский), которое давало 70% положительный эффект;

- обосновано применение витамина К (А.В. Палладин). На витаминном заводе Уфы был налажен выпуск этого витамина в объеме, достаточном для всей страны;

- санаторно-курортное лечение для реабилитации (Г.Н. Терегулов, Н.Ф. Емельянов, Г.Б. Мухсинов);

- методы лечения огнестрельных поражений внутренних органов (В.А. Жухин, И.Г. Кадыров, А.А. Полянцев); физиотерапии (Г.А. Пандиков); лечения болезней внутренних органов – пневмонии, туберкулеза, язвы желудка и пр. (М.Н. Карнаухов, З.Ш. Загидуллин, В.Ф. Климентьев, Н.И. Чурбанов); лечения кишечных свищей (А.И. Карпов); методы, ускоряющие заживление и формирование культи (Б.И. Кимельман, Р.М. Минина, Б.Н. Цыпкин);

- разработан и внедрен пневмоинтубатор (В.А. Кудрявицкий);

- предложен полевой аппарат для переливания крови (И.Г. Кадыров);

- лечение: травм головного и спинного мозга (Н.И. Савченко, Н.Ф. Воробьев); раневых невротозов и психозов (И. Фелучевский, М.Н. Гайсина); башкирским кумысом (С.В. Базанова);

- пластические операции, реампутации, лечение каузалгии (А.А. Полянцев, И.Г. Кадыров);

- показания и противопоказания к переливанию крови (Н.Д. Стряжеско);

– лекарственные средства за счет местной флоры (И.А. Лерман, Д.Н. Лазарева) [5, с.15–16].

В эвакуогоспиталях и лечебно-профилактических учреждениях республики работали выдающиеся ученые из эвакуированных в Уфу Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР, Академии медицинских наук Украинской ССР, Московского, Киевского, Минского, Витебского медицинских институтов. Среди них следует отметить ученых Н.Б. Стражеско, А.А. Остроумова, П.Е. Лукомского, В.Х. Василенко, Н.А. Семашко, А.В. Палладина, А.Н. Польского, Б.Г. Егорова и др. Они создали и вырастили целое поколение высококвалифицированных врачей и башкирских ученых [5, с.16].

Успехи советской медицины в годы войны очевидны. И главным условием явилась напряженная работа на фронте и в госпиталях врачей, ученых, медсестер, санитаров и санитарок, не жалеющих сил во имя Великой Победы. Весь профессорско-преподавательский состав, начиная с ведущих специалистов, а также ординаторы и студенты Башкирского государственного медицинского института им. 15-летия ВЛКСМ и 1-го Московского ордена Ленина государственного медицинского университета, весь медицинский персонал эвакуогоспиталей глубокого тыла, включая фельдшеров, медицинских сестер, санитаров и санитарок, – все они были задействованы в деле лечения раненых и больных в эвакуогоспиталях, в профилактике эпидемических заболеваний среди местного населения. Только Башкирский государственный медицинский институт за годы Великой Отечественной войны и предвоенные годы осуществил 7 выпусков и подготовил 1531 врача [8, с.30].

На базе клинической больницы №1 (ул. Г.Тукаева, д.48) все послевоенные годы сохранялись священные традиции по подготовке студентов, врачей. В настоящее время это лечебное учреждение является госпиталем для ветеранов Великой Отечественной войны и участников других локальных войн, тружеников тыла, ветеранов труда, лиц, пострадавших в ликвидации чрезвычайных ситуаций, и т.д. Накануне 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. этот госпиталь получил новый реабилитационный центр по ул. К.Маркса, д.48, оснащенный самыми современными средствами диагностики, лечения и реабилитации пациентов [5, с.16].

Героические подвиги медицинских работников сопровождалась напряжением всех сил и воли в ратном труде, связанном с риском для собственной жизни во имя спасения жизни раненых солдат и офицеров. Более 200 тысяч солдат и офицеров возвращено в строй медицинскими работниками Башкортостана – это достижение, которое требует и в настоящее время переосмысления и анализа [8, с.3].

Разработанная в довоенное время система лечебно-эвакуационного обеспечения войск в условиях военного времени, основу которой составляло этапное лечение с эвакуацией по назначению, не могла быть реализована в сложившихся неблагоприятных условиях начального, первого периода войны. Согласно системы ЛЭО, эвакуогоспитали тыла были последним этапом медицинской эвакуации. Фактически ЭГ и их объединения – госпитальные базы тыла – стали одним из основных этапов лечебно-эвакуационного обеспечения войск,

где шло оказание всех видов квалифицированной и специализированной медицинской помощи раненым и больным воинам.

В целом, эвакуогоспитали справились с возложенными на них задачами. Подвижнический труд медиков эвакуогоспиталей помог добиться уникальных результатов: в 1942, 1943 и 1944 гг. из эвакуогоспиталей тыла страны было возвращено в строй соответственно 56,6; 60,8 и 47,7% раненых. Общий итог деятельности эвакуогоспиталей таков: 57,6% раненых возвращены в строй, 4,4% отправлены в отпуск, 36,5% уволены в запас и демобилизованы, 1,5% умерли [6, с.58–59].

В те годы тяжелейших испытаний советские медики стояли в одном строю со всем народом. Прочное единство армии и народа, фронта и тыла позволило выстоять в самый трудный период войны, а затем победить. Бывшие раненые и больные воины, получившие полное излечение в эвакуогоспиталях, становились в строй и учили искусству боя новичков, учили не бояться вражеской пули, водили в атаки и составляли железный костяк фронтовых подразделений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баграмян И.Х.* Всемерно повышать боеготовность медицинской службы // Военно-медицинский журнал. 1963. №5.
2. *Габидуллин Б.Г.* Советская Башкирия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1971. 212 с.
3. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Военное издательство, 1993. 415 с.
4. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / отв. сост. Л.И. Завалищенко. М.: Медицина, 1977. 576 с.
5. *Карамова Л.М., Гайнуллина М.К., Фахуртдинова Л.А.* Эвакуационные госпитали Башкирии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Медицина труда и экология человека. 2015. №2. С.13–16.
6. *Мирский М.Б.* Медицина и здравоохранение в годы Великой отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2006. №2.
7. Сборник приказов и инструкций Наркомздрава СССР (1941–1945 гг.). М.; Л.: Медгиз, 1945. 108 с.
8. *Тимербулатов В.М., Мустафин Х.М., Киньябулатов А.У.* Эвакуогоспитали Башкортостана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Уфа, 2010. 150 с.
9. *Чижев И.М.* Вклад медицинской службы в Победу в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 1995. №5.

Информация об авторах:

Сухарева Ирина Виталиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4120-618X, e-mail: ira.sarigel@yandex.ru

Буранбаева Римма Нуриевна – исследователь-поисковик, краевед (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0009-0002-0529-1196, e-mail: rimmaburanbaeva553@gmail.com

Киньябулатов Азат Уранович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО, Башкирский государственный медицинский университет (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7994-0737, e-mail: azatur3@yandex.ru

Сандырев Кирилл Юрьевич – аспирант кафедры международных отношений, истории и востоковедения, Уфимский государственный нефтяной технический университет (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-0539-2028; e-mail: c.sandyrev@yandex.ru

Поступила 11.09.2023

Принята к публикации 03.10.2023

**About the history of the receiving and triage evacuation hospital 3127
in Ufa during the Great Patriotic War of 1941–1945**

I.V. Sukhareva¹, R.N. Buranbayeva², A.U. Kinyabulatov³, K.Y. Sandyrev¹

¹ *Ufa State Petroleum Technical University*

² *Researcher, local historian*

³ *Bashkir State Medical University
Ufa, Russian Federation*

The article provides materials on the activities of evacuation hospitals formed in the initial period of the Great Patriotic War of 1941–1945 on the territory of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. The authors pay special attention to the analysis of the experience of the military evacuation deep rear hospital No. 3127 in Ufa. The main sources of the research were documentary materials stored in the archives and museums of the Republic of Bashkortostan, in particular in the funds of the National Archives of the Republic of Bashkortostan and the National Museum of the Republic of Bashkortostan, collections of published documents, periodicals, and memoirs. The study showed that, in general, during the war years, evacuation hospitals in Bashkiria coped with the tasks assigned to them.

Keywords: Great Patriotic War, rear, evacuation hospital, Bashkir ASSR

For citation: Sukhareva I.V., Buranbayeva R.N., Kinyabulatov A.U., Sandyrev K.Y. About the history of the receiving and triage evacuation hospital 3127 in Ufa during the Great Patriotic War of 1941–1945. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.114–134. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.114-134> (In Russian)

REFERENCES

1. Bagramyan I.H. To increase the combat readiness of the medical service in every possible way. *Military Medical Journal*. 1963, no.5. (In Russian)
2. Gabidullin B.G. *Soviet Bashkiria during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1971. 212 p. (In Russian)
3. *The secrecy label has been removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts*. Moscow: Military Publ., 1993. 415 p. (In Russian)
4. *Healthcare during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Collection of documents and materials. Compiled by L.I. Zavalishchenko. Moscow: Medicine Publ., 1977. 576 p. (In Russian)
5. Karamova L.M., Gainullina M.K., Fakhurtdinova L.A. Evacuation hospitals of Bashkiria in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Labor medicine and human ecology*, 2015, no.2, pp.13–16. (In Russian)
6. Mirsky M.B. Medicine and healthcare during the Great Patriotic War. *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*. 2006, no.2 (In Russian)
7. Collection of orders and instructions of the People's Commissariat of Health of the USSR (1941–1945). Moscow; Leningrad: Medgiz Publ., 1945. 108 p. (In Russian)
8. Timerbulatov V.M., Mustafin H.M., Kinyabulatov A.U. *Evacuation hospital of Bashkortostan during the Great Patriotic War 1941–1945*. Ufa, 2010. 150 p. (In Russian)
9. Chizh I.M. Contribution of the medical service to Victory in the Great Patriotic War. *Military Medical Journal*. 1995, no.5. (In Russian)

About the authors:

Sukhareva Irina Vitalievna – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4120-618X, e-mail: ira.sarigel@yandex.ru

Buranbayeva Rimma Nurievna – Researcher, local historian (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0009-0002-0529-1196, e-mail: rimmaburanbaeva553@gmail.com

Kinyabulatov Azat Uranovich – Cand. Sci. (medicine), Associate Professor of the Department of Public Health and Health Organization with the course of the Institute of Additional Professional Education, Bashkir State Medical University (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7994-0737, e-mail: azatur3@yandex.ru

Sandyrev Kirill Yurievich – Graduate student of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-0539-2028; e-mail: c.sandyrev@yandex.ru

Received September 11, 2023

Accepted for publication October 3, 2023

Смертность населения Республики Татарстан и Самарской области в 1990–2010 гг.

А.С. Бушуев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье проанализированы особенности динамики и структуры смертности населения в 1990–2000-е гг. двух экономически развитых регионов Среднего Поволжья – Республики Татарстан и Самарской области. Показатели смертности рассмотрены автором в разрезе места проживания, возрастных и половых отличий. В результате анализа автором установлено, что темпы прироста числа смертей в рассматриваемых регионах оказались выше среднероссийских и значительное влияние на ухудшение этих показателей оказал рост числа смертей в молодых возрастах. Большое внимание автором уделено изучению структуры смертности населения в соответствии с действующей Международной классификацией болезней (МКБ-10). В статье проанализирована динамика вклада разных причин смерти в структуру смертности населения в городе и на селе, а также выявлены основные тенденции и региональная специфика, показаны положительные и отрицательные тренды в динамике смертности в рассматриваемых регионах.

Ключевые слова: смертность, ожидаемая продолжительность жизни, структура смертности, возрастная структура смертности, причины смерти, Среднее Поволжье, Самарская область, Республика Татарстан

Для цитирования: Бушуев А.С. Смертность населения Республики Татарстан и Самарской области в 1990–2010 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.135–146. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.135-146>

Одной из проблем истории народонаселения является проблема смертности как важная составляющая демографического развития страны и ее регионов. Наряду с рождаемостью, смертность напрямую влияет на динамику численности населения, специфику его возрастно-половой структуры и реализацию возможности естественного замещения поколений. В этом отношении историко-демографическое изучение смертности населения является актуальной научной задачей.

Республика Татарстан и Самарская область – два хорошо развитых в экономическом отношении региона Среднего Поволжья. Татарстан по объему валового регионального продукта входит в пятерку ведущих регионов России, Самарская область по этому же показателю занимает восьмое место, но при этом демонстрирует значительные успехи в области промышленного развития, занимая четвертое место в России по объему промышленного производства. На фоне заметных экономических успехов

регионов важно рассмотреть проблемы социального характера, одним из комплексных показателей отражения которых является смертность населения. Наиболее интересен в этом отношении период конца XX – начала XXI в., на который пришлись масштабные изменения в жизни населения страны.

Если смертность населения в России в рассматриваемый период увеличилась менее чем на четверть с 1,6 до 2,0 млн чел., то в регионах ситуация была разной. По Среднему Поволжью в целом ежегодный прирост числа смертей шел значительно быстрее, и число летальных случаев увеличилось в рассматриваемый период в 1,32 раза со 106,6 до 141,1 тыс. чел. При этом даже такая динамика оказалась более сдержанной по сравнению с рассматриваемыми Самарской областью и Татарстаном, где рост этого показателя произошел еще больше – в 1,36 и 1,37 раз соответственно¹.

Городское население Татарстана до конца 2000-х гг., когда динамика числа летальных случаев начала немного снижаться, показывало стабильный рост смертности. В Самарской области число умерших горожан уменьшилось уже в 2005 г. Наиболее заметный, опережающий среднероссийский, рост смертности в поволжских городах произошел к 1990 и в 1995–2000 гг., а темпы этого прироста в конце 90-х гг. многократно превышали общероссийские показатели.

Такая динамика обусловила опережающий прирост числа летальных исходов на 12,9 тыс. чел в год в Самарской области и 13,4 тыс. чел. в год в Татарстане (см. таблицу 1). Если пересчитать смертность с учетом изменения численности населения рассматриваемых регионов, произошедшего за эти 20 лет, то можно увидеть, что общий коэффициент смертности для горожан в Татарстане рос до 2005 г., а затем упал на 0,6‰ (см. таблицу 2). При этом все эти годы уровень смертности городского населения в республике оставался ниже общероссийского показателя на 1,6–2,8‰, средневожского – на 1,1–2,3‰. В Самарской области ситуация со смертностью в городах была хуже, чем в Татарстане, Среднем Поволжье и России в целом. Все эти годы здесь наблюдалось превышение среднероссийского общего коэффициента смертности на 0,1–1,6‰. Причем, если в сложные в экономическом отношении 90-е гг. смертность держалась здесь в общероссийских пределах, отклоняясь от них лишь незначительно (на 0,1–0,2‰), то в более устойчивые в экономическом отношении 2000-е гг. ситуация стала ухудшаться, а разрыв показателя достиг 1,3‰.

¹ Подсчитано по: Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.Р-1296. Оп.18. Д.1298. Л.383-385; Д.1398. Л.59-61; Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31617> (дата обращения: 15.07.2021).

Таблица 1

Динамика числа умерших в Российской Федерации и Среднем Поволжье по полу и месту проживания в 1990–2010 гг., тыс. чел.*

Регион	1990		1995		2000		2005		2010	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>Городское население</i>										
Респ. Татарстан	11,4	11,5	17,2	14,6	18,0	15,2	19,4	15,5	17,9	16,1
Самарская обл.	13,6	14,1	20,5	17,7	23,3	18,7	21,6	18,1	19,8	18,4
<i>Сельское население</i>										
Респ. Татарстан	5,9	7,5	8,1	8,7	8,1	8,5	8,7	8,3	8,0	7,7
Самарская обл.	4,0	4,3	5,5	5,2	6,3	5,7	6,6	5,6	5,7	5,0

* Составлено и рассчитано по: ГА РТ. Ф.Р-1296. Оп.18. Д.1298. Л.383–385; Д.1398. Л.59–61; ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31617> (дата обращения: 15.07.2021).

Таблица 2

Динамика общего коэффициента смертности в Российской Федерации и Среднем Поволжье по месту проживания в 1985–2010 гг., %*

Регион	1990		1995		2000		2005		2010	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Респ. Татарстан	8,5	13,7	11,6	16,7	11,9	16,6	12,5	17,6	11,9	16,8
Самарская обл.	10,6	13,4	14,4	16,5	15,9	18,7	15,3	19,1	14,8	16,8

* Составлено и рассчитано по: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 15.07.2021).

По сельскому населению ситуация в Татарстане в 1990-е гг. была немного хуже среднероссийской (превышение на 0,2–0,5%), к началу 2000-х гг. здесь удалось стабилизировать положение и начать снижать показатели смертности. С новым ухудшением ситуации на селе республика столкнулась с середины 2000-х гг.: сначала ухудшились абсолютные показатели (число умерших возросло на 1,7 тыс. чел. в год), а к 2010 г. – и относительные (общий коэффициент смертности возрос с 16,6‰ в 2000-м до

17,6‰ в 2005 г., а затем, хотя и упал до 16,8‰ в 2010 г., но остался выше среднероссийского на 0,7‰). В Самарской области смертность сельского населения возростала на протяжении 1990 – начала 2000-х гг. На положительную динамику удалось выйти лишь к 2005 г. по женщинам и к 2010 г. по всему сельскому населению. При этом общий коэффициент смертности сельского населения Самарской области на протяжении всего рассматриваемого периода был хуже среднероссийского на 0,2–1,6‰, а в 2000–2005 гг. хуже чем в Татарстане на 1,5–2,1‰ (в 2010 г. Самарская область и Татарстан сравнялись по этому показателю на уровне 16,8‰).

На динамике числа смертей в рассматриваемый период сказались и межполовые отличия (см. таблицу 1). В Татарстане число летальных исходов у городских мужчин к 2010 г. по сравнению с 1990 г. выросло на 57,3%, в Самарской области – на 45,6%. На селе рост составил 36,7 и 43,0% соответственно. Женская смертность в городах Татарстана возросла за рассматриваемый период на 39,9%, в городах Самарской области – на 31,0%. В сельских поселениях смертность росла не так быстро и прибавила всего 15,4% в Самарской области и 3,0% в Татарстане. Таким образом, можно заключить, что наиболее ощутимая прибавка числа летальных случаев в рассматриваемых регионах произошла преимущественно за счет городских мужчин, что в целом соответствует общероссийской тенденции последних лет.

За рассматриваемый период произошло существенное увеличение смертности в трудоспособном возрасте в целом, наибольший рост произошел в молодых возрастах (25–39 лет), что негативно сказалось на демографической ситуации [1, с.44]. В результате сократилась ожидаемая продолжительность жизни в Среднем Поволжье почти на 2 года, хотя по России в среднем наблюдался небольшой ее рост. В Татарстане и Самарской области, как и по России в среднем, продолжительность жизни начала медленно восстанавливаться в начале 2000-х гг. Наибольший вклад в сокращение ожидаемой продолжительности жизни дала Самарская область (-2,46 года). В Татарстане темпы снижения продолжительности жизни были медленнее средних для Поволжья (-0,55 года) (см. таблицу 3).

Также в этот период сохранялась известная проблема мужской сверхсмертности [4, с.80], выраженная в превышении числа мужских смертей над женскими в 2,5 раза в среднем. Следует отметить, что в регионах Среднего Поволжья эта проблема проявила себя острее, чем по России в среднем. За рассматриваемый период произошло не только расширение возрастных границ с избыточной мужской смертностью как в городе, так и на селе, но и усугубление проблемы в молодом трудоспособном возрасте. В Татарстане ситуация в среднем почти не изменилась, так как наряду с небольшим улучшением ситуации в молодых возрастах (20–39 лет) проблема усугубилась в возрасте 40–59 лет. В Самарской области ситуация немного улучшилась, поскольку разрыв между числом мужских и женских смертей в молодых возрастах сократился.

Таблица 3

**Ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации
и Среднем Поволжье при рождении в 1990–2010 гг., число лет***

	1990	1995	2000	2005	2010
Республика Татарстан					
Оба пола	71,08	66,98	67,54	67,93	70,42
Мужчины	65,40	60,24	61,06	61,31	64,41
Женщины	76,03	74,13	74,47	75,01	76,47
Самарская область					
Оба пола	70,03	65,56	64,48	66,05	68,13
Мужчины	64,62	59,12	57,67	59,37	62,02
Женщины	74,94	72,50	72,20	73,24	74,32

* Составлено и рассчитано по: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 15.07.2021); [6, с.417, 496; 7, с.364, 426].

Вместе с тем для получения более полной картины динамики смертности населения в изучаемых регионах следует обратиться к ее структуре в соответствии с действующей Международной классификацией болезней (МКБ-10). В *таблице 4* представлена структура смертности по зафиксированным врачами причинам летальных исходов в Татарстане и Самарской области. Как можно увидеть, основной причиной смерти населения в обоих регионах были и остаются болезни системы кровообращения. В численном отношении эта группа причин выросла в Татарстане с 568,6 случаев на 100 тыс. чел. населения в 1990 г. до 832,7 случаев в 2010 г., увеличив свой вклад в структуру смертности на 5,9%. В Самарской области этот показатель в численном отношении также возрос с 622,6 до 777,0 случаев на 100 тыс. чел. населения, однако при этом, в отличие от Татарстана, здесь сократилась доля смертей от этой группы причин на 5,0%. Это произошло в связи с ростом доли смертей от других причин (инфекционных болезней, болезней органов пищеварения, внешних причин и прочих болезней)².

Рост числа смертей от болезней системы кровообращения произошел практически во всех группах населения рассматриваемых регионов, за исключением женщин в сельских поселениях Самарской области, где в рассматриваемый период зафиксировано падение этого показателя в 1,2 раза с 905,8 случаев на 100 тыс. чел. населения в 1990 г. до 768,0 случаев в 2010 г. Больше всего число смертей от этой причины возросло в Татарстане у мужчин: в городах – в 1,9 раз, в селах – в 1,7 раз. В Самарской области рост числа летальных случаев у мужчин в городах, связанных с нарушениями этой группы болезней, составил 1,5 раза.

² Рассчитано по: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 15.07.2021); Письмо Росстата от 08.09.2021 №3540/02 // Личный архив автора.

Таблица 4

Смертность населения Республики Татарстан и Самарской области по основным классам причин смерти в 1990–2010 гг., в %*

Причины смерти	1990	1995	2000	2005	2010
<i>Республика Татарстан</i>					
Инфекционные и паразитарные болезни	0,8	1,1	1,2	1,2	1,1
Новообразования	16,0	13,7	13,4	12,5	13,4
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	0,7	1,2	1,0	0,8	0,6
Болезни системы кровообращения	57,5	55,1	58,8	61,6	63,4
Болезни органов дыхания	4,9	5,2	5,0	4,2	3,8
Болезни органов пищеварения	3,5	3,7	3,1	3,6	3,9
Болезни мочеполовой системы	1,2	1,0	0,7	0,5	0,5
Внешние причины смерти	12,1	15,3	14,0	13,1	10,5
Прочие болезни	3,3	3,4	2,9	2,3	2,7
<i>Самарская область</i>					
Инфекционные и паразитарные болезни	1,0	1,4	1,5	1,5	2,6
Новообразования	18,5	13,9	12,8	11,8	13,6
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	0,9	0,9	0,6	0,4	0,4
Болезни системы кровообращения	56,1	49,3	51,5	52,0	51,1
Болезни органов дыхания	4,4	4,2	4,3	3,1	2,8
Болезни органов пищеварения	2,5	2,8	2,7	3,6	4,5
Болезни мочеполовой системы	1,1	0,8	0,7	0,5	0,6
Внешние причины смерти	10,2	15,0	14,6	13,9	12,0
Прочие болезни	5,3	11,4	11,2	13,0	12,2

* Рассчитано по: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270> (дата обращения: .01.08.2021); Письмо Росстата от 08.09.2021 №3540/02 // Личный архив автора.

Интересно отметить, что для Татарстана эта проблема больше характерна для сельского населения, где, очевидно, несколько хуже налажена система быстрой медицинской помощи. На всем протяжении рассматриваемого периода число смертей в селах от этих болезней было наибольшим как у женщин (1069,7 – 1215,8 случаев на 100 тыс. чел.), так и у мужчин (614,5 – 1041,4 случаев на 100 тыс. чел.). В Самарской области картина не так однозначна. Если в 1990 г. это была больше женская проблема (905,8 случаев смерти на селе и 649,9 – в городах), чем сельская, то к 2010 г. эта проблема обострилась у городских женщин (795,8 случаев) и сельских мужчин (785,6 случаев смерти на 100 тыс. чел. населения).

Считается, что на негативную динамику этого класса причин смерти влияют произошедшие в 1990-е гг. кардинальные изменения в жизненном укладе россиян, изменение их социального статуса [4, с.84–85]. Тяжелый социально-экономический кризис и снижение качества жизни у ряда групп населения, возрастание напряженного темпа жизни и эмоциональных нагрузок в сочетании с малоподвижным образом жизни в городах обусловили эту негативную динамику. Ряд предприятий Татарстана и Самарской области испытывали экономические трудности в рассматриваемый период (например, КамАЗ в Татарстане после пожара на заводе двигателей или авиационный завод в Самаре в связи с сокращением производства самолетов и т.п.). Также обострение этой проблемы у городских женщин (особенно в Самарской области) вызвано произошедшим за эти годы изменением стандартов поведения и активным освоением женщинами высоко-стрессовых «мужских» сфер деятельности (построение карьеры, вождение автомобиля и т.п.).

Второй наиболее частой причиной смерти в России являются различные новообразования. Татарстан и Самарская область также не отличаются в этом отношении от среднероссийских показателей. При незначительном абсолютном росте числа летальных случаев от новообразований в обоих регионах (в Татарстане – со 158,2 до 176,2 на 100 тыс. чел. населения, в Самарской области – с 204,8 до 206,8) произошло снижение доли этих смертей в общей структуре смертности населения. Несколько больший рост числа летальных случаев от этого класса причин зафиксирован у сельских женщин в Татарстане (со 127,1 до 153,7). Мужское население Самарской области и сельские мужчины в Татарстане, наоборот, показали снижение не только относительного вклада этой группы причин, но и абсолютного числа летальных случаев (в Самарской области с 248,2 до 243,0 в городах, с 244,1 до 239,9 – в селах; в Татарстане – с 222,6 до 213,6 случаев).

На динамику распространения этого класса причин смерти влияли как недостаточная диспансерная работа с населением и проблемы диагностики в 1990-е гг., так и наблюдаемое постарение населения. Вместе с тем ряд принимаемых мер на федеральном и региональном уровнях, значительные материальные вложения в усовершенствование медицинской помощи, включая развитие ранней диагностики этой группы заболеваний, применение новейших технологических разработок и лекарственных препаратов в лечении [3, с.9] позволили сдерживать возможный рост этой причины смерти. Хотя за рассматриваемый период из-за разности в доступности медицинского обслуживания населения в городах и селах так и не удалось преодолеть разницу по смертности от злокачественных новообразований.

Третья группа причин смерти по численности и по вкладу в ее структуру – внешние причины, к которым относятся различные несчастные случаи (в том числе связанные с транспортом), отравления, убийства, самоубийства и др. В «лихие девяностые» эта группа причин смерти дала быстрый рост со 119,4 в 1990 г. до 197,5 в 1995 г. в Татарстане, со 112,7 до

222,0 случаев на 100 тыс. чел. населения соответственно в Самарской области. Затем, уже в 2000-е гг., произошел некоторый откат этого показателя. В конечном счете в Татарстане эта группа причин выросла незначительно (в 1,2 раза), а в процентном отношении даже потеряла 1,6%. В Самарской области рост был более заметным – в 1,6 раза, что обусловило рост доли этих причин в общей структуре смертности на 1,8%.

В этой группе причин велика вина несчастных случаев, связанных с транспортом. Показатели смертности от ДТП достаточно высоки в рассматриваемый период. Наиболее острая ситуация по смертности от ДТП в 1990 г. была в Самарской области (27,7 случаев), и она оставалась таковой до второй половины 2000-х гг. Лишь к 2010 г. удалось достичь снижения числа летальных исходов при ДТП до 17,2 на 100 тыс. чел. населения. В Татарстане ситуация изначально была несколько лучшей по этому показателю, ведь доля таких смертей не превышала 1,5% (14,7 случаев на 100 тыс. чел.). К концу 2000-х гг. благодаря проведению масштабной реконструкции федеральных автодорог М-5 и М-7, проходящих в указанных регионах, разделению полос движения, установке отбойников и фонарей освещения вдоль трасс и других мероприятий удалось достичь снижения смертности от ДТП.

Еще одной распространенной внешней причиной смерти в «лихие девяностые» стали убийства, вызванные разгулом преступности. Это было характерно как для России в целом, так и для регионов Среднего Поволжья, причем в последних рост числа убийств был в 2,5 раза больше. Наихудшая ситуация наблюдалась в Татарстане с его «казанским феноменом» [2, с.38], где в 1995 г. было 30,9 убийств на 100 тыс. чел. населения, а по городским мужчинам и того более – 59,6 подобных случаев³. В Самарской области, хотя также росло число убийств, но выше 21,8 этот показатель не поднимался никогда, а среди городских мужчин – не выше 40,5 случаев на 100 тыс. чел. Активное вмешательство в ситуацию правоохранительных органов позволило снизить остроту проблемы к концу 1990-х – 2000-м гг.

Еще одной внешней причиной смерти и важным маркером социального неблагополучия являются самоубийства. В 1990-е гг. произошел резкий рост числа самоубийств в Татарстане (в 1,8 раза) и Самарской области (в 1,5 раза), лишь в 2000-е гг. наметился постепенный спад. Наиболее тяжелая ситуация с самоубийствами была среди сельских мужчин в Татарстане (в 1990 г. – 67,8; в 1995 г. – 128,0; в 2010 г. – 91,5). В Самарской области наблюдаемое число самоубийств было меньшим, но динамика схожей – 52,5 (1990), 99,9 (2000), 27,5 (2010). Такая динамика самоубийств коррелирует с обострением социально-экономических и морально-психологических проблем, утратой ориентиров и отсутствием видения жизненных перспектив. Наиболее остро проблема проявилась на селе на фоне повышенного употребления алкоголя [5, с.58–59].

³ ГА РТ. Ф.Р-1296. Оп.18. Д.1398. Л.92–154.

Болезни органов дыхания, пищеварения, мочеполовой и эндокринной систем составляют большую группу причин смерти, связанных с состоянием здоровья населения, его самочувствием, иммунитетом, а также уровнем организации медицинской помощи населению по месту жительства. Не секрет, что в 1990-е гг. с этим были проблемы, ведь сокращалась численность медицинского персонала, больничных учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов в сельских поселениях. Кроме того, происходило ухудшение качества питания населения, ввиду осложнения социально-экономической ситуации в стране.

Вклад болезней органов дыхания (ОРВИ, грипп, бронхит, пневмония и др.) в рассматриваемый период находился в пределах 4,9–3,8% в Татарстане, 4,4–2,8% в Самарской области. На рост смертности от этих причин в 1990-е гг. влиял целый комплекс факторов – от износа оборудования промышленных предприятий наряду со снижением контроля за выбросами со стороны государственных органов до бедности широких масс населения, не имеющих возможности своевременно менять износившуюся теплую одежду и обувь в холодное время года.

Болезни органов пищеварения к концу рассматриваемого периода опередили по числу летальных исходов болезни органов дыхания в обоих регионах. Так, если в 1990 г. в Татарстане было всего 34,5 случая летальных исходов на 100 тыс. чел. населения, то к 2010 г. их число возросло до 51,0. В Самарской области рост подобных случаев был еще более стремительным – с 28,2 до 68,4 смертей. Таким образом, вклад этой группы причин возрос в Татарстане с 3,5 до 3,9%, в Самарской области – с 2,5 до 4,5%. Рост смертей, обусловленных болезнями пищеварения, не является особенностью лишь рассматриваемых регионов, это – общероссийская тенденция, вызванная распространением привычек быстрого (нездорового) питания в городах и слабой доступностью качественной диагностики и лечения на селе.

Болезни органов мочеполовой, эндокринной систем, расстройства питания и нарушения обмена веществ в меньшей степени влияют на динамику причин смерти населения. Их доля в структуре смертности в рассматриваемый период не превышала 1% летальных случаев, а к 2010 г. опустилась до 0,5%.

Зато в качестве причины смерти укрепили свое положение инфекционные и паразитарные болезни – их вклад в структуру смертности в среднем по Поволжью возрос с 0,9 до 1,6% (в Татарстане – с 0,8 до 1,1%, в Самарской области – от 1,0 до 2,6%). Заметное ухудшение произошло в Самарской области, где рост числа летальных исходов от этой причины составил в среднем 3,5 раза (с 11,4 до 39,7 случаев), в 3,8 раза – у городских мужчин (с 19,7 до 75,6 случаев). В Республике Татарстан ситуация по этому показателю была лучше: 8,0–14,5 случаев в среднем, у городских мужчин – 13,1–27,1 случаев соответственно. Более половины этих смертей связано с распространением туберкулеза. Остальные вызваны венериче-

скими инфекциями (прежде всего – сифилисом), ВИЧ, дифтерией и др. На росте этой группы причин смерти сказались значительный миграционный приток из стран СНГ [4, с.91], обнищание определенной части населения и распространение лиц без определенного места жительства (бомжей), распространение наркомании, а также участвовавшие отказы населения от профилактических прививок.

Говоря о динамике смертности населения в Татарстане и Самарской области в 1990–2010 гг., нельзя забывать и то, что фиксируемое в этот период постарение населения оказывает свое негативное влияние на рост количественных показателей смертности. Однако, наряду с замеченными негативными тенденциями – ростом числа смертей в молодых и средних возрастах, ростом мужской сверхсмертности, снижением средней ожидаемой продолжительности жизни, – в рассматриваемый период имели место и некоторые положительные тенденции. К последним, например, относится общее снижение показателей младенческой и детской смертности, а также снижение смертности от внешних причин и болезней мочеполовой системы в Татарстане, болезней эндокринной системы и нарушений обмена веществ, болезней органов дыхания и мочеполовой системы в Самарской области. Продолжает вызывать озабоченность рост употребления алкоголя и его негативное влияние на показатели смертности населения как у мужчин, так и у женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушуев А.С. Динамика возрастно-половой структуры смертности населения Среднего Поволжья в 1985–2010 гг. // Глобальные вызовы демографическому развитию: сб. науч. ст.: в 2-х т. Т.1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2022. С.41–51. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-4>
2. Бушуев А.С. Развитие политического сознания молодежи Республики Татарстан в 1985–2004 гг.: историко-социологический аспект. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 204 с.
3. Доступность инновационных лекарственных препаратов и снижение показателей смертности от онкологических заболеваний / Р.У. Хабриев, А.В. Исаева, Л.Ю. Безмельницына и др. // Бюллетень НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2016. №6. С.5–18.
4. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. Т.3, кн.3. 1991–2000 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 399 с.
5. Немцов А.В. Потребление алкоголя и самоубийства: Россия, 1981–1998 годы // Вопросы наркологии. 2002. №4. С.53–60.
6. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2003: стат. сб. М.: Госкомстат, 2003. 807 с.
7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2012: стат. сб. М.: Госкомстат, 2012. 786 с.

Информация об авторе:

Бушуев Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3186-1981; ResearcherID: C-3603-2012; e-mail: a_bushujev@mail.ru

Поступила 18.09.2023

Принята к публикации 10.10.2023

**Mortality rate of the population of the Republic of Tatarstan
and Samara Region in 1990–2010**

A.S. Bushuev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

In the paper the features of the dynamics and structure of population mortality in the 1990s – 2000s in two economically developed regions of the Middle Volga region – the Republic of Tatarstan and the Samara region – are analyzed. Mortality indicators are considered by the author in the context of place of residence, age and gender differences. As a result of the analysis, the author found that the growth rate of the number of deaths in the regions under consideration turned out to be higher than the Russian average and the increase in the number of deaths at young ages had a significant impact on the deterioration of these indicators. The author paid much attention to studying the structure of population mortality in accordance with the current International Classification of Diseases (ICD-10). The article analyzes the dynamics of the contribution of various causes of death to the structure of mortality in the city and rural areas, and also identifies the main trends and regional specifics, showing positive and negative trends in the dynamics of mortality in the regions under consideration.

Keywords: mortality, life expectancy, structure of mortality, age structure of mortality, causes of death, Middle Volga region, Samara region, Republic of Tatarstan

For citation: Bushuev A.S. Mortality rate of the population of the Republic of Tatarstan and Samara Region in 1990–2010. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.135–146. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.135-146> (In Russian)

REFERENCES

1. Bushuev A.S. Dynamics of the age-sex structure of mortality in the population of the Middle Volga region in 1985–2010. *Global challenges to demographic development: collection of scientific articles: in 2 vol. Vol.1*. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022. Pp.41–51. <https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-4> (In Russian)
2. Bushuev A.S. Development of political consciousness of youth of the Republic of Tatarstan in 1985–2004: historical and sociological aspect. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 204 p. (In Russian)

3. Khabriev R.U., Isaeva A.V., Bezmelnitsyna L.Yu., Meshkov D.O., Berseneva E.A., Cherkasov S.N. Availability of innovative medications and the decrease of mortality rates in oncology patients. *Bulletin of the Semashko Research Institute of Public Health*. 2016, no.6, pp.5–18. (In Russian)

4. *Population of Russia in the 20th century. Historical essays*: in 3 vol. Ed. by Yu.A. Polyakov. Vol.3, book 3. 1991–2000. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012. 399 p. (In Russian)

5. Nemtsov A.V. Alcohol consumption and suicide: Russia, 1981–1998. *Questions of Narcology*. 2002, no.4, pp.53–60. (In Russian)

6. *Regions of Russia. Main characteristics of the constituent entities of the Russian Federation. 2003*: statistical collection. Moscow: Goskomstat Publ., 2003. 807 p. (In Russian)

7. *Regions of Russia. Main characteristics of the constituent entities of the Russian Federation. 2012*: statistical collection. Moscow: Goskomstat Publ., 2012. 786 p. (In Russian)

About the author:

Bushuev Aleksei Sergeevich – Cand. Sci. (history), Academic Secretary, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3186-1981; ResearcherID: C-3603-2012; e-mail: a_bushuev@mail.ru

Received September 18, 2023

Accepted for publication October 10, 2023

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 930.23(093.2)(470)"164"

Новые документы по истории арзамасских, касимовских и цненских служилых татар (1640-е гг.)

М.Р. Белоусов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В работе введены в научный оборот, исследованы и опубликованы два комплексы документов по истории арзамасских, касимовских и цненских служилых татар 1640-х гг., каждый из которых включает память из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ и именной список служилых людей (список именной «алаторцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алаторским же, и арзамаским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, которым с весны быть на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестям к Москве в другой половине»; список именной «цненским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году быть с весны на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестем в другой половине, а о службе ожидать государева указу»). Все представленные в работе документы отложились в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Проведено археографическое описание публикуемых документов. Охарактеризован информационный потенциал именных списков служилых людей. Публикация адресована специалистам по социальной истории, истории государственного управления, генеалогии служилых людей, прежде всего мурз и татар-казаков, источниковедению делопроизводственных документов.

Ключевые слова: Приказ Казанского дворца, Разрядный приказ, именной список служилых людей, память, мурзы, татары-казаки, «новокрещены»

Для цитирования: Белоусов М.Р. Новые документы по истории арзамасских, касимовских и цненских служилых татар (1640-е гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.147–179. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.147-179>

Среди многочисленных документов делопроизводства Разрядного приказа XVII в. первостепенное значение для исследования социально-политической истории имеют учетно-служебные документы, в частности различные списки, фиксировавшие сам факт пребывания человека в составе конкретной служилой корпорации. Не являются в этом смысле исключением и именные списки («наряды») уездных дворян и детей боярских, мурз, татар и «новокрещенов», направляемых на «государеву службу» «на Украину для приходу крымских лю-

дей». Так, в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов¹ отложились два именных списка арзамасских, касимовских и ценских служилых татар 1640-х гг., озаглавленных в их совокупности приказными служащими второй половины XVII в. «нарядом алатарцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алатарским, и арзамаским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, прислан ис Казанского дворца, да ценских мурз и татар 153-го году»².

Список именной «алаторцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алатарским же, и арзамасским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, которым с весны быть на государеве службе в Переславле Рязанском в первой половине и которым быть по вестям к Москве в другой половине»³ дошел не полностью, причем четыре сохранившихся его фрагмента отложились в трех частях (столпиках) одной единицы хранения (столбца)⁴. Сохранившиеся фрагменты документа написаны скорописью середины XVII в. на 45 листах. Судя по памяти от 24 апреля 1642 г.⁵, направленной из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ, – она предваряет в архивном делопроизводственном комплексе учетно-служебный документ – список был составлен в Приказе Казанского дворца непосредственно перед этой датой. Как следует из содержания пометы, сделанной на обороте указанной памяти, 25 апреля 1642 г. память и именной список были доставлены в Разрядный приказ⁶. Согласно «Дворцовым разрядам», «того ж году (7150 (1642). – М.Б.), мая в 8 день (в другом списке – апреля в 1 день. – М.Б.), указал государь быть воеводам на Украине по местам для приходу Крымскаго царя и крымских и нагайских людей: [...] в Переславле Рязанском столник и воеводы князь Иван княж Семенов сын Прозоровской да Дмитрей Федоров сын Колтовской» [8, стб.680]. Вероятно, алатырские дворяне и дети боярские и арзамасские и касимовские мурзы и татары должны были находиться в Переяславле-Рязанском с этими воеводами⁷.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Разрядный приказ. Оп.9. Столбцы Московского стола.

² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.2 об.

³ Название дано автором публикации. Сохранился подлинный заголовок документа: «Список имянной алатарцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алатарским же, и арзамасским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, которым быть на государеве службе в первой и в другой половинех» (РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.5).

⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.5–12; Д.174. Столп.2. Л.13–21; Д.174. Столп.4. Л.22–24; Д. Столп.2. Л.25–49.

⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.2–4.

⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.2 об.

⁷ Сохранившиеся фрагменты списка позволяют лишь утверждать, что алатырские дворяне и дети боярские первой половины находились на службе в Переяславле-Рязанском; перечней же мурз и татар первой половины не выявлено, хотя частица «же» в подзаголовке «Касимов же, быть в другой половине» (РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.25) говорит о наличии перечня касимовских мурз и татар, которым «быть в первой половине в Переславле Рязанском».

Структура дошедшей части именованного списка апреля 1642 г. такова:

1. «Алатарь. Дворяне и дети боярские быть в первой половине в Переславле Резанском»⁸, в т.ч. «Выбор, денги из чети»⁹, «Дворовые»¹⁰ (в т.ч. «Денги из чети»¹¹ и «Денги з городом»¹²), «Городовые»¹³ (в т.ч. «Денги из чети»¹⁴ и «Денги з городом»¹⁵), «Новики 150-го году»¹⁶;

2. «Алатарь. Быть в другой половине к Москве. Выбор»¹⁷;

3. [Арзамас] «Быти в другой половине к Москве»¹⁸, в т.ч. «Арзамаские мурзы и татаровя» (собственно, мурзы)¹⁹, «Мордовские мурзы»²⁰, «Татаровя казаки»²¹, «Татаровя ж бес поместных окладов служат за себя, а иные вместо отцов своих и дядей»²², «Новики 147-го году»²³, «Новики 149-го году»²⁴ (в т.ч. «Мурзы»²⁵ и «Татаровя»²⁶);

4. «Касимов же, быть в другой половине»²⁷, в т.ч. «Царев двор»²⁸ (в т.ч. «Мурзы»²⁹ и «Татаровя казаки»³⁰), «Сеитов полк»³¹ (в т.ч. мурзы (без подзаголовка)³² и «Татаровя казаки»³³), «Новики 149-го году»³⁴ (в т.ч. «Мурзы»³⁵ и «Татаровя»³⁶).

⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.6–12; Д.174. Столп.2. Л.13–14.

⁹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.6–7.

¹⁰ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.7–8.

¹¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.7.

¹² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.7–8.

¹³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.8–12.

¹⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.8–9.

¹⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.9–12.

¹⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.13–14.

¹⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.15.

¹⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.16–21; Д.174. Столп.4. Л.22–24.

¹⁹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.16–18.

²⁰ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.18.

²¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.18–21.

²² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.21; Д.174. Столп.4. Л.22.

²³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.4. Л.22–23.

²⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.4. Л.23–24.

²⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.4. Л.23.

²⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.4. Л.23–24.

²⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.25–49.

²⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.25–33.

²⁹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.25–28.

³⁰ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.28–33.

³¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.33–44.

³² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.33–34.

³³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.34–44.

³⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.44–49.

³⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.44–45.

³⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.45–49.

Память, направленная из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ 25 апреля 1642 г., скреплена дьяком Приказа Казанского дворца Ф.Пановым³⁷. Список именной справлен подьячим Приказа Казанского дворца М.Козловым и скреплен дьяком Ф.Пановым³⁸.

Список именной «цненским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году быть с весны на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестем в другой половине, а о службе ожидать государева указу»³⁹ сохранился полностью⁴⁰ (цненские мурзы и татары – это служилые Шацкого уезда [3, с.100]). Документ написан скорописью середины XVII в. на 13 листах. Судя по памяти от 9 мая 1645 г.⁴¹, направленной из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ, – она предваряет в архивном делопроизводственном комплексе учетно-служебный документ – именной список был составлен в Приказе Казанского дворца непосредственно перед этой датой. Согласно «Дворцовым разрядам», «того ж году (7153 (1645). – М.Б.), мая в 1 день (в другом списке – марта в 7 день. – М.Б.), указал государь быть воеводам на Украине по местам для приходу Крымскаго царя и крымских и нагайских людей: [...] в Переславле Резанском столник и воеводы князь Данило княж Степанов сын Великаго Гагин да Иван Иванов сын Левонтьев» [8, стб.752–753]. Очевидно, цненские мурзы и татары должны были находиться в Переяславле-Рязанском с этими воеводами.

Структура списка именного «цненским мурзам и татаром» мая 1645 г. следующая:

1. «Быть в первой половине»⁴², в т.ч. «Новокрещены»⁴³, «Мурзы»⁴⁴, «Татаровя казаки»⁴⁵, «Новики 139-го году»⁴⁶, «Новики 151-го году»⁴⁷, «Новики 152-го году. Татаровя»⁴⁸, «Новики 153-го году»⁴⁹ (в том числе мурза (без подзаголовка) и «Татарин»);

³⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.5. Л.4.

³⁸ Справа подьячего и часть скрепы дьяка: РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.4. Л.24 об.

³⁹ Название дано автором публикации. Сохранился подлинный заголовок документа: «Список цненским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году быти на государеве службе в Переславле Резанском в 1-й половине и которым в 2-й половине, а о службе ожидать государева указу» (РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.53).

⁴⁰ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.53–65.

⁴¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.50–52.

⁴² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.53–59.

⁴³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.53–54.

⁴⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.54–55.

⁴⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.55–58.

⁴⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.58.

⁴⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.58.

⁴⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.58–59.

⁴⁹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.59.

2. «Быть в другой половине»⁵⁰, в т.ч. «Новокрещены»⁵¹, «Мурзы»⁵², «Татаровя казаки»⁵³, «Новик 147-го году»⁵⁴, «Новики 148-го году»⁵⁵, «Новики 149-го году»⁵⁶, «Новики 152-го году»⁵⁷.

В конце именованного списка произведен подсчет включенных в него служилых людей. Так, согласно помете, в список занесены имена «119 ч.»⁵⁸ (согласно нашим подсчетам, в именованном списке значатся 117 «новокрещенов», мурз и татар-казакон).

Список именной «цненским мурзам и татаром» справлен подьячим Приказа Казанского дворца Т.Безсоновым⁵⁹ и скреплен дьяком Приказа Казанского дворца П.Спиридоновым⁶⁰.

В указанных выше структурных частях нижнего порядка обоих именованных списков роль перечневых подзаголовков выполняют размеры (в четях) поместных окладов служилых людей. Размеры поместных окладов, судя по спискам, составляют (в порядке уменьшения) у мурз от 700 до 95 четей, у татар-казакон – от 350 до 30 четей, у «новокрещенов» – от 350 до 70 четей (для сравнения: у выборных дворян – верхушки служилого города – от 800 до 350 четей; у дворовых детей боярских – от 450 до 200 четей; у городовых детей боярских – от 450 до 200 четей).

Именные списки свидетельствуют о том, что уездные дворяне и дети боярские, мурзы, татары и «новокрещены» служили по «половинам» (т.е. по-сменно).

Касимовские татары – мурзы и «татаровя-казакон», а также «новокрещен» – служили в составе Царева двора и Сеитова полка (о Царевом дворе и Сеитовом полке см. [4, с.329, 333; 5, с.82; 6]).

В именованном списке 1642 г. среди служилых мурз по Арзамасу выделяются «мордовские мурзы» (С.Макулов и С.Килдяев), перечень которых располагается ниже перечня мурз, но выше перечня татар-казакон. М.М. Акчурин и М.Р. Ишеев указывают, что до начала XVII в. мордовскими «от названия подвластного населения» назывались татарские князья [2, с.4], обладавшие «судебными и административными правами» и собиравшие «судебные пошлины» [3, с.76], причем, «согласно жалованным грамотам, каждая группа мордовского населения Цненско-Мокшанского региона, как правило, управлялась своей татарской княжеской династией» [3, с.80].

⁵⁰ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.60–65.

⁵¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.60.

⁵² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.60–62.

⁵³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.62–64.

⁵⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.64.

⁵⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.64.

⁵⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.64–65.

⁵⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.65.

⁵⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.65.

⁵⁹ Справа подьячего: РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.65 об.

⁶⁰ Окончание скрепы дьяка: РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.65.

Родовые прозвища (фамилии) целого ряда мурз в именных списках включают в качестве составного элемента слово «князь» (князь Чегодаев, князь Емашев, князь Канбенеев, князь Досаев, князь Семенеев, князь Ченышев, князь Аитов, князь Кучюшев, князь Вальшев, князь Шебулатов, князь Тенибеков, князь Аипов, князь Кудашев, князь Бигилдеев, князь Енаев, князь Тенишев, князь Маматкозин, князь Янголычев, князь Темирев, князь Богданов). По мнению исследователей, «если отец, или дед, или прадед являлись князьями, то в документах XVI–XVII веков их княжеский титул добавлялся при написании отчества или родового прозвища (фамилии)» [3, с.84–85], иначе говоря, «запись фамилий с приставкой “князь” означает, что родоначальники этих фамилий были князьями» [1, с.8], причем ранее «великий князь московский жаловал отдельных татар “княжением” над мордвой... При этом мурза становился князем. [Поэтому] князь – ...не титул, а должность наподобие волостеля» [5, с.74–75; см. также: 3, с.94].

Одно лицо в именных списках – в перечне арзамасских мурз списка 1642 г. – именуется князем – князь Мамеш Агинин сын Мустофин⁶¹. В новейшей монографии крайние даты упоминания его с княжеским титулом – 1615–1643 гг. [3, с.155]. К этому необходимо добавить, что в перечне арзамасских мурз значится и Акмамет мурза князь Мамешев сын Мустофин⁶², очевидно, сын князя Мамеша Мустофина. Помимо него, еще у несколько лиц – в перечне касимовских мурз Царева двора списка 1642 г. (Теребердей мурза князь Болтаев сын князь Емашев⁶³, Едигер мурза князь Тюгеев сын Тонкачов, Уруслан мурза князь Смоленов сын Тонкачов⁶⁴, Чюрнакай мурза князь Смоленов сын Болушев⁶⁵ (о Тонкачовых, Емашевых, Булушевых см. [3, с.175–177])) и в перечне цненских мурз списка 1645 г. (Урукай мурза князь Назаров сын Молкоманев⁶⁶ (о его отце см. [3, с.183])) – в отчествах имеется слово «князь». При этом родовые прозвища (фамилии) всех этих лиц, кроме одного (князь Емашева), в именных списках значатся без слова «князь». По мнению исследователей, это говорит о том, что «скорее всего, сам родоначальник фамилии... князем не был, а его детям или внукам перешел титул не от отца, а от представителей возможных параллельных родственных линий» [3, с.155]. Следует также отметить, что у записанного в перечне цненских мурз списка 1645 г. Бибая мурзы Бигилдеева сына князь Тенишева⁶⁷ в отчестве отсутствует слово «князь», тогда как его отец в документе 1613 г. упоминается как князь Бигилдей князь Тенишев [3, с.149] (можно указать и на включенного в боярские списки 1648–1656/57 гг. князя Данилу Бигилдеева сына князь Тенишева, в отчестве которого слова «князь» так же нет⁶⁸).

⁶¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.16.

⁶² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.17.

⁶³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.25.

⁶⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.26.

⁶⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.27.

⁶⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.54.

⁶⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.174. Столп.2. Л.54.

⁶⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.1106. Столп.3. Л.98; Д.233. Л.379.

Таким образом, информационный потенциал публикуемых комплексов документов чрезвычайно велик и предоставляет возможность исследовать различные вопросы истории как служилых людей в целом, так и арзамасских, касимовских и ценских служилых татар в частности, а также делопроизводственную практику центральных органов управления Московского государства XVII в.

* * *

Публикация состоит из двух разделов (по количеству публикуемых комплексов документов, состоящих каждый из памяти и списка именного), обозначаемых римскими цифрами. Заголовки документов, данные публикатором, помещаются непосредственно перед соответствующими документами и набираются курсивом.

Текст публикуется по следующим правилам. Текст передается современным русским алфавитом. Все вышедшие из употребления буквы заменяются современными. Буквенные цифры заменяются арабскими цифрами. Сокращенные слова восполняются отсутствующими буквами. Выносные буквы вносятся в строку. Правила пунктуации – современные. В тех случаях, когда после выносной согласной по современным правилам орфографии требуется мягкий знак, эта буква воспроизводится в позиции перед гласной и на конце слова. В тех случаях, когда после выносной согласной по современным правилам орфографии (в позиции перед гласной) требуется твердый знак, эта буква воспроизводится. Твердый знак между согласными и на конце слов не воспроизводится. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Повреждение текста обозначается угловыми скобками. Ошибки писца в тексте не исправляются, а оговариваются в примечании. Номер листа единицы хранения указывается в квадратных скобках. Указания на скрепу дьяка, помету даются в тексте в квадратных скобках.

Текст:

I

1642 г., апреля 24. – Память из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ о посылке именного списка «алаторцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алаторским же, и арзамасским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, которым с весны быть на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестям к Москве в другой половине»

[Л.2] Лета 7150-го апреля в 24 день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси указу память дьяком думному Ивану Гавреневу, да Григорью Ларионо<ву>, да Пятому Спиридонову в Приказ Казанского дворца к боярину ко князю Борису Михайловичю Лыкову да к дьяком к Федору Панову⁶⁹

⁶⁹ Панов Федор Васильев сын (ум. 1641/42) – в 1633 г. дьяк Приказа Казанского дворца [9, с.422]. Наличие его скрепы в памяти и именном списке говорит о том, что он был дьяком Приказа Казанского дворца по крайней мере до конца апреля 1642 г. и умер не ранее конца апреля 1642 г.

да к Сергею Матвееву⁷⁰. В памяти за твоею, Григорь- // [Л.3] -ев<ою, п>риписью⁷¹ написано. Которых мещерских городов дворяном, и детем боярским, и новокрещеном, и мурзам, и татаром нынешнего лета на государеве службе быть с весны и которым быть по вестям к Москве в другой половине, и тех всех списки велети б прислать в Розряд к вам, дьяком, к думному к Ивану Гавреневу да к Григорью Ларионову, за дьячьёю приписью. И по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу // [Л.4] дьяком думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову да Пятому Спиридонову алатарцом, курмышеном дворяном и детем боярским и алатарским же, и курмышским, и мещерских городов, касимовским, темниковским, кадомским, арзамаским новокрещеном, и князем, и мурзам, и татаром, которым в нынешнем, во 150-м, году с весны быть на государеве службе в первой половине и которым быть к Москве в другой половине, имянные списки посланы к вам в Розряд под сею памятью за дьячьёю приписью. [Скрепа дьяка] Федор Панов. //

[Л.2 об.]

150-го апреля в 25 день Казанского приказу⁷² подьячим с Михайлом <...>вым*.

⁷³Наряд алатарцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алатарским, и арзамаским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го⁷⁴ году, прислан ис Казанского дворца, да ценских мурз и татар 153-го году*.

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Ед. хр.174. Столп.5. Л.2–4.

1642 г., около (не позднее) апреля 24. – Список именной «алатарцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алатарским же, и арзамаским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, которым с весны быть на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестям к Москве в другой половине»

[Л.5]

Список именной алатарцом и курмышаном дворяном и детем боярским, и алатарским же, и арзамаским, и касимовским, и темниковским, и кадомским князем, и мурзам, и татаром 150-го году, которым быть на государеве службе в первой и в другой половинех //

[Л.6]

Алатарь. Дворяне и дети боярские быть в первой половине в Переславле Резанском

⁷⁰ Матвеев Сергей – в 1636/37–9.11.1640 г. дьяк Приказа Казанского дворца; с мая 1642 г. в посольстве в Персию [7, с.324]. Поскольку он указан в памяти как дьяк Приказа Казанского дворца, был дьяком этого приказа по крайней мере до конца апреля 1642 г.

⁷¹ Нижний край л.2 и верхний край л.3 неровно оторваны, часть текста утрачена. В слове «Григорьев<ою>» буква «-о-» на л.3. В слове «<п>риписью» выносная буква «-с-» на л.2.

⁷² * Чтение предположительное, так как написано на разрыве л.2 и л.3.

⁷³ * Более поздняя приписка почерком второй половины XVII в.

⁷⁴ После буквенной цифры «50» замазана чернилами еще одна цифра и зачеркнуты слова «и 154-го».

Выбор, денги из чети
800 четьи
Ортемей Богданов сын Огибалов
650 чети //
[Л.7]
По 400 четьи
Микита Григорьев сын Левашов
Иван Федоров сын Милославской
Данило Михайлов сын Ахматов
Матвей Иванов сын Мертвой
По 350 четьи
Обида Григорьев сын Нестеров
Сувор Никитин сын Назарьев
Иван Баженов сын Топорнин
Дворовые, денги из чети
По 450 чети
Максим Олексеев сын Опраксин
Аким Григорьев сын Сумороков
Ондрей Олександров сын Зимнинской
Денги з городом
По 350 четьи
Лаврентей Иванов сын Зенин⁷⁵ //
[Л.8] Иван Елисеев сын Брюхов
Василей Юрьев сын Зимнинской
Исай Второв сын Языков
Олександр Осипов сын Ермолов
Петр Семенов сын Ульянин
Богдан Волокитин сын Нестеров
По 300 четьи
Иван Нагаев сын Зимнинской
Борис Романов сын Ермолов
По 250 четьи
Михей Павлов сын Суботин
Григорей Иванов сын Котов
Василей Игнатъев сын Топорнин
Осан Нехорошево сын Зубарев
200 четьи
Сала Евсевьев сын Анненков
Городовые, денги из чети
450 четьи
Бажен Игнатъев сын Топорнин //
[Л.9]
По 300 четьи
Ортемей Савин сын Бардин
Микита Федоров сын Скрябин
Федор Стахийев сын Связев
Богдан Михайлов сын Мошанов

⁷⁵ Фамилия «Зенин» по замытому.

Бажен Третьяков сын Сурин
По 250 четьи
Василей Иванов сын Синебрюхов
Панкрат Савельев сын Бардин
Юмшан Обрамов сын Пасмуров
Григорей Гарасимов сын Бадрин. Служит станичную службу
Семен Иванов сын Захарьин
200 четьи

Богдан Григорьев сын Фокин
Денги з городом
По 350 четьи

Ондрей Степанов сын Бекетов //
[Л.10] Семен Михайлов сын Ильин
Михайло Григорьев сын Вихляев
Григорей Омелянов сын Оленин
Богдан Баженов сын Конанов
Василей Степанов сын Загарин
Данило Омелянов сын Оленин
Дмитрей Иванов сын Стяшкин
Михайло Тимофеев сын Бритвин
Федор Алексеев сын Коровин
Семен Казаринов сын Нефедьев
Ондрей Пятово сын Романов
Степан Кузмин сын Кобылкин
Кузма Иванов сын Ростопчин
Перфирей Тимофеев сын Поликарпов
Кирило Еремеев сын Башаркин
Купреян Онофреев сын Романов
Василей Осипов сын Ховрин
Ондрей Тимофеев сын Поликарпов
Ондрей Давыдов сын Лысцов
По 300 четьи //

[Л.11] Сила Костянтинов сын Степанов

Иван Гаврилов сын Сумороков

Василей Иванов сын Ульянин

Дмитрей Антипьев сын Насакин. А в ево место велено служить сыну ево

Ивану

Иван Баженов Ананьин⁷⁶

Сила Павлов сын Степанов

Григорей Павлов сын Суботин

Костянтин Алексеев сын Ворышаев

Иван Микитин сын Назарьев

Микита Степанов сын Оксентьев

Василей Баженов сын Онаньин

Увар Меншово сын Остафьев

Павлин Нехорошево сын Зубарев

По 250 четьи

⁷⁶ Так в ркп.

Федор Иванов сын Смолков
Третьяк Дмитриев сын Ананьин
Иван Ратманов сын Скрыпин
Любим Нехорошево сын Зубарев
Петр Пятово сын Аристов //
[Л.12] Савелей Олфимов сын Окулов
Степан Иванов сын Мантуров
Михайло Юрьев сын Зимнинской
Дмитрей Богданов сын Лихутин
Любим Самсонов сын Акинин
Микифор Рохманинов сын Конанов
Богдан Григорьев сын Ляхов
Баим Дивеев сын Теренин
Иван Клементьев сын Боранов
Иев Дмитриев сын Саврасов
Назим Володимеров сын Топорнин
Иван Дмитриев сын Пасмуров
Юмшан Иванов сын Рыбушкин //

РГАДА. Ф.210. Он.9. Ед. хр.174. Столн.5. Л.5–12.

[Л.13]
Новики 150-го году
350 четьи
Ондрей Куроедов
300 четьи
Степан Данилов сын Ахматов
По 250 четьи
Любим Дмитриев сын Порецкой
Кирило Иванов сын Чириков //
[Л.14] Измайло Григорьев сын Сумороков
Семен Иванов сын Ульянин
Иван Степанов //
[Л.15]
Алатарь
Быть в другой половине к Москве
Выбор
По 600 четьи
Парфеней Ларионов сын Сойманов
Ондрейя Микитин сын Опраксин
550 четьи
Иван Васильев сын Кривской
По 500 четьи
Степан Трофимов сын Ермолов
Василей Назимов сын Опраксин
Костянтин Богданов сын Монакев
По 450 четьи
Офонасей Федоров сын Ощерин
Ондрей Оксентьев сын Борисов //

[Л.16]

Быти в другой половине к Москве

Арзамаские мурзы и татаровя

700 четьи

Невер мурза Нулаев сын князь Чегодаев. В ево место сын Борис

650 четьи

Князь Мамеш Агинин сын Мустофин

По 500 четьи

Янгоза мурза Ботюков сын Мустофин

Еникей мурза Улибеков сын Мустофин

Енбай мурза Ченбулатов сын Мустофин

По 400 четьи

Янбай мурза Коклушев сын князь Чегодаев

Мамеш мурза Енебяков сын князь Чегодаев

По 350 четьи

Избьяк мурза Коклушев сын князь Чегодаев

Давыд мурза Смольянов сын Мусто- //

[Л.17] фин

По 300 четьи

Янбулат Богданов

Тениш мурза Иванов сын Мустофин

Алмакай мурза Азаматов сын Мустофин

Етмаш мурза Иванов сын Мустофин

Акмаш мурза Неверов сын Мустофин

Тохтар мурза Улубеков сын Мустофин

Бегиш мурза Бикбаев сын Мустофин

Амирбахтей мурза Алтышев сын князь Чегодаев

Акмамет мурза князь Мамешев сын Мустофин

Култай мурза Енгилдеев сын Мустофин

Сувунчалеи мурза Семенов сын князь Чегодаев

Уразмамет мурза Богданов сын Мустофин

Араслан мурза Ишеев сын Мустофин

Аслакай мурза Ишеев сын Мустофин //

[Л.18]

По 250 четьи

Аюкай мурза Балушев сын Мустофин

Ишмамет мурза Чапкунов сын Мангушев

200 четьи

Девлеткилдей мурза Ивакаев сын князь Чегодаев

По 150 четьи

Чапкун мурза Борняков

Розгилдей Бигилдеев

Молкай мурза Индеев

Семеняй мурза Велдюшев

100 четьи

Яндалей Янгилдеев

Мордовские мурзы

200 четьи

Сатуш мурза Макулов

150 четъи
Семен мурза Килдяев
Татаровя казаки
350 четъи //
[Л.19] Ченбулат Капкунаев
270 четъи
Айгилдейко Бахтеяров
По 200 четъи
Янтуда Янгилдеев
Карамыш Байгилдеев
Ишелей Девлеткилдеев. В ево место сын ево Невер
Янбък Яникеев
Ахмамет Иванов
Крым Черкасов. В ево место сын Чапкун
Бибулат Алтышев
Ижбулат Розгозин
Янбулат Сюнчалеев
Денис Булгаков
Баик Бахтыев
Чапай Енбахтыев
Еженгид Енболдин //
[Л.20] Токбулат Сабурзин
По 170 четъи
Коробай Терегулов. В ево место брат ево Жданко Терегулов
Шарбай Баишев
Невер Янышев
Бекбулат Болакаев
Уразлей Бигилдеев
Чапкун Чюрашев
Борис Бекбулатов
Енманай Семаев
Еникей Богданов
Евгастей Черевчеев
Емакай Ижбулатов
Енмамет Семенов сын Тозаев
По 150 четъи
Акмамет Семаков
Байзигит Ногаев
Кудайберда Семенов
Окманай Богданов
Ченбулат Малаев
Алыш Ижбулатов. В ево место брат Амакай
Уразлей Янгилдеев. В ево место сын ево Байбактей
Тебиш Окбулатов //
[Л.21] Черкас Тобуков
Юмакай Янбулатов
Чернаш Чермонтаев
Алыш Тигинеев
По 100 четъи

Елдаш Ишеев
Енбулат Ирзеев
Бейчеит Бексеитов
Итклиней Исаков
Свиналей Утяшев
Келмамет Ишмаметев
Уразмамет Ишеев
Енглиган Чекашев сын Чюрубашев
80 четьи
Окмаш Айбулатов
Татаровя ж бес поместных окладов служат за себя,
а иные вместо отцов своих и дядей
Алыш Ижбулатов
Болокай Богданов
Окмамет Семаков сын Кутляров
Ерлыганко Банеев
Биликей Дмитриев //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Ед. хр.174. Столп.2. Л.13–21.

[Л.22] Бигишка мурза Бекеев сын Мустофин

Чюраш Розгилдеев
Акмамет Акманаев
Айгилдей Байтереков
Нетайко Бичиняев
Ишмачко Окаев
Окбулат Токаев
Делейко Акбулатов
Алмаш Уразов
Симаш Агулов
Фома Сенюков сын Ураков
Ишмай Еумашев
Кунюкайко Айков
Сююндюк Тегенеев
Янбулатко Дикеев
Окмаметко Ишеев
Бажен мурза Аргудинов
Новики 147-го году
300 четьи
Ишмамет мурза Кучкаев сын князь Чегодаев
По 170 четьи
Култайко Семенов сын Тозаев
Тумайко Цынаев сын Коцкаров //

[Л.23]

100 четьи
Тохтарко Байбулатов
Новики 149-го году
Мурзы
300 четьи
Шигалей мурза Богданов сын Мустофин

Татаровя
По 170 четьи
Толубайко Тобаев
Жданко Терегулов
Тинтайко Черкасов
Ишмайко Чюрашев
Нечайко Неверов
Ишмайко Ишелеев
По 100 четьи
Янымайко Досаев
Девлеткилдейко Янголычев
Шалимко Бобаев //
[Л.24] Резяпко Чикаев
Окчюрка Ахмамметев
Иткиня Ахмамметев
Айбулатко Упаев
По 80 четьи
Ишмайко Бекбулатов
Ишейко Янышов
Кулмайко Уразаев
Уразайко Окбулатов
Крымко Девлетбахтеев. //
[Л.24 об.]
[Часть скрепы дьяка Федора Панова] -дор
Справил подьячей Максимко Козлов⁷⁷. //

РГАДА. Ф.210. Он.9. Ед. хр.174. Столн.4. Л.22–24.

[Л.25]
Касимов же, быть в другой половине
Царев двор
Мурзы
600 четьи
Бердикей мурза Бухтазаров сын Карамышев
По 300 четьи
Бажен мурза Ногайбеков
Теребердей мурза князь Болтаев сын князь Емашев //
[Л.26] Едигер мурза князь Тюгеев сын Тонкачов
Уруслан мурза князь Смоленов сын Тонкачов
Зенбулат мурза Ебнодалов сын Ембаев
Мирон мурза Теребердеев сын Тенибеков
По 250 четьи
Ишей мурза Кантулушев⁷⁸сын* князь Канбенеев
Алей мурза князь Досаев
240 четьи
Тенебек мурза Семинеев
По 200 четьи

⁷⁷ Козлов Максим – в 1642 г. подьячий Приказа Казанского дворца [9, с.271].

⁷⁸ * Приписано над строкой.

Сисиндюк мурза Бибашев
Ишмамет мурза Салтанаев сын Тикеев //
[Л.27] Араслан мурза Айдаров сын Монкутов
Алей мурза Енмаметев сын Кикичев
Сюней мурза князь Семенеев
Чюрнакай мурза князь Смоленов сын Болушев
Камкей мурза князь Емашев
Еналей мурза Канчюрин
Уразлей мурза Бибишев сын Девдеткилдеев⁷⁹
170 четьи
Бораш мурза Бибишев
По 150 четьи
Ишмокай мурза Поlyingанов
Тимошка мурза князь Ченьшев
Олмамет мурза Енмаметев сын Кикичев
Тинмамет мурза Тенибеков
Бекбулат мурза Дербышев сын Ногаев
Бекбулат мурза Тентюганов
140 четьи
Момоделей мурза Кучюгелдеев
120 четьи
Асаналей мурза Сюнчалеев //
[Л.28]
По 100 четьи
Емай мурза князь Ченьшев
Алыш мурза Канбулушев
Ишей мурза Девлеткилдеев сын Момаев
Богдан мурза Тонакмышев сын Безергенев
Татаровя казаки
По 220 четьи
Едигер Богданов сын Мансырев
Ендай Федоров
200 четьи
Досай Мамышев
По 180 четьи
Ишей Кадрекоев сын Байманатов
Тюгей Кармашев
По 170 четьи
Борамалей Салкаев сын Азимов
Байбулат Мурзин сын Бакешев
Акмамет Келдишев Келмаметев сын Алтугулов
Уразмамет Большев
Кутлуяр Минеев сын Албулатов //
[Л.29] Офонка Имилдешмаметев сын Алышев
160 четьи
Булай Енбулатов
По 150 четьи

⁷⁹ Так в ркп.

Сиюшь Янгозин
Уразмамет Уразгилдеев
Есаул Алтабай Янгилдеев
Сюналей Акзигитов сын Зелгитов⁸⁰
Баубек Досаев сын Тюгеев
⁸¹Девликей Сюналеев сын Тюгеев^{-*}
По 130 четъи
Ишбулат Кудашев
Бажен Акзигитов
110 четъи
Канчюра Топеев
По 100 четъи
Янда Янов
Ишпулат Девлетсупов
Исей Урусаев
Алибек Мамкаев
Ондеяр Бурнашев
Ишмокай Куликеев Индрычев⁸²
Амиркей Ногаев
Баубек Токонаев сын Момаев //
[Л.30] Урозай Колеев
Алмамет Тюгеев
Ивашко Немичев
Сюнчалеи Алибьяк Янсореев⁸³
Баубек Алибеков сын Мансырев
Сиюшь Сюнчалеев сын Берекетов
Янголыч Баубеков сын Чемокаев
Сюняй Кангилдеев сын Некаев
90 четъи
Тохтаган Тохтамышев
По 80 четъи
Бавкей Анисимов
Бекбулат Енгушев
Баубек Тебешев
Баубек Имелдештонкозин сын Токаев
Чекай Ишеев сын Байчюрин
Кудайбердей Саркеев сын Болтаев
Ишей Байчюрин сын Бекбулатов
Алибек Карамышев сын Бичюрин
Алей Девлетев сын Россупин //
[Л.31] Бурнашь Минеев сын Бибулатов
Тенибек Карамышев сын Бичюрин
Досайко Дерекков сын Байманаков

⁸⁰ Четвертая буква читается предположительно, так как на ней чернильное пятно (может быть, исправление).

^{81*} Приписано между строк.

⁸² Так в ркп.

⁸³ Так в ркп.

Досай Сюдабазин сын Синсиндюков⁸⁴
Ченмет Топаев сын Мамышев
Тохтар Чапаев сын Аксеитов
Бокай Четаев сын Тобаев
Едигер Титкеев сын Теников
Емак Емикеев сын Девликеев
Булай Акмашев
Досай Алышев //
[Л.32]
По 70 четьи
Сююндюк Урусаев
Брунчюк Брунсов
Акмакай Байбулашев сын Тонземахов
Кулушай Кутушев сын Сардевлетев
Сюняй Ижбулатов сын Кимикеев
По 60 четьи
Худунай Кутушев
Урозай Девлеткилдеев
Емекай Тюгеев сын Бекбулатов
Тлевлей Борисов Салеев⁸⁵
Тонокай Сюнчалеев сын Байкашов
По 50 четьи
Ишей Ижболдин
Тохтар Адашев
Теребердей Айчиков
Барамалей Бичюрин сын Байчюрин //
[Л.33] Барамалей Сараев сын Билдиков
По 40 четьи
Бигилда Дельшев
Исенай Айдаров
По 30 четьи
Имнебик Алибеков сын Аликеев
Сияндюк Ахбулатов сын Каликеев
Сеитов полк
250 четьи
новокрещон Ивашко Григорьев
По 300 четьи
Ишмамат мурза Урусланов сын князь Аитов
Исак мурза Сарюков сын князь Кучюшев
Чюрай мурза Сискитеев
Ишей мурза Алымов //
[Л.34]
По 250 четьи
Мамеш мурза Девликеев сын Сакаев
Зенгилдей мурза Биговатов
По 200 четьи

⁸⁴ Так в ркп.

⁸⁵ Так в ркп.

Араслан мурза князь Вальшев
Урозай⁸⁶ мурза Янгилдеев
100 четъи
Досай Кутлубулатов
Татаровя казаки
По 200 четъи
Баиш Кошаев
Ахмамет Немичев
Ишкой Бикеев
Токай Кутлусуятов
Чюрюкей Девлеткилдеев
Иван Сарыков
Булат Семенов
Тенсей Библаев
Текей Савостьянов
Чапкун Тикеев
Сунчалей Тобеев
Немкей Енакаев
Уракай Тонаев //
[Л.35] Девлеткилдей Ижбулатов
Тюлекей Тинякеев
Кошкол Тимофеев
Сапар Телишев
Токтоган Маитов
Исентюгей Татпешев
Кутломамет Чювашев
Алей Балбеков
Девлекей Сатышев
Сисиняй Синчуков Орсаев⁸⁷
Зимомет Октикеев
Бектемир Булатаев //
[Л.36] Курмашь Бигилдеев
Ишкой Ехтулунов
Чикай Бекбулатов
Замыкай Ишкеев
Исай Токонаев
Тубулай Бигизин
Тунбай Тонайгов
Бажен Мамтеев
Сюналей Айтыков
Акмамет Сатышев
Жемакай Мансырев
Биримелей Темишев
Чюрай Жемокаев
Итей Янсуюшев
Булай Бурундуков

⁸⁶ Буква «-о-» исправлена из буквы «-у-».

⁸⁷ Так в ркп.

Канчюра Кангилдеев
Сюнакай Яндурин
Ишей Тенгилдеев сын Тулушев
По 170 четьи
Биникай Исминеев ⁸⁸сын* Ясаулов
Невер Кутлусатов сын Багачиков //
[Л.37] Енебяк Шелеев сын Енбулатов
Алышай Теребердеев сын Бавкеев
Невер Теребердеев сын Байкеев
160 четьи
Тонокай Муралеев
По 150 четьи
Емак Араков
Немкей Янсарыев
Терегул Теребердеев
Зиликей Билдикеев
Девлесуп Итбурин
Топтай Енгулов
Демокай Урокаев
Девлеткилдей Янсупин
140 четьи
Зенолей Булаев
130 четьи
Момин Тоников
120 четьи
Енотай Енгитов
115 четьи
Ченбулат Енбулатов
110 четьи
Монкай Утешев //
[Л.38]
По 100 четьи
Сюнчелей Кокшелдин сын Ижболдеев
Ногайбек Кангилдеев сын Бораев
Сеняй Янгозин сын Булеков
Семен Иванов сын Молаев
Девлеткилдей Сариков сын Яндаев
Досай Немичев ⁸⁹сын* Утешев
Яншай Иванов сын Темичев
Семейка Янгорызов сын Болтин
Кадралей Косаев сын Карамышев
Боубек Деушев
Теребердей Бигилдеев
Урозай Исминеев
Тюмей Муралеев
Бигилда Тонгилдеев

⁸⁸ * Приписано над строкой.

⁸⁹ * Приписано над строкой.

Арлыгай Сюдогозин
Бурнай Бичюрин сын Исенчюрин
Сиюшь Баишев
Зенибек мурза Кангулов
Алмокай Ишкеев
Досай мурза Ишмаматов
Бажен Ишкеев
Олмокай Салтанаев
Ченбек Енсеиков сын Чендисов
Алибек Карамышев
Баубек Ногаев
Бигилдей Булечев //
[Л.39] Ишмак Акшеев
Токай Болгачев
Сиюш Тербердеев
Кунай Бишев
Тулуш Исаев
Тансаря Новаев
Урозай Бекбулатов
Еналей Булкаев
Борай Енгилдеев
Бекзяк Бурнаев
Белекайка Борамолеев сын Чермаев
По 90 четьи
Байсуба Янбулатов
Ишелей Ишкеев
Янгилдя Бигилдеев
Тулай Ишеев
Енолей Токеев сын Девлеткилдеев
Смолен Норолеев сын Девлечаров
Кунтук Боранчаков
По 80 четьи
Бурнашь Сиюшев
Бикей Емашев сын Динишев
Боубек Тенибеков
Тенибек Янсупин //
[Л.40] Курмашь Явкинеев
Урозай Бичюрин
Бекбулат Коккозин
Тойзя Толубаев сын Собаков
Ишмак Янчюрин сын Асанов
Токай Едигеров сын Субушев
Токай Байчюрин сын Янчюрин
Курмашь Тоболаев сын Янсупин
Ишлонда Бигилдиков сын Басорин
Ишей Байбозаров сын⁹⁰ //

⁹⁰ Так в ркп.

[Л.41] Зенибек Бирашев
Ишей Темеев
Ангилда Анбудин
Ишбулат Беконаев
Ефар Токтоганов
Чюрай Мартинов
Досай Кингилдеев сын Сюютов
Еналей Енгилдеев сын Уракаев
Янибек Емашев сын Утешев
Собай Туушев сын Девлеткирдеев⁹¹
Килиш Немичев сын Утешев
Чюрай Байчюрин сын Таников
Янмамат Кутлубулатов сын Бикеев
Баиш Янгосырев сын Девлеткозин
Кураш Янгелдеев сын Тотуков
Алшай Немишев сын Иткеев
Байсаркса Собакаев
Солтонай Кочюраев //

[Л.42]
По 70 четьи
Ишкей Токонаев сын Исеев
Солтонай Малгозин сын Мансырев
Барамoley Булучеев сын Чоптаев
Ишей Бурнашев сын Бузаев
Ишмамат Девлеткозин сын Исеев
Епарх Кошаев сын Тогданов
Утекей Кутляров сын Келдяров
Байгилдя Кудабактеев
По 60 четьи
Ишмокай Авкинеев
Дербьш Мартузин
Булотай Булаев
Баиш Болтогилдеев сын Бахтишев
Окошай Токаев
Акмомет Ишкеев
Айгилда Кобяков сын Токеев
Тойлак Курмометев
Аликай Зимометев
Ишгелдей Летеев
Алмокай Иванов сын Елакаев
Чернай Чепокаев сын Арзюманов
Ченгур Теникеев сын Дивеев
Сюняк Тереев сын Елзеитов
Сарикей Канчюрин сын Козебяков
Куней Бишев сын Аткеев //

[Л.43] Чюрай Худаев сын Булатов
Байгилда Баишев

⁹¹ Так в ркп.

По 50 четьи
Ишай Сунчалеев
Итбурия Трушаев
Бекбулат Девлекеев
Семен Янокаев сын Кенебеков
Чеммомет Енокаев сын Янбулатов
Ишмамет Янгелдеев сын Тогушев
Девлетъелей Канкеев
Бокай Девлекеев
Тотар Тобеев
Ишкелей Ангелдеев
Ишай Бичюрин сын Янчюрин
Барамoley Емакеев сын Исенчюрин
Исенгилдей Череев сын Енбулатов
Чавгур Байбулатов сын Байкеев
Баубек Иванаев сын Тотаров
Урозай Ижбулатов сын Чюрин
Бурнай Исенеев сын Топаев
Кенгелдя Будин сын Девлесупов
Ченакта Иванов сын Охмаев
Сенолей Туушев сын Девликеев
По 40 четьи
Токай Токкозин
Ишмамет Байчюрин //
[Л.44] Ямакай Уразаев
По 30 четьи
Теребердей Анговатов
Бекбулат Акбулатов сын Токкозин
Ишмак Альшев сын Кучюшев
Кутлубулай Тохтаров сын Янсупов
Байчик Девлеткилдеев сын Кирьичин
Амыш Конюшев сын Тогомаев
Балбек Сунчалеев сын Байчюрин
Бигилдей Бидиков сын Ижбулатов
Кунтуш мурза Теребердеев сын Исманчюков
Ишмак Акзитов сын Тобычев
Емейко Байбурун сын Тингилдеев
Сиюш Бекбулатов сын Отеков
Новики по 170 четьи
Румонайко Урозаев
Неверко Байбулатов
50 четьи
Семешко Енокаев
Служат с отцовских поместей
Ногайко Булатов
Аюкай Емелдяш Курмашев⁹²
Новики 149-го году

⁹² Так в ркп.

Мурзы
По 350 четьи //
[Л.45] Аюкай мурза Шеимов сын Игибердеев
Ишмамет мурза Досанаев сын Тонкачев
По 300 четьи
Уразмомет мурза Байбулатов сын князь Шебулатов
Едигер мурза Кикичев
По 250 четьи
Алмамет мурза Бекбулаев
Арослан мурза Лотышев сын⁹³
Досай мурза Канчюрин сын Девлечерев
Кутуш мурза Теребердеев сын князь Тенибеков
По 200 четьи
Енбулай мурза Ишеев сын⁹⁴
Бурнаш мурза Алибеков
Чинбулай мурза Бенакаев Кутлубулаев⁹⁵
Арсай мурза Исаев сын Кутлубулаев
Алиш мурза Уросланов сын князь Аипов
Сафер мурза Сынчалеев сын Тиников
Татаровя //
[Л.46]
По 170 четьи
Занебечко Даиков
Итемгейко Енбулаев
Бибайко Ивашкин сын Мансырев
Кучюкайко Имелдеш Ишмакаев сын Алышев⁹⁶
Акмаметко Булакаев Девлечаров⁹⁷
Ямайко Ишекеев сын Ажимчин
Сунчалейко Мангозин сын Мансырев
Темейко Ишпулатов сын Кудашев
Мамешко Байбулатов
Енбулайко Янбулаев
Алмокайко Олтабаев сын Ногаев
Уразмомет Имелдишко Енебеков сын Имелдешев⁹⁸
Емачко Тонокаев сын Девеев
По 100 четьи
Тугейко Бурнаев сын Бичюрин
Исменейко Семeneев сын Малцов
Баймакайко Ишкеев сын Девлечаров //
[Л.47] Мордашкайко Куликеев сын Ардачеев
Кангилдка Булелеков
Ишмачко Акзигитов сын Тобычев

⁹³ Так в ркп.

⁹⁴ Так в ркп.

⁹⁵ Так в ркп.

⁹⁶ Так в ркп.

⁹⁷ Так в ркп.

⁹⁸ Так в ркп.

Байметко Ахмометев сын Тобычев
Макайко Ишкеев сын Девлечаров
Ивашко Сююнев сын Кармышев
Сюндючка Исаев
Баубечко Мамичев
Енебечко Урозаев
Альшко Кошаев
Тонатарко Тенибеков
Балбечко Сунчалеев Байчюрин⁹⁹
Барамолейко Борисов Янгодырев¹⁰⁰
Кутлубулатко Борисов сын Енгорьев
Токбулайко Чикеев сын Бактигилдеев
По 80 четьи
Тиняйко Беккузин сын Бекбулатов
Алмокайко Уразгилдеев //
[Л.48] Иткурка Чюрекеев
Батрачко Ишкеев сын Денейдаров
Арокайко Байчюрин
Еначко Емакаев сын Серкеев
Урозайко Баубеков Емиев¹⁰¹
70 четьи
Бектемирко Токбулатов
По 50 четьи
Баубечко Арокаев сын Янгилдин
Бурнашко Досаев сын Утешев
Янбечко Тиникеев сын Тяникова
Енатайко Замокаев
Тюррейка Кутушев
Офонко Смаилов
По 30 четьи
Ижболдайко Ондреев
Девлеткилдейко Канчюрин
Сунчалейко Тербердеев сын¹⁰²
Досайко Ишмаков
Ишкудня Кудайбердеев //
[Л.49] Бектемирко Токбулатов
Емайко Байбурин сын Тингилдеев
Тарбердейко Танатмышев
Исайко Иванов сын Байчюрин
Тенибечко Тлешев сын Агараков¹⁰³
Бурнайко Килмамметев сын Кутнаев
Баубечко Кулусатов
Сунчалейко Ишмаев сын Янгозы¹⁰⁴

⁹⁹ Так в ркп.

¹⁰⁰ Так в ркп.

¹⁰¹ Так в ркп.

¹⁰² Так в ркп.

¹⁰³ Так в ркп.

Темаметко Акеев сын¹⁰⁵
Айдарко Сюндюков сын¹⁰⁶
Карабашилко Ишкеев. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Ед. хр.174. Столп.2. Л.25–49.

II

1645 г., мая 9. – Память из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ о посылке именного списка «ценским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году быть с весны на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестем в другой половине, а о службе ожидать государева указу»

[Л.50] Лета 7153-го мая в 9 день по государеву <...>¹⁰⁷ и великого князя Михайла // [Л.51] Федоровича всеа Русии указу память думным дьяком Ивану Гавреневу да Михайлу Волошенинову да дьяку Григорью Ларивонову в Приказ Казанского дворца к боярину ко князю Никите Ивановичю Одоевскому да к диоком, к Микифору Шипулину¹⁰⁸ да к Пятому Спиридонову¹⁰⁹. В памяти за твоею, Григорьевою, приписью написано. Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал ценским князем, и мурзам, и татаром нынешняго лета быти на своей, государеве, службе в Переславле Резанском, и тем ценским князем, и мурзам, и татаром, которым быть на государеве службе с весны и которым быть по вестем в другой половине, в сем списку велети б прислать в Розряд к вам, думным дьяком, к Ивану Гавреневу да к Михайлу Волошенинову, да к диоку к Григорью Ларивонову за дьячьёю приписью. И ценским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году с весны быть // [Л.52] на государеве службе и которым быть по вестем в другой половине, ис Приказа Казанского дворца именные списки посланы к вам в Розряд, к думным дьяком, к Ивану Гавреневу да к Михайлу Волошенинову, да к диоку к Григорью Ларивонову за дьячьёю приписью Казанского дворца с подьячим с Полуехтом Варахеиным¹¹⁰. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Ед. хр.174. Столп.2. Л.50–52.

1645 г., около (не позднее) мая 9. – Список именной «ценским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году быть с весны на государеве службе в Переславле Резанском в первой половине и которым быть по вестем в другой половине, а о службе ожидать государева указу»

¹⁰⁴ Так в ркп.

¹⁰⁵ Так в ркп.

¹⁰⁶ Так в ркп.

¹⁰⁷ Лист оборван, текст утрачен.

¹⁰⁸ Шипулин Никифор – с 11.02.1644 по 21.05.1645 г. дьяк Приказа Казанского дворца [7, с.582].

¹⁰⁹ Спиридонов Пятой – в 1639/40, 1645 гг. дьяк Приказа Казанского дворца [9, с.530].

¹¹⁰ Варахеин Полуехт – в 1643–1670 гг. подьячий Приказа Казанского дворца [9, с.97].

[Л.53]

Список ценским мурзам и татаром, которым в нынешнем, во 153-м, году быти на государеве службе в Переславле Рязанском в 1-й половине и которым в 2-й половине, а о службе ожидать государева указу

Быть в первой половине

Новокрещены

350 четьи

Михайло Кашаев сын Ернеев

300 четьи

Степан Дасаев сын Мамказина

170 четьи

Степан Мамышев

100 четьи //

[Л.54] Ивашко Терентьев

Мурзы

400 чети

Розмамет мурза Чепаев сын князь Кудашев

380 четьи

Ишмамет мурза Исинеев сын князь Бигилдеев

315 четьи

Алмакай мурза Тохтаров сын князь Енаев

По 300 четьи

Шегоптар мурза Безсонов сын князь Тенишев

Бибай мурза Бигилдеев сын князь Тенишев

Сюнчалей мурза Бурнашев сын Мималаев

Килмомет мурза Ишеев сын Янбулатов

Тахтар мурза Мамоказин

Урукай мурза князь Назаров сын Молкоманев //

[Л.55] Бигилдей мурза Янгилдеев сын Купаев

230 четьи

Ураз мурза Неверов сын Тенсюпин

По 200 четьи

Теребердей мурза Алпаев

Богдан мурза князь Бигилдеев

Алмакай мурза Васильев сын Безедина

160 четьи

Булуш мурза Алышев сын Барашев

150 четьи

Ишей мурза Кудашев сын Беркутов

100 чети

Еналей мурза Енгилдеев

Татаровя казаки

По 200 четьи //

[Л.56] Михал Чекаев

Ахмамет Тлевлеев

По 170 четьи

Кутлубулат Енбилаев

Бибарс Бурнашев сын Чекаев

Бибай Булатов сын Девлекеев

Алмакай Канбаров
Кутлубулат Калин
160 четьи
Досай Тлевлеев
По 100 четьи
Байгилдя Васильев
Акбулат Богданов сын Мивенев
По 80 четьи
Уразлей Богданов
Ногай Семенешев сын Тинчюрин
Килмамет Килдишев //
[Л.57] Енговатко Ерлыганов сын Кокеев
По 70 четьи
Байсура Беляев
Килмамет Бекбулатов
Исангилдя Бокаев
По 60 четьи
Килмамет Разсюпин
Утей Алягузов
Тойбулат Калмаков
Мамет Курбатов
Токай Тенишев
Баик Ильин
Досай Бекбулатов
По 50 четьи
Емикей Кутлубулатов
Емячко Торлаков
30 четьи //
[Л.58] Бориско Енбулатов
Новики 139-го году
250 четьи
Урмаш мурза Каирев сын Манглушев
170 четьи
Ижбулат Бекбулатов
60 четьи
Тохтар Енговатов
Новики 151-го году
По 170 чети
Досайко Байбирин
Янгилдка Досаев
По 100 четьи
Кивайко Избяков
Утяшко Иванов сын Козуков
Новики 152-го году //
[Л.59]
Татаровя
170 четьи
Тахтарко Ишмамиев
100 четьи

Уразмаметко Уразлеев
Новики 153-го году
250 четъи
Чепкун мурза князь Маматкозин
Татарин
170 четъи
Окбулатко Козелеев //
[Л.60]
Быть в другой половине
Новокрещены
270 четъи
Антипа Саркеев сын Байсупин
110 четъи
Федор Кудеяров сын¹¹¹
70 четъи
Богдашко Кирдянин
Мурзы
По 400 четъи
Капкун мурза Чапаев сын князь Кудашев
Кулмамет мурза Енбарсов сын князь Тенишев //
[Л.61]
350 четъи
Федот мурза Бердишев
По 300 четъи
Алмакай мурза Емикеев сын Тюменев
Алмакай мурза князь Янголычев
Обросим мурза Кошаев сын Тюменев
Борай мурза Брюшеев сын Тюменев
Илмай мурза Безсонов сын князь Тенишев
Кобяк мурза Кудашев сын Беркутов
250 четъи
Чапкун мурза Досаев сын Бибулатов
240 четъи
Алыш мурза Ернеев сын Тюменев
По 200 четъи
Емикей мурза Сиюшев сын князь Тенишев
Сабай¹¹² мурза Бавкаев
Умарбахтей мурза Ишеев сын Булатов //
[Л.62] Ахмамет мурза Уразлеев
150 четъи
Досай мурза Чюркаев
95 четъи
Алыш мурза Мамкеев
Татаровя казаки
270 четъи
Алмай Уразлеев

¹¹¹ Так в ркп.

¹¹² Было: «Сабанай», затем слог «-най» зачеркнут и приписана выносная «-и».

200 четьи
Скилмамёт Тлевлеев
Бигилдей Байгозин сын Еншикеев
По 170 четьи
Досай Уразлеев сын Деле<...>в¹¹³
Емикей Алканаев сын Тинчюрин
Килмамёт Тинчюрин
Енбулат Девлекеев //
[Л.63]
По 100 четьи
Баймомёт Тинчюрин
Ишмамёт Биляков
Уразлей Еналеев
По 80 четьи
Алебак Тинкеев
Семеней Иваков сын Кузюков
Ушахватко Ерлыганов сын Конеев
По 70 четьи
Толмашко Ишеев
Зормар Енбулаев
Дурсай Бекбулатов
По 60 четьи
Акбулат Янбулатов
Евкай Калин
Алмакай Емаков
Алмай Енбулатов
Бигилдей Исминеев //
[Л.64] Енбулат Ураков
Бибарс Конбаров
Ишмамёт Васильев
50 четьи
Тулубай Килдибяков
40 четьи
Досайко Айтуганов
Новик 147-го году
170 четьи
новокрещен Микулка Семенов сын Мамышев
Новики 148-го году
По 350 четьи
Бибай мурза Уразов сын князь Темирев
Келмай мурза Брюшеев сын Тюменев
Новики 149-го году
300 четьи //
[Л.65] Келмамёт мурза Ишмамётев сын князь Янголычев
250 четьи
Аюкай мурза Девлекаев сын Асакаев
170 четьи

¹¹³ На слове чернильное пятно, не видны четыре буквы.

Кунейко Богданов сын Сюняев
По 80 четьи
Лукъянко Ишеев сын Екшеев
Бектемирко Курманаев
30 четьи
Аюшко Богданов
Новики 152-го году
По 300 четьи, мурзы
Назар мурза Чапаев сын князь Кудашев
Степан мурза Бурнашев сын князь Богданов
250 четьи
Килмай мурза Кучюкаев сын Барашев.
[Окончание скрепы дьяка Пятого Спиридонова] -донов
[Внизу листа помета] 119 ч. //
[Л.65 об.]
Писал Тимошка Безсонов¹¹⁴. //

РГАДА. Ф.210. Оп.9. Ед. хр.174. Столл.2. Л.53–65.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчурин М.М.* О мордовских князьях Алатырского края // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. №4. С.8–11.
2. *Акчурин М.М., Ишеев М.Р.* Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С.4–17.
3. *Акчурин М.М., Ишеев М.Р., Абдиев А.Ш.* Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века). Казань: Институт истории АН РТ, 2021. 316 с.
4. *Беляков А.В.* Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2017. 869 с.
5. *Беляков А.В.* Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. №1. С.72–85. DOI: 10.31857/S086956870004242-7.
6. *Беляков А.В.* Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. №2–3. Рязань: Край, 2006. С.381–405.
7. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
8. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии: в 4 т. СПб.: Тип. II-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1851. Т.II. 976 стб.
9. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.

¹¹⁴ Бессонов (Безсонов) Тимофей – в 1643–1652 гг. подьячий Приказа Казанского дворца [9, с.67].

Информация об авторе:

Белоусов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Поступила 26.09.2023

Принята к публикации 16.10.2023

New documents on the history of the Arzamas,
Kasimov and Tsna service Tatars (1640s)

M.R. Belousov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The work introduces into scientific circulation, investigates and publishes two sets of documents of the 1640s on the history of Arzamas, Kasimov and Tsna service Tatars, each of which includes the "memory" of the Kazan Palace Office to the Military Records Office and the nominal list of service people (the nominal list of "Alatortsy and Kurmyshane, nobleman and deti boyarskie, and Alator, and Arzamas, and Kasimov, and Temnikov, and Kadom princes, and Murzas, and Tatars of the 150 year, who must to be in the sovereign's service in Pereslavl Rezansky from spring in the first half and who must to be to Moscow by the news in the other half"; the nominal list of "Tsna murzas and Tatars, who must to be in the sovereign's service in Pereslavl Rezansky this year, in 153, in the first half and who must to be in the service by the news in the other half, and about the service they must to expect the sovereign's decree"). All documents presented in the work were deposited in the fund of the Military Records Office of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The article gives an archaeographic description of the published documents, and describes the information potential of the nominal lists of service people. The publication is addressed to specialists in social history, the history of public administration, the genealogy of service people, primarily Murzas and Tatar Cossacks, and the source studies of clerical work documents.

Keywords: Kazan Palace Office, Military Records Office, nominal list of service people, memory, Murzas, Tatar-Cossacks, newly-baptised people

For citation: Belousov M.R. New documents on the history of the Arzamas, Kasimov and Tsna service Tatars (1640s). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.147–179. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.147-179> (In Russian)

REFERENCES

1. Akchurin M.M. About the Mordovian princes of the Alatyr region. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2012, no.4, pp.8–11. (In Russian)
2. Akchurin M.M., Isheev M.R. Ethnopolitical structures of the Meschera in the 16th century. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2014, no.6, pp.4–17. (In Russian)

3. Akchurin M.M., Isheev M.R., Abdiev A.Sh. *The era of the Tatar princes in Meshchera (15th–17th centuries)*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 316 p. (In Russian)

4. Belyakov A.V. *Incorporation of the Turkic nobility in Russia: Genghisids in the Moscow State of the 15th–17th centuries: Dissertation of the Doctor of Historical Sciences*. Moscow, 2017. 869 p. (In Russian)

5. Belyakov A.V. Historical geography of Meshchera of the 14th–17th centuries. *Russian History*. 2019, no.1, pp.72–85. DOI: 10.31857/S086956870004242-7. (In Russian)

6. Belyakov A.V. The reviewed list of Kasimov Tatars of the Tsar's court and the Seit's regiment of 1649. *Ryazan antiquity*. 2004–2005, no.2–3. Ryazan: Krai Publ., 2006. Pp.381–405. (In Russian)

7. Veselovskiy S.B. *Dyaks and podyachiys of the 15th–17th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1975. 608 p. (In Russian)

8. *Palace military records, by the highest order issued by the 2nd department of his Imperial Majesty's own Chancellery: in 4 vols*. St. Petersburg: 2nd department of his Imperial Majesty's own Chancellery Publ., 1851. Vol.2. 976 columns. (In Russian)

9. Demidova N.F. *Service bureaucracy in Russia of the 17th century (1625–1700): Biographical reference guide*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoy mysli Publ., 2011. 720 p. (In Russian)

About the author:

Belousov Maxim Rudolfovich – Cand. Sci. (history), Docent, Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Received September 26, 2023

Accepted for publication October 16, 2023

УДК 94(470.41)

Особенности процесса наделения астраханских татар землей в Астраханской губернии в первой половине XIX в. в свете характеристики их социально-правового положения

М.М. Имашева

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации представлен анализ материалов дела «По Указу Правительствующего Сената о наделении землями Кундровских, Юртовских и Эмешных татар», отложившегося в фонде №383 «Первый департамента Министерства государственных имуществ» Российского государственного исторического архива (РГИА). Эти материалы относятся к 1839–1847 гг. Дело было заведено в связи с завершением процесса седентаризации астраханских (юртовских, емешных и кундровских) татар в первой трети XIX в. и необходимостью наделения их землей на основании сенатского указа. Малоосвоенность Астраханской губернии предопределила самую высокую «пропорцию» наделения землей астраханских татар – 15 десятин на душу мужского пола. Документы дела интересны тем, что они проясняют сразу несколько вопросов, связанных с историей астраханских (юртовских) татар: социально-правовой статус (российские подданные и государственные крестьяне), отношение к рекрутской повинности и сумма налогообложения, численность юртовских, емешных и кундровских татар в 1830-е гг.; четкое определение в источнике принадлежности к татарскому миру. Документы, которые представлены в данной публикации, свидетельствуют об интересе российских властей к окончательному закреплению социально-правового статуса татар Астраханской губернии в качестве оседлого податного населения с четко определенным набором государственных повинностей. Также власти были заинтересованы в окончательном определении границ сельских поселений и закреплении за юртовско-татарскими обществами земельных владений во избежание земельных споров между разными собственниками и владельцами.

Ключевые слова: юртовские, емешные и кундровские татары; астраханские татары, норма земельного надела, генеральное межевание, государственные крестьяне, повинности

Для цитирования: Имашева М.М. Особенности процесса наделения астраханских татар землей в Астраханской губернии в первой половине XIX в. в свете характеристики их социально-правового положения // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.180–188. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.180-188>

Астраханская губерния, образованная как особая административная единица еще при Петре Великом в 1717 г., на протяжении всего имперского периода оставалась одной из самых значительных по своим размерам в Европейской части страны [1]. Сегодня это территория сразу нескольких субъектов РФ и Республики Казахстан. Несмотря на свои значительные размеры, на

протяжении столетий Астраханская губерния была одной из самых малозаселенных, и по этим показателям она соответствовала регионам Сибири и Дальнего Востока. Жаркий климат, полупустынные засоливаемые земли, наличие значительного количества жалящих насекомых и опасных для людей представителей животного мира полупустыни – все это делало Астраханскую губернию крайне непривлекательной для оседлого православного земледельческого населения.

По данным переписи 1897 г., население Астраханской губернии насчитывало 1003550 человек (обоего пола). Однако плотность населения оставалась крайне низкой (4,8 человека на 1 кв. версту) и возможности заселения Астраханской губернии были далеко не исчерпаны. Для сравнения: в Саратовской губернии этот показатель составлял 32,6 человека на 1 кв. версту. При этом следует отметить существенный прирост населения в конце века по сравнению с 1852 г. Так, например, по сравнению с 1852 г., в 1897 г. прирост составил 251% [4]. Поэтому для астраханских татар закрепление за ними земель на рубеже 1830–1840-х гг. стало несомненным преимуществом, так как наплыв населения, прежде всего русского, в регион во второй половине XIX в. не сказался на их земельных владениях.

При этом Нижнее Поволжье, полупустыни Прикаспия на протяжении веков являлись центром притяжения для различных кочевых племен и народов. Представляя собой, по сути, ворота из Азии в Европу, астраханские степи, в соединении с Волжско-Каспийским торговым путем, издавна служили одной из главных мировых дорог для передвижения народов. Здесь несколько столетий существовали крупные государства, в средние века располагался центр крупнейшей Евразийской империи – Золотой Орды. После распада последней образовалось самостоятельное татарское Астраханское ханство. Оно было захвачено воеводами Ивана Грозного, и в 1556 г. эти территории вошли в состав Российского государства. Государство всячески способствовало заселению Нижневолжского края русскими переселенцами [2].

По сути это был первый переселенческий проект в истории Российского государства, уже в позднее Новое время он будет реализован в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии. Но, несмотря на то, что здесь была зона, свободная от крепостничества, большое количество свободной земли, массового стремления к переселению в Нижнее Поволжье у русских крестьян не было. Но в целом – край осваивался. Русские села основывались вдоль течения Волги и многочисленных притоков, в дельте. Большую роль играла рыбная промышленность. За исключением нескольких сел, которые принадлежали крупным российским феодалам (они специально переселяли на выкупленные у казны земли крепостных крестьян из Центральной России с тем, чтобы всегда иметь при своем столе рыбные деликатесы), основное русское население было причислено к государственным крестьянам [3]. И в Астраханской губернии, ввиду ее малозаселенности, крестьяне имели право на получение 15 десятин земли на душу мужского пола. А в первые десятилетия XIX в. эта норма была распространена и на астраханских татар – юртовских, емешных и кундровских.

Вблизи города проживали потомки населения Астраханского ханства – юртовские (астраханские) татары, которые в течение XVII–XVIII вв. посте-

ленно переходили от полукочевого к оседлому образу жизни. На местах бывших зимних стоянок к концу XVIII в. было основано более десяти юртовских сел, административно находившихся в Астраханском уезде, – все они перечисляются в тексте документа. Юртовские татары были (и остаются в настоящее время) признанными садоводами, бахчеводами и огородниками. Емешными татарами называли потомков представителей различных тюркских племен и народностей, некогда попавших в плен к юртовцам и ими же ассимилированных. Впоследствии емешные татары полностью слились с юртовскими. Такой же небольшой группой, близкой к юртовским, являются и кундровские татары, в отличие от первых поселившиеся на правом берегу Волги.

В начале XIX в. Российское государство считало необходимым окончательно определиться с сословным статусом астраханских татар, и даже более того, – зафиксировать их подданнические отношения с российской короной. Это было очень важно в связи с тем, что, как следует из текста документов, астраханские татары, несмотря на то, что уже в течение почти трех столетий были в составе Российского государства, даже участвовали во многих его военных кампаниях, продолжали считать себя иностранцами. Можно предположить, что потомки населения Астраханского ханства и в начале XIX в. продолжали считать себя независимыми жителями на своей земле.

Наделение землей астраханских татар по норме 15 десятин на душу мужского пола, впервые зафиксировало ту норму земельного надела, которую русские власти распространяют в будущем на переселенческое население в Казахстане и Средней Азии.

Очень важным, в свете разгоревшихся в последние десятилетия дискуссий об этнической принадлежности юртовцев, представляется заключение Министерства государственных имуществ 1841 г. о том, что юртовские, емешные и кундровские татары не имеют ничего общего с «кочующими в Астраханской губернии киргизами и в Кавказской области магометанскими народами, именуемыми Ногайцами». Очевидно, что чиновники, прежде чем прийти к такому выводу в ходе межевания и ревизий, провели исследование этого вопроса, в том числе и путем «распросов» у самих юртовцев. При этом татарами в материалах дела называется и городское общество Татар Трех дворов – Бухарского, Гилянского и Агрыжанского. По сути, документы зафиксировали одну из стадий процесса формирования этнотерриториальной группы астраханских татар, включившей в себя к началу XX в. трехдворовых татар, юртовских, кундровских, емешных татар, карагашей и татар-переселенцев из Средневожских и Приуральских губерний.

Как видно из текста документа, благодаря решениям правительства и проведенному межеванию на рубеже 1830–1840-х гг. были юридически утверждены границы сел юртовских, емешных и кундровских – астраханских татар. Большинство из них существуют и в настоящее время, за исключением тех, которые вошли в состав города Астрахани. Сами татары получили статус государственных крестьян и самоназвание «юртовские татары» было официально признано и закреплено как властями, так и самими астраханскими татарами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№1. Именной указ, данный Сенату, об обложении проживающих в Астраханской губернии татар пятирублевым сбором. 1839 г.

Находя справедливым, чтобы татары Астраханской губернии, как обитающие в городах, так и сельские обыватели, наделенные достаточным количеством казенной земли, участвовали в платеже государственных податей и в отправлении других повинностей, подобно прочим российским подданным, пользующимися одинаковыми с ними выгодами, мы признали за благо утвердить мнение по сему предмету Министра Финансов, Государственным Советом одобренное, и вследствие того повелеваем:

1) татар, обывателей г.Астрахани, известных под названием Бухарских, Гилянских и Агрыжанских, независимо от лежащей на них обязанности по отправлению земских и городских повинностей, обложить сверх того, особым сбором в казну, впредь до уравниения с коренными российскими подданными по пяти рублей с души и ввести их притом в отправление рекрутской повинности натурою, предоставив им право мелочного торга на одинаковом основании с мещанами.

2) Татар, сельских обывателей Астраханской губернии, известных под названием Юртовских, Кундровских и Емешных, за пользование отведенною им землею, равным образом подвергнуть их, как земским повинностям, так и помянутому сбору по пяти рублей с души, а взамен натуральной рекрутской повинности, платить по тысяче рублей за рекрута, предоставив, впрочем на волю и повинность сию отбывать и натурою, сообразно §9 Рекрутского Устава.

Правительствующий Сенат не оставит сделать по сему соответствующее распоряжение.

РГИА. Ф.383. Оп.2. Д.1591а. Л.4-4 об.

№2. Рапорт Министра государственных имуществ Правительствующему Сенату об удовлетворении землями юртовских, емешных и кундровских татар Астраханской губернии. 30 января 1841 г.

Правительствующий Сенат при указе за №726, препроводил ко мне на предварительное заключение, дело об удовлетворении землями Кундровских, Юртовских и Емешных татар, обитающих в Астраханской губернии.

Главные обстоятельства дела сего заключаются в следующем:

В исполнение Высочайше утвержденного 9 марта 1825 г. мнения Государственного Совета, последовавшего по представлению г. Министра Финансов, даны были Правительствующим Сенатом предписания Астраханской Казенной Палате и Саратовской межевой конторе о наделении Астраханских татар 15-ти десятинной пропорцией земли на душу, в том предположении, что все они имеют в землях недостаток, который препятствует обязать их платить казне подати.

Из донесений Казенной Палаты Правительствующему Сенату и Министерству Финансов оказалось, что у Кундровских татар не только нет недостатка, но еще весьма значительный в землях излишек против 15 десятинной на душу пропорции, у Юртовских же и Эмешных татар, хотя и недостаток, но в Астраханском уезде свободных земель для них ввиду не имеет, а в другом уезде получить добавочную землю получить они не желают, объявляя, что останутся довольными, если утвердятся за ними земли, находящиеся у них в споре с разными владельца-

ми. Как земли Кундровским татарам отмежеваны на основании Высочайше утвержденного 19 мая 1806 года Положения о наделении кочующих народов землями, то Казенная Палата испрашивала разрешения: следует ли выделить им 15 десятинную пропорцию с отобранием от них земель, которые затем останутся.

Рассмотрев вышеизложенные обстоятельства и сообщив их со сведениями, имеющимися в делах вверенного мне Министерства, я нахожу:

1. Дело о наделении Астраханских татар достаточным количеством земли началось в Правительствующем Сенате по причине бывшего в виду Государственного Совета предположения г. Министра Финансов – обложить их податью; когда же из поступивших в Правительствующий Сенат и Министерство Финансов сведений оказалось, что у Кундровских татар не только нет в землях недостатка, но еще значительный излишек против 15-ти десятинной пропорции, а Юртовские и Эмешные татары, хотя имеют недостаток, но в Астраханском уезде свободных земель нет, а в другом уезде получить добавочной земли получить они не желают. Тогда Государственный Совет согласно со мнением г. Министра Финансов, положил, чтобы они участвовали в платежах государственных податей и в отправлении других повинностей, и вследствие этого состоялся 1 марта 1835 г. Высочайший Указ, которым они подвергнуты, за пользование отведенной им землею, как земским повинностям, так и сбору по 5 руб. с души, а взамен натуральной рекрутской повинности платежу 1000 руб. за рекрута, с предоставлением, впрочем, на волю, отбывать повинность сию натурою.

2. Производившаяся, между тем, землемерами Межевой конторы, съемка земель татарских, быв, наконец, кончена, удостоверяет, что у кундровских татар, против 15-ти десятинной пропорции на душу, излишка удобной земли 347514 дес. 1966 саж., а у юртовских и Эмешных недостает 26219 дес. 2005 саж., если не полагать сим, последним, татарам, солонцеватой земли, в удобную, как назначала Межевая Контора. Но по сведениям о Юртовских и Эмешных татарах, имеющих в делах вверенного им Министерства, нуждаются в наделении землею собственно Юртовские татары, кочующие по почтовому тракту, идущему из г. Астрахани в Кавказскую область, называемому Линейным. Высочайше утвержденным 19 мая 1806 г. Положением о наделении кочующих народов землями пунктом 20-м предоставлено Линейным татарам кочевать за калмыками, но на зимовных их местах скота не пасти. В таких-то именно местах они и нуждаются. Как в Астраханской губернии производится ныне Генеральное межевание, то Астраханский военный губернатор оставил это дело впредь до окончания генерального межевания, чтобы потом уже сделать о кочевых татарах решительное распоряжение.

РГИА. Ф.383. Он.2. Д.1591а. Л.5–6, 10 об.–12.

№3. Сообщение 4-го отделения Первого департамента Министерства государственных имуществ астраханскому губернатору И.С. Тимирязеву о наделении юртовских татар землей и уменьшении числа контролирующих их должностных лиц. 3 декабря 1841 г.

...на основании Высочайше утвержденного 26 декабря 1837 г., что Министерство Государственных Имуществ заведывает только теми инородцами, которые не принадлежат к сословию государственных поселян и поименованы в Учреждении особо как то: калмыками, сибирскими инородцами и самоедами, сверх того, кочующими в Астраханской губернии киргизами и в Кавказской области магометанскими народами, именуемыми Ногайцами; другие же подобные немалочисленные

жители России, хотя и подходящие под общее наименование Инородцев, но принадлежащие к сословию государственных поселян, как например, Юртовские, и другие татары, к заведыванию Четвертого Отделения не принадлежат, а дело в оном о наделении сих татар землей производилось уже единственно потому, что, принято было по ошибке, вскоре сразу после открытия министерства.

РГИА. Ф.383. Он.2. Д.1591а. Л.16 об.–17.

№4. Отношение сенатора П.П.Гагарина Министру государственных имуществ о юртовских татарах. 13 июля 1847 г.

Милостивый государь! Граф Павел Дмитриевич!

В числе четырех записок переданных мне через посредство Министерства Юстиции, по коим Вашему Сиятельству угодно иметь мои мнения и из коих по двум я сообщил свои соображения от 7 мая и 4 июня, находится одна о Юртовских татарах. Татары сии домогаются обращения их в звание иностранцев, и хотя со стороны Министерства Государственных Имуществ сделано им надлежащее внушение, что к удовлетворению просьбы их нет никакого основания, но они домогательство свое возобновили, почему Министерство Государственных Имуществ, относя это к внушениям неблагонамеренных людей, препроводило к бывшему военному губернатору Тимирязеву вновь поданную татарами просьбу, дабы открытого между тем поверенного их, удаленного от службы стряпчего Грачевского, ежели он окажется виновным по следствию, предать суду.

По поводу чего имею честь уведомить Вас, Милостивый государь, что означенное следствие останавливались сначала за невысылкою из Санкт-Петербурга Грачевского и ныне приходит к концу; оно должно было раскрыть виновных в тайном сборе денег на посылку и содержание поверенного. Конечно могло способствовать домогательству татар и внушение Грачевского, находившего в том свои расчеты и ныне по сему случаю состоявшего под надзором полиции, но производимое следствие не ослабляет ходатайства татар. Несмотря на двукратно делаемые им внушения, они вновь собирали на сей предмет деньги, что повлекло за собой новое исследование и необходимость принять строжайшие меры через Палату Государственных Имуществ к прекращению обнаружившегося сбора. Без сомнения, главнейшей причиной домогательства их свойственное желание людей привыкших к быту кочевому, скитаться где и как хочет каждый, не подчиняясь управлению правильному и не исполняя никаких повинностей, но со всем тем должно принять во внимание и то, что у этих татар очень мало земли, которою они не могут себя продовольствовать и потому кочуют по следам калмык, на земле сих последних. Именным указом 31 марта 1835 г. признано справедливым, чтобы татары Астраханской губернии, сельские обыватели, наделенные достаточным количеством казенной земли, участвовали в платеже государственных податей и в отправлении других повинностей, но Юртовские достаточного количества земли не имеют, следовательно положенные на них подати, хотя и в уменьшенном размере против русских, им должны казаться отяготительными, несмотря, что о наделении их полною пропорцией, Ваше Сиятельство входили в Правительствующий Сенат, ибо представление это еще не удовлетворено и разрешение оно отнесено к производящемуся генеральному межеванию, которое не кончено, и земли татары не только не получили, но она им и не назначена.

Вполне убежден я, что за силою упомянутого указа от 1 марта 1835 г., юртовские татары никакого права не имеют на права иностранцев, но как основани-

ем этого указа была найденная справедливость, чтобы татар наделенных достаточным количеством казенной земли, подвергнуть к участию в платеже государственных податей, то подвергать Юртовских татар исполнению повинностей до наделения их достаточным количеством земли, из коих некоторые совершенно оной не имеют, будет значить давать им повод жаловаться, а потому не удобнее ли будет наперед наделить им земли и обязать их подпискою жить на оной оседло, а потом уже привести над ними в исполнение Высочайший указ во всей силе и тем лишить их всякой возможности производить дальнейшее домогательство, производимое же следствие нисколько не удерживая их оттого, составляет для них одно отягощение, которое и надлежит оставить без дальнейшего производства, чего здешнее начальство, за требованием Министерство Государственных Имуществ, предать Грачевского суду, не может; в наделении же юртовских татар со временем определению пропорцией земли представляется возможность, как из прилагаемых при сем в копиях двух записок от управляющего Палатою Государственных Имуществ и старшего генерального землемера ускорить изволите.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства Покорнейший слуга.

РГИА. Ф.383. Оп.2. Д.1591а. Л.20–22.

№5. Записка старшего землемера А.Полякова о землях юртовских татар и свободных к заселению государственных землях в Астраханской губернии. 1 июля 1844 г.

Юртовские татары Астраханской губернии Зацаревской волости имеют свободных земель в своих дачах: 1-й селений Зацаревского, Осыпновского, Трехпротокского, Семиковского, Ексатовского, Башмаковского и Каргалинского 9120 дес. 743 саж.

2-й Мошаикского 736 дес. 1880 саж., 3-й Солянки 2311 дес. 1939 саж., и 4-й Биштюбинской 264 дес. 1485 саж. Всего 12433 дес. 1247 саж.

Но юртовских татар в этих селениях считается по 8 ревизии 3290 душ на коих причитается земли 15-десятинной пропорции 49350 дес., следовательно к такой пропорции недостаток 36986 дес. 1153 саж. А селения Царевского, в которой по той же ревизии татар 248 душ и вовсе не имеют у себя никакой дачи, селение их находится на выгонной земле г.Астрахани.

По моему мнению сей недостаток можно пополнить 1-е дачи селения Мошаикского, в которой находится земли удобной 736 дес. 1880 саж., неудобной 233 дес. 520 саж., татар 163 души, недостаток 1708 дес. 520 саж. отдать им во владение ближайшую к ним казенную дикопоросшую землю, лежащую при реке Рыче, в коей удобной 1599 дес. 115 саж., неудобной 641 дес. 697 саж., но как и за этим недостает 19 дес., то Татары чтобы неудобную в сей даче землю, обращали своим вниманием и хозяйственной заботливостью в удобную. 2.-е. Дачи селения Солянки удобной 2311 дес. 1939 саж., неудобной 13746 дес. 1441 саж., татар 934 души, недостаток 11698 дес. 462 саж. – татарам этого селения предоставить переселяться: а) на казенную оброчную статью, находящуюся во владении у татар селения Курочкино, в которой удобной 3152 дес. 1991 саж., неудобной 2918 дес. 1992 саж., где могут водвориться жительством 210 душ. Б) некоторую часть татар можно будет допустить переселением в самое Курочкино, ибо в даче сих татар находится излишней земли 13529 дес. 239 саж., но заселить все это количество невозможно, потому что из него следует вымежевать пропорцию земли к соляным

озерам, о пространстве какого она должна быть, сведений не имеется; с) в селение Зензелинское казанских татар, у коих в даче оказалось излишней земли 6513 дес. 556 саж. каковой причитается на 434 души и д) на казенную землю отрезанную по излишеству от дачи того селения, в коей удобной 4468 дес. 1902 саж. неудобной 2002 дес. 2170 саж. на 297 душ.

3-е Дачи селения Биштюбинского, в которой находится земли удобной 264 дес. 1485 саж. неудобной 812 дес. 383 саж. татар 162 души, недостаток 2165 дес. 915 саж. отрезать в сей даче излишнюю землю 2695 дес. 287 саж. находящуюся в смежной с ним даче селения Кучергановского юртовских татар или предоставить им переселение на эту землю.

4-е Дачи селения Зацаревского, Трехпротокского, Осыпновского и прочих, в которой находится земли удобной 9120 дес. 743 саж. неудобной 12793 дес. 2221 саж. татары 2031 душа недостаток 21344 дес. 1657 саж. отдать им во владение б) смежную казенную оброчную землю, лежащую между рек Таболы и Болды, в которой, по плану сочиненному Черныярским уездным землемером Стародубцевым удобной 4613 дес. неудобной 17560 дес. 1082 саж. Но в той даче по моему замечанию удобной будет более 10 тыс. дес. и неудобной более 25 тыс. дес. ибо от убыли в море воды образовались земли местами сенокосные и поросшие мелким таловым лесом; б) землю оставшуюся за наделением из спорной дачи крестьян наследников гг. Ахматовых и килинчинских татар узаконенной пропорцией, в казенном ведомстве удобной 2683 дес. 2339 саж. неудобной 21082 дес. 1795 саж. и с) землю, лежащую в Красноярском уезде при реке Рыче, бывшего табунного головы Тимбаева, в которой будет примерно удобной более 15 тыс. дес., неудобной 30 тыс. дес., в которую предоставить возможность переселиться как татарам этих селений, так и татарам Царевским, но если последние не согласятся на сие, то не согласятся ли они перейти в общество Астраханских купцов и мещан, в котором они будут иметь свободную торговлю.

Подписал старший землемер Андрей Поляков.

РГИА. Ф.383. Оп.2. Д.1591а. Л.23–26 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астрахань, уезд и губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890-1907.
2. *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижневолжское кн. изд-во, 1973. 47 с.
3. История Астраханского края: монографическое исследование / Викторин В.М. [и др.]; редкол.: гл. ред. Н.М. Ушаков. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1119 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб., 1904.

Информация об авторе:

Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3602-5213; e-mail: imashewa@yandex.ru

Поступила 19.09.2023

Принята к публикации 09.10.2023

Features of the process of allocating land to the Astrakhan Tatars
in the Astrakhan province in the first half of the 19th century
in the light of the characteristics of their socio-legal status

M.M. Imasheva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents an analysis of the materials of the case "By the Decree of the Governing Senate on the allotment of the lands of the Kundra, Yurt and Emesh Tatars", deposited in the fund no.383 "First Department of the Ministry of State Property" of the Russian State Historical Archive. These materials date back to 1839–1847. The case was initiated in connection with the completion of the process of sedentarization of Astrakhan (Yurt, Emesh and Kundra) Tatars in the first third of the 19th century and the need to endow them with land on the basis of a Senate decree. The sparsely populated Astrakhan province predetermined the highest "proportion" of allotment of land to Astrakhan Tatars – 15 tithes per male. The documents of the case are interesting because they clarify several issues related to the history of the Astrakhan (Yurt) Tatars: the socio-legal status (Russian subjects and state peasants), the attitude to conscription and the amount of taxation, the number of Yurt, Emesh and Kundra Tatars in the 1830s; a clear definition in the source of belonging to the Tatar world. The documents presented in this publication indicate the interest of the Russian authorities in the final consolidation of the socio-legal status of the Tatar population of Astrakhan province as a settled taxable population with a clearly defined set of state duties. The authorities were also interested in finalizing the boundaries of rural settlements and securing land holdings for Yurt-Tatar societies in order to avoid land disputes between different owners.

Keywords: Yurt Tatars, Emesh Tatars, Kundra Tatars, Astrakhan Tatars, the norm of land allotment, general surveying, state peasants, duties

For citation: Imasheva M.M. Features of the process of allocating land to the Astrakhan Tatars in the Astrakhan province in the first half of the 19th century in the light of the characteristics of their socio-legal status. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.180–188. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.180-188> (In Russian)

REFERENCES

1. Astrakhan, the county and the province. *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes*. St. Petersburg, 1890–1907. (In Russian)
2. Vaskin N.M. *Settlement of the Astrakhan region*. Volgograd: Nizhnevolzhskoe Publ., 1973. 47 p. (In Russian)
3. *History of the Astrakhan region: monographic study*. Ed. by N.M. Ushakov. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University Publ., 2000. 1119 p. (In Russian)
4. *The first General Population Census of the Russian Empire, 1897 Vol.2*. Astrakhan province. Notebook 2 (last). St. Petersburg, 1904. (In Russian)

About the author:

Imasheva Marina Maratovna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3602-5213; e-mail: imashewa@yandex.ru

Received September 19, 2023

Accepted for publication October 9, 2023

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)

Рецензия на книгу: Саначин С.П. Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани: сборник статей. Кн.2 (Казань, 2022)

И.З. Файзрахманов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В рецензии дана характеристика сборнику трудов известного казанского исследователя истории и архитектуры С.П. Саначина, который посвящен изучению разнообразных вопросов истории Казани и Казанского края XVI–XXI вв. Отмечен большой вклад автора в исследование историко-культурного и историко-архитектурного наследия Казани и региона, показана научная и практическая значимость сборника, являющегося итогом работы исследователя на протяжении многих лет. Подчеркивается авторское мастерство в умении находить интересные детали в известных и малоизвестных источниках, широкое применение сравнительно-сопоставительного метода при их комплексном анализе.

Ключевые слова: Казань, историко-культурного наследие, Казанский Богородицкий монастырь, ансамбль Казанского Кремля, Генеральное межевание 1793–1807 гг., Сибирская застава, Толкишская башня

Для цитирования: Файзрахманов И.З. Рецензия на книгу: Саначин С.П. Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани: сборник статей. Кн.2 (Казань, 2022) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.189–193. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.189-193>

На протяжении столетий Казань развивалась, росла; формировался и менялся не раз, вплоть до неузнаваемости, ее историко-архитектурный облик. К сожалению, не сохранилось зданий ханского периода. Да и более поздняя застройка, вследствие ряда причин (деревянного строительства, плотной застройки и др.), приводивших к катастрофическим последствиям от пожаров, из-за которых сгорали не только отдельные дома, но и целые улицы, кварталы, слободы, центральная часть города, подвергалась полному или почти полному уничтожению с последующим восстановлением уже в иных параметрах и, иногда, совершенно в другой исторической действительности.

Историку, даже очень профессиональному, весьма не просто, а зачастую и невозможно разобраться во всех перипетиях событий, произошедших

в таком большом городе, как Казань. Собственно такая непостижимая цель и не ставится. Важным представляется шаг за шагом исследовать сохранившиеся источники (владеть материалом), опираясь на факты, выстраивать логические цепочки событий, делать сравнения, предположения, которые в итоге позволили бы во всех подробностях описать отдельные сюжеты (владеть методикой), сделать выводы, находить ту изюминку, ради которой работа и была начата, а попутно можно было бы и развенчать ошибки предшественников.

Фундаментальный труд известного казанского исследователя истории и архитектуры Сергея Павловича Саначина «Исследования по истории Казанского

края, преимущественно Казани» (Казань, 2022) включает итоги работ автора за последние несколько лет. Этот 2-й том – продолжение серии его книг по истории Казани и Казанского края, охватывающих события от XVI в. до современности. История произведений архитектуры, биографии их создателей и других лиц, так или иначе имеющих отношение к ним, степень сохранности объектов историко-культурного наследия и многие другие вопросы интересны для казанского исследователя не только сами по себе, а, в первую очередь, определяются его заинтересованностью в раскрытии «белых пятен», загадок прошлого, желании опровергнуть серию мифов («вирусов», как выражается автор), глубоко укоренившихся как в сознании простых обывателей, так и в среде историков, которые в ряде случаев опираются на них в качестве доказательной базы.

Книга С.П. Саначина состоит из 24 очерков, выстроенных в хронологическом порядке, в которых автор в свойственной ему манере тщательно исследует выбранную тематику, открывает для читателя увлекательный мир событий, неизменно подкрепленных большим количеством исторических источников, в первую очередь, старинными изображениями, картами, планами и чертежами, портретами своих героев.

Будучи специалистом-исследователем, в первую очередь, исторической архитектуры Казани, С.П. Саначин уделил особое внимание изучению истории Казанского Богородицкого монастыря. Бесспорен неопценимый вклад автора в исследование комплекса зданий Казанского Кремля. И

здесь он порадовал читателей несколькими сюжетами об истории Спасской башни Кремля, Сююмбекиной башни (уточнена дата строительства), Дворцовой церкви и др. В книге ярко продемонстрирована серия видов новой Казани 1779 г. Сергей Павлович, как положено настоящему исследователю, на старинной карте города 1782 г. определил места установки камеры-обскуры, с помощью которой рисовальщик проецировал контуры предстоящего вида, а после дорисовывал.

Совершенно новые очерки С.П. Саначина о проведении в Казанской губернии Генерального межевания 1793–1807 гг. и о Сибирской заставе и одноименном тракте представляются не только «целинными» по тематике (по выражению автора), но и «целостными» исследованиями, раскрывающими предысторию этих вопросов, их значимость на протяжении долгого периода истории. Автор опровергнул многие ошибочные представления о ссылке декабристов в Сибирь через Казань.

При изложении материала характерным является обращение исследователя к изучению биографий авторов произведений (в том числе планов, карт, чертежей), реконструкции исторических условий, при которых они создавались. Нередко объектами внимания автора становятся известные люди, проживавшие или останавливавшиеся в том или ином здании Казани. В этой связи любопытными кажутся такие сюжеты, как первое «падение» Льва Николаевича Толстого, из-за последствий которого, вероятно, он был вынужден преждевременно окончить учебу в Казанском университете, обстоятельства пребывания Петра I (в 1722 г.), Николая I и цесаревича Александра Николаевича (в 1836 г.) в Казани и др.

Метод С.П. Саначина – акцентировать внимание читателя, казалось бы, на незначительных деталях, которые вкуче с остальными фактами могут дать совершенно иную интерпретацию, заставить критически относиться к источникам информации. Богатый иллюстративный ряд дополнен другими архивными источниками, преимущественно делопроизводственного характера, и документами личного происхождения. Приводится сопоставительный анализ источников, при этом раскрываются ранее незамеченные предшественниками детали в старинных изображениях, картах, планах и т.д.

Например, С.П. Саначин обратил внимание на уникальную гравюру под названием «Вид части Казани, взятый с верхней платформы обсерватории Казанского университета», ранее опубликованную профессором Казанского университета И.М. Симоновым (1838 г.). Гравюра на камне, которая была перенесена с рисунка живописца С.А.Безсонова, запечатлела панораму купеческой (западной) стороны Казани. Она дает возможность пытливому исследователю изучить часть города в период между двух пожаров (1815 и 1842 гг.) [1, с.272–287].

В то же время в ряде случаев можно наблюдать, на наш взгляд, чрезмерно вольное изложение автором своих мыслей, которые можно приписать к его богатой фантазии, но едва ли могут быть приняты как серьезное

доказательство. Например, на рассуждения С.П. Саначина о возможной дозорной функции Сююмбекиной башни за процессом строительства кораблей в Казанском адмиралтействе и за заготовкой дубового корабельного лесоматериала по берегу реки Казанки [1, с.104–105] можно возразить следующее. Во-первых, расстояние между башней и Казанским адмиралтейством несколько километров, с такого расстояния крайне проблематично вести эффективное наблюдение. Во-вторых, даже если наблюдение зафиксировало бы какое-либо нарушение, опять-таки не было бы никакой возможности для оперативного пресечения беспорядков. В-третьих, как можно выяснить по документам, наблюдение и караул в Адмиралтействе и слободе осуществлялись на месте – постоянные военные сторожевые посты, называемые «бекетами» (пикетами), находились как на территории Адмиралтейства, так и в самой слободе, где располагалась значительная часть зданий и имущества предприятия.

Подводя итог, отметим, что книга С.П. Саначина в целом уточняет и исправляет ряд ошибочных фактов и представлений по казанской истории, расширяет источниковую основу для дальнейших исследований. Каждая из 24-х поднимаемых в работе тем – это самостоятельные произведения автора, на основе широкого круга источников реконструирующие различные сюжеты истории Казани и Казанского края начиная с XVI в. Стоит признать, что Сергею Павловичу удалось не просто раскрыть эти сюжеты и сделать ценные выводы – его исследования подталкивают читателя задуматься над многими остающимися дискуссионными вопросами казановедения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Саначин С.П.* Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани: сборник статей. Кн.2. Казань: Изд. ООО «Фолиант», 2022. 450 с.

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Поступила 26.09.2023

Принята к публикации 16.10.2023

Book review: Sanachin S.P. Research on the history of the Kazan region, mainly Kazan: collection of articles. Book 2 (Kazan, 2022)

I.Z. Faizrahmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The review describes the collection of works by the famous Kazan researcher of history and architecture S.P. Sanachin, which is devoted to the study of various issues in the history of Kazan and the Kazan region in the 16th–21st centuries. The author's enormous contribution to the study of the historical, cultural, historical and architectural heritage of Kazan and the region is noted, and the scientific and practical significance of the collection, which is the result of the researcher's work over many years, is shown. The author's skill in the ability to find interesting details in well-known and little-known sources, and the widespread use of the comparative method in their complex analysis are emphasized.

Keywords: Kazan, historical and cultural heritage, Kazan Bogoroditsky Monastery, ensemble of the Kazan Kremlin, General survey of 1793–1807, Siberian outpost, Tolkish Tower

For citation: Faizrahmanov I.Z. Book review: Sanachin S.P. Research on the history of the Kazan region, mainly Kazan: collection of articles. Book 2 (Kazan, 2022) *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.189–193. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.189-193> (In Russian)

REFERENCES

1. Sanachin S.P. *Research on the history of the Kazan region, mainly Kazan: collection of articles. Book 2*. Kazan: Foliant Publ., 2022. 450 p. (In Russian)

About the author:

Faizrahmanov Ilshat Zavatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Received September 26, 2023

Accepted for publication October 16, 2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 93/94

Хасан-Гата Габаши и его вклад в общественное пространство и развитие наук (к 160-летию со дня рождения татарского ученого)

Д.З. Марданова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена памяти Хасан-Гата Габаши, известного татарского ученого и общественного деятеля, педагога и историка, богослова и тюрколога. Выдвижение Габаши мусульманами Уфимской губернии в Государственную Думу 4-го созыва характеризует его как общенационального лидера, а оставленное им наследие – как широко образованного и глубоко мыслящего человека, открытого новым веяниям и течениям. Получив традиционное мусульманское образование в так называемом «старометодном» медресе «Гаффариййа», Габаши постоянно занимался самообразованием. И даже будучи шакирдом «Гаффариййи», изучал предметы, вероятнее всего, критикуемые в стенах этого медресе. Данное обстоятельство раскрывает личность Габаши как самостоятельно мыслящего и смелого человека, способного к независимым поступкам и суждениям, выходящего за существующие стандарты и представления. В подтверждение этого служат многочисленные примеры из его богатой событиями жизни. В связи со 160-летним юбилеем Габаши актуальным представляется обратиться к его наследию в свете его вклада в разные науки и области знания.

Ключевые слова: ислам, Россия, татары, Хасан-Гата Габаши

Для цитирования: Марданова Д.З. Хасан-Гата Габаши и его вклад в общественное пространство и развитие наук (к 160-летию со дня рождения татарского ученого) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.194–203. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.194-203>

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда исследований исламской культуры в рамках гранта Ибн Сины № 2ИСГ/2018.

Введение. В январе 2023 г. исполнилось 160 лет со дня рождения выдающегося татарского религиозного и общественного деятеля, мусульманского богослова, тюрколога, педагога-новатора и историка Хасан-Гата Габаши, еще при жизни заслужившего народную славу, почет и уважение. Для мусульман Волго-Уральского региона он стал общенациональным лидером, что подтверждает выдвижение его кандидатуры мусульманами Уфимской губернии на выборах в Государственную Думу 4-го созыва, активная деятельность

на посту *кади* (шариатский судья) в Оренбургском магометанском духовном собрании мусульман (ОМДС) и многое другое.

Габаши происходил из семьи среднего достатка весьма образованных людей, зарабатывающих на жизнь переписыванием книг и изготовлением надгробных плит. Первые уроки по Корану и грамматике арабского языка Габаши получил от деда и отца. В 1874 г. в возрасте 11 лет его отправили учиться в медресе А.Абдулгафарова «Гаффариийа» при Азимовской мечети города Казани, где он провел 17 лет, сначала как *шакирд* (студент), а затем 5 лет в качестве *хальфы* (помощника преподавателя), занимаясь преподаванием в младших классах.

Во время своей учебы Габаши не ограничивался учебной программой медресе, параллельно изучал русский язык, математику, географию, природоведение, историю и другие предметы. Знание русского языка позволяло ему посещать университетские собрания и мероприятия, общаться с университетской профессурой – профессором-ориенталистом И.Готвальдом, профессором Н.Катановым. Габаши в целом вел достаточно активную жизнь, общался со многими видными деятелями своего времени, среди которых – И.Алкин, И.Ш.Ахмеров, Г.Баруди, М.Бигиев, И.Гаспринский, Г.Исхаки, Ф.Карими, С.Максуди, Г.Махмуди, К.Насыри, Р.Фахреддин и другие. Среди знакомых Габаши отдельно следует выделить его троюродного брата (по материнской линии), широко известного Ш.Марджани, оказавшего важнейшее влияние на мировоззрение Габаши, его богословские и научные взгляды [8].

Педагогика. Известный как педагог-новатор, один из пионеров «новометодной» системы образования, сам Габаши учился в медресе «Гаффариийа», в котором придерживались «старометодной системы образования». Среди изучаемых предметов в его медресе преподавался арабский язык, логика (*мантык*), философия (*хикмат*), мусульманское право и другие исламские науки; естественные науки не изучались; важное место отводилось догматическим диспутам и каламическим спорам между шакирдами. Как сообщает сам Габаши, он «был одним из тех, кто с удовольствием занимался распространенными в то время логикой, каламом и диспутами» и хорошо овладел техникой и этикетом диспута [1, с.411–412]. Свидетельством этому служит написанный в 1886 г. трактат «Нур ал-хакика» («Свет истины») ¹, в котором *хальфа* Габаши вступил в полемику с известным казанским миссионером и священником Маловым Ефимием Александровичем, в ответ на его книгу «Об Адаме по учению Библии и Корана» (1885). Габаши предпринимал попытку опубликовать свою работу «Нур ал-хакика», но трактат не прошел цензорскую проверку и остался неопубликованным, при этом получил некоторое распространение в рукописном виде.

Педагогическая деятельность Габаши началась еще в медресе «Гаффариийа» в качестве учителя младших классов – *хальфы*. В 1889 г. Габаши, покинув это медресе, устроился преподавателем в Мусульманский детский приют казанских предпринимателей – братьев Юнусовых, где одним из первых в Ка-

¹ *Габаши Х.-Г.* Нур ал-хакика // Рукопись (1886 г.), шифр – 120 т. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КФУ.

зани внедрил «новометодную систему образования», предполагавшую обучение детей по звуковому методу. Наряду с религиозными дисциплинами здесь преподавали также русский язык и естественные науки. Параллельно с преподаванием, в 1889 г. Габаши опубликовал сочинение по педагогике «*Тәрбияле бала*» («Воспитанный ребенок»). В 1890 г. вернулся в родную деревню Малый Сулабаш, где занял должность имам-хатыба в мечети, стал преподавать в медресе. В 1888–1889 гг. Габаши активно участвовал в кампании по отмене закона об образовательном цензе для мусульманского духовенства.

В конце XIX в. ОМДС позиционировало себя как центр распространения джадидских идей. После переезда в Уфу по приглашению муфтия М. Султанова, Габаши стал одним из активных двигателей джадидских идей, среди которых важное место заняли идеи по реформированию системы образования. В Уфе Габаши писал учебную литературу, преподавал в «новометодных» медресе «*Галия*» и «*Усмания*».

Важным начинанием Габаши стала помощь арестантам-мусульманам, для которых его усилиями наладили систему образования в тюрьмах. В 1897 г. Габаши вместе с редактором «Уфимских ведомостей» Озеровым открыл в Уфе две ремесленные школы: одну для детей из бедных семей – «Дом трудолюбия», другую – для татарских детей в Старой Уфе, где преподавателем был назначен *хальфа* Гариф, известный своими прогрессивными взглядами на преподавание.

Важным событием стал созыв 6 января 1898 г. учредительного собрания неофициальной организации «*Ислахий мәктәб вә нәшери мәгарифе мәслимин*» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий») – первого общества, основанного на принципах добровольности и вызвавшегося решать насущные общенациональные проблемы [4, с.130]. Оно было собрано по инициативе Габаши и Фахреддина, и с разрешения муфтия в Уфу были приглашены представители Казанского, Оренбургского, Троицкого, Петропавловского, Семипалатного и других татарских городских сообществ: студенты, писатели, редакторы, новоиспеченные имамы, учителя, преподаватели, воспитатели. Целью собрания была подготовка для населения книг на родном «тюркском» языке, установка некоторых правил письма, утверждение предметов, которые будут преподаваться в 4-летней начальной школе, выявление необходимых учебных пособий и определение их авторов.

Вернувшись в 1899 г. обратно в деревню, при поддержке оренбургского купца и крупного мецената Ахмада Хусаинова Габаши открыл в Малом Сулабаше «новометодное» медресе, получившее в народе название «Сулабашский университет». Здесь, помимо традиционных предметов, преподавали историю, культуру народов Востока, географию, родной язык.

После революции 1905–1907 гг. среди мусульман усилился интерес к образованию и Духовное собрание назначило Габаши куратором народного просвещения.

В июне 1917 г. при ОМДС под председательством Габаши состоялось совещание по образованию, в результате которого было решено передать религиозные школы от правительства в сферу деятельности Духовного собрания. В

1917–1918 гг. Габаши был председателем «*Бөтенрусия руханилар иттифақы*» (Всероссийского союза духовенства). С 1918 г. Габаши – мухтасиб второго мухтасибата Казанского уезда с центром в родном ауле; занимался исторической и педагогической деятельностью. В 1923 г. на съезде духовенства при Центральном духовном управлении мусульман (ЦДУМ) Габаши избрали членом *Голямалар Шурасы* (Совет улемов).

Педагогика наряду с историей стала важнейшим направлением в жизни Габаши. Важно отметить, что сам Габаши, овладев «старым методом» в медресе, стал активным сторонником «новометодной» системы образования, занявшись распространением просвещения вначале в Казани, затем в Малом Сулабаше и Уфе.

Право. Первые сочинения по праву и богословию Габаши написал еще в медресе. Прежде всего богословский ответ Габаши «*Нур ал-хакика*» (1886) на миссионерское сочинение Малова, о чем ранее упоминалось. В 1890 г. появилось исследование по мусульманскому праву «*Усуле фикх тарихы*» («Основы по истории фикха»). Он перевел и издал труд Александра Казем-Бека (1802–1870) о ханафитском мазхабе. Следует отметить, что Габаши не был сугубо кабинетным ученым и теоретиком, писавшим книги и учебники по вопросам права, но и сам принимал активное участие в решении правовых вопросов на посту *кади* в ОМДС.

В 1895 г. Габаши отправил свой проект-резолюцию по вопросу усовершенствования действующего законодательства об исламских институтах муфтию М.Султанову. Вслед за этим молодого Габаши пригласили на пост *кади* в ОМДС – так начался его первый уфимский период (1895–1899). Габаши совместно с Р.Фахрединим не только внес большой вклад в улучшение деятельности ОМДС и придал новый импульс работе судебной власти, но и изменил ее качество.

По указу императора Николая II от 12 декабря 1904 г. правительству предписывалось отменить статьи в русском законодательстве, касающиеся дискриминации нерусских народов по религиозным статьям. В связи с этим указом в Уфе собрали съезд религиозных деятелей по обсуждению мусульманского проекта. Габаши, проживавший тогда в Малом Сулабаше, не смог приехать на съезд, но направил свои предложения, которые впоследствии активно использовались при подготовке совместного мусульманского проекта. В 1908 г. его вновь избрали *кади* – начался более плодотворный второй уфимский период (1908–1914). Одним из показательных примеров практической правовой деятельности Габаши стали в числе прочих его сочинения по защите музыки и искусств.

Музыка и искусства. В традиционном татарском исламе тема дозволенности музыки обсуждалась богословами и правоведами на рубеже XIX–XX вв. на фоне роста интереса к национальной культуре и искусствам. Богословское обоснование в защиту музыки подготовили хорошо известные мусульманские деятели и ученые – Р.Фахредин, Х.Кильдебак и Габаши [6, с.208]. Хотя их сочинения имели определенную практическую задачу, общим для них стало –

стремление показать отсутствие твердого запрета в Коране и сунне на музыку; определить этические составляющие музыки, степень «греховности» и «дозволенности» музыки.

Более всех в этом вопросе продвинулся, пожалуй, Габаши, который не просто дал теоретическое обоснование дозволенности музыки, но и примером собственной жизни показал важность музыки в повседневной жизни. Будучи *кадием*, по просьбе уральского генерал-губернатора, он подготовил служебную записку о легитимности концертов в связи с неоднозначной реакцией мусульман на музыкальные концерты.

Габаши показал ключевую роль музыки и искусства в духовном бытии народа. В своих сочинениях *«Шигырь вэ гыйна хакында голяма вэ фикъһе исламының фикерләре»* («Взгляды исламских ученых и правоведов на стихи и музыку») (1915?) и *«“Өмед” пароходы турында»* («О пароходе “Надежда”») (1912) он подчеркивает важное значение музыки для человека, ее влияние на воспитание. Неслучайно сын Габаши – Султан Габаши – стал первым профессиональным татарским композитором. Габаши, обнаружив музыкальные способности у сына Султана, нашел для него в Уфе педагога-пианиста. По воспоминаниям Султана Габаши, сам Хасан-Гата Габаши играл на нескольких музыкальных инструментах – в детстве на татарском курае, позднее освоил немецкую гармонику, исполнял татарские мотивы на пианино.

В лице Габаши и его семьи музыка нашла не только своих почитателей и последователей, но также тех, кто продвигал музыкальную культуру в массы. Первая опера на татарском языке *«Саня»* написана Султаном Габаши в соавторстве с Газизом Альмухаметовым в родном селе Хасан-Гата и Султана Габаши – Малый Сулабаш. Там же была написана первая в истории татарского театра музыкальная драма *«Зулейха»* по пьесе Гаяза Исхаки.

Заслуги Габаши в распространении музыкальной культуры подтверждаются также следующим событием. Перед возвращением в родную деревню в 1914 г. городская интеллигенция Уфы, отдавая дань уважения Габаши, вручила ему список с перечнем его самых важных достижений, среди которых упоминались и его заслуги в защите и распространении музыки и литературы: «Вы были защитником нападков на нашу литературу и музыку, которые очень важны для нашей национальной жизни, своими действиями показав, что это хорошее дело» [5]. Усилиями Габаши создается религиозно-правовая основа для проведения музыкально-литературных вечеров с участием шакирдов таких медресе, как *«Галия»* и *«Усмания»*.

Как проверяется настоящая любовь и дружба испытаниями, так и отношение Габаши к музыке доставило ему немало трудностей. Активная деятельность Габаши по продвижению реформаторских идей, в том числе о дозволенности искусства и музыки, несмотря на поддержку муфтия и части религиозной элиты, спровоцировала критику и серьезное противостояние со стороны консервативно настроенных религиозных кругов. Габаши часто оказывался в самой гуще событий, нередко становясь главным героем разгорающихся дискуссий, которые даже привели к развитию некоей «душевной болезни», из-за которой он был вынужден вернуться на родину в Малый Сула-

баш. Лекарством для него, как это не парадоксально, стала именно музыка, которую ему «прописали» врачи для лечения «сильной нервной болезни».

Сложившиеся к началу XX в. представления о недозволённости музыки не отвечали окружающим реалиям. Постепенно музыкальная культура все более проникала в общественное пространство и религиозную среду, становясь неотъемлемой частью повседневности татар-мусульман, и Хасан-Гата Габаши внес заметный вклад в решение этого вопроса.

История. Во второй половине XIX в. в России широко распространились национальные идеи. В татарской среде они нашли отражение в творчестве Юсуфа Акчуры, Садри Максуди, Фуада Туктарова, Заки Валиди, Султана Галиева и других [9, с.213]. Их обсуждали наряду с вопросами о национальной истории, едином литературном языке, реформировании системы образования, религиозной реформе и другими. Интерес к национальной истории начался с Марджани, который сместил курс исторического нарратива с религиозной исламской истории к национальной. Благодаря чему к 1900–1910 гг. появилась целая серия исторических сочинений, среди которых работы Г.Ахмерова, З.Валиди, Г.Баттала, М.Рамзи и написавшего несколько исторических сочинений Габаши.

Первое историческое сочинение Габаши – краткий энциклопедический информационный буклет *«Төрөк ыруглары»* («Тюрские народности», 1897), адресованный начальным школам. За ним последовало сочинение *«Мохтасар тарихе кауме төрки»* («Краткая история тюркского народа», 1907), подготовленное по просьбе учителей, в числе которых Г.Баруди, оно было предназначено для средней школы.

Наиболее значимым оказался фундаментальный труд Габаши по истории тюрков, их месте и роли в мировой истории *«Мөфассал тарихе кауме төрки»* («Подробная история тюрков») [2]. Работа была опубликована в Казани в 1909 г. Габаши поддержал болгарскую концепцию Марджани об этногенезе татарского народа. Первым среди татарских историков он выделил основные этапы тюркской истории, исследовал древнейшие периоды в истории тюркских и финно-угорских племен, их традиции и обычаи, быт, ремесла, торговлю. Габаши предложил собственную тюркскую периодизацию: «Древняя эпоха – Средние века – Новое время». Древняя эпоха (доболгарский и болгарский периоды), средневековая (от начала монгольского завоевания до падения Казанского ханства), новая (от падения Казани до наших дней). По мнению Габаши, болгары появились в результате смешения тюркских и финно-угорских племен. Тюрки, будучи самым главным и древним туранским народом, расселились на огромные территории, в том числе на юге до Дуная, затем на восток к Северному Причерноморью и Приазовью, включая Закавказье, Азербайджан, берега Хазарского моря, Сырдарья и Амударья и далее. В числе тюрков у Габаши, наряду с гуннами, аварами, уграми, болгарями, хазарами, кипчаками, татарами, монголами, оказались также ираноязычные народы – скифы,

сарматы, массагеты, аланы и другие². Схожей стратегии причисления к тюркам нетюркских народов придерживался современник Габаши, автор другой тюркской истории – Мурад Рамзи [7].

«*Мефассал тарихе кауме төрки*» принесла Габаши наибольшую известность и признание. Это сочинение обсуждали на заседании «Общества археологии и этнографии» в Казанском университете. Габаши получил множество писем со всей России с восторженными откликами читателей. Даже турецкий султан Мехмед V, высоко оценив труд ученого, прислал ему в подарок четки из драгоценных камней, золотые часы и большой ковер. С приходом к власти большевиков Габаши оставил общественную деятельность и все свое время посвятил историческим исследованиям и преподаванию на различных учительских курсах.

В своей работе Габаши не ограничивался арабскими и персидскими историческими сочинениями. Он совмещал «восточную» и «западную» традиции: обращался к трудам Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других историков. Изучал историю сел и деревень Закавказья, то есть обращался к некоему формату «микроисторического» подхода.

Общественно-политическая деятельность. Еще одним направлением, заслужившим внимание Габаши, стала медицина. Не являясь профессиональным медиком, Габаши писал не медицинские трактаты, он занимался популяризацией медицинских знаний. Его сочинение «*Сагълык*» («*Саулык*») («Здоровье») (1890) являлось переводом-компиляцией из русских книг, в котором автор обучал молодежь тому, как противостоять различным болезням, соблюдать правила личной гигиены, быть здоровым. Уфимское отделение Всероссийского общества профилактики туберкулеза в лице Габаши добилось больших успехов в разъяснении и предупреждении распространения болезни среди татар и башкир, проводилась диспансеризация и разъяснительная работа в сельской местности, в тюрьмах путем приглашения врачей-мусульман. Габаши занимался популяризацией медицинских знаний о профилактике болезней глаз, уха, носа, кожи, а также обусловленного невнимательным отношением к питанию болезней желудка и других внутренних органов, простудных и инфекционных заболеваний и т.д. [4, с.127].

Несколько выбивающимся из общей жизненной канвы Габаши, как кажется, стало его избрание членом «Общества садоводства, пчеловодства, плодоводства и огородничества» при Уфимском уездном земстве, он организовал занятия по изучению передовой техники, распространяет среди мусульман книги на родном языке. Также он помогал татарским крестьянам, незнающим земельного планирования и межевания. Для них Габаши в 1893 г. подготовил

² В частности, аланы – ираноязычный народ, чье происхождение ряд специалистов связывают с образованием нового военно-политического союза сарматов, сменившего аорсов и сираков. К 570-м гг. аланы попали в зависимость от Тюркского каганата; к концу VII в. вошли в состав Хазарского каганата, сохранив частичную самостоятельность. Подробнее см. [3].

буклет «*Мәсахәтәл әрз*» («Жалобы арендодателя») по обмеру и составлению плана земельного надела.

С ухудшением российско-турецких отношений в начале XX в. начались притеснения на мусульманских и национальных лидеров, которых обвиняли в распространении панисламистских и пантюркистских идей. В числе притесняемых оказались также сторонники «нового метода». Осознав опасность сложившейся ситуации, в 1911 г. Габаши переехал из Уфы в Казань, там на него посыпались жалобы и доносы, начали приходиться угрозы. В тяжелое время Габаши поддерживали близкие и друзья – Р.Фахреддин, Г.Баруди, Ф.Карими, М.Хади, братья Рамиевы и другие.

Ранимый и находящийся под влиянием общественного мнения, Габаши, видя непонимание своих идей, отошел от общественных дел, приостановив свои исторические исследования, вернулся в Малый Сулабаш. Затворнический период жизни Габаши продолжался до Февральской революции 1917 г., когда он вновь оказался в центре общественно-политической жизни. Он принял активное участие в работе I Всероссийского мусульманского съезда 1–11 мая 1917 г. в Москве, где вместе с И.Алкиным, И.Ахтямовым, М.Бигиевым, Г.Исхаки, Ф.Карими, С.Максуди и другими вошел в состав президиума. Тогда же Габаши выдвигался на должность муфтия ОМДС вместе с Г.Баруди, М.Бигиевым, Г.Буби и С.Максуди (муфтием был избран Г.Баруди). На II Всероссийском съезде мусульман, проходившем в Казани с 17 июля по 2 августа 1917 г., Габаши избрали председателем Всероссийского съезда мусульманского духовенства. Также он выступил в качестве одного из лидеров фракции «федералистов».

Воззрения Габаши, его исторические исследования и в целом мировоззренческие ориентиры не вписывались в большевистскую идеологию и национальную политику. Вначале закрылась мечеть Габаши, а в 1932 г. его «раскулачили» и отправили на исправительные работы в Архангельскую область. Суровые климатические условия и тяжелая работа подорвали и без того слабое здоровье Габаши и в начале 1936 г. его амнистировали. Последние месяцы жизни он провел в родной деревне, где и скончался. Похоронен на кладбище села Малый Сулабаш.

Заключение. Книги и учебники для школ и медресе, религиозные и научные труды Хасан-Гата Габаши, общественная и государственная деятельность ученого раскрывают его как образованного лидера мусульман Волго-Уральского региона.

Жизнь Габаши нельзя назвать простой: он неоднократно менял места жительства, сферы деятельности. При изучении его наследия складывается впечатление, что человеку было интересно все, сама жизнь, ее течение. В его деятельности всегда тесно переплеталась теория и практика, теоретическое осмысление и практическое применение знаний, их внедрение в жизнь и популяризация. Удивительным кажется то, что чем бы Габаши не занимался, куда бы не направлял свою активность – будь то право, история и педагогика, музыка и медицина, он всегда добивался заметных успехов, внося собственный вклад в изучаемую область знания. В этом, пожалуй, и заключен удивительный феномен его личности, широта и глубина его души и таланта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габашин Х.-Г.* Воспоминания о Марджани // Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш.Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. С.410–440.
2. *Габашин Х.-Г.* Всеобщая история тюркских народов. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 248 с.
3. *Гавритухина И.О.* «Аланы» / Большая российская энциклопедия – электронная версия под ред. Кравец С.Л. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1809283> (дата обращения: 01.09.2023).
4. *Загидуллин И.К.* Уфимский курултай 1905 года: монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 328 с.
5. *Загидуллин И.К.* Хэсэнгата Габэши хатирэсе // Фэнни Татарстан. 2015. №2. Б.122–145.
6. Ислам и музыка. Взгляды татарских богословов: учебное пособие / Г.Р. Сайфуллина. Казань: Казан. ун-т, 2013. 208 с.
7. *Мурад Рамзи.* Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи⁴ казан ва булгар ва мулюк ат-татар. Т.1. Уфа: БашГУ; ЦИИНБ «Шежере»; НБ РБ; Китап, 2017. 600 с.
8. *Салихов Р.Р.* Хасангата Габашин // Мирас. 1994. №3. С.103–105.
9. *Хабутдинов А.Ю.* От общины к нации: татары на пути от средневековья к новому времени: конец XVIII – начало XX вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 214 с.

Информация об авторе:

Марданова Динара Замировна – и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г.Абдуллина, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3650-0133; e-mail: dinara.mardanova@gmail.com

Поступила 09.10.2023

Принята к публикации 23.10.2023

Hasan ‘Ata Gabashi and his contribution
to public space and the development of sciences
(to the 160th anniversary of the Tatar scholar)

D.Z. Mardanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is dedicated to the memory of Hassan ‘Ata Gabashi, a famous Tatar scientist and public figure, teacher and historian, theologian and Turkologist. Muslims of the Ufa province nominated Gabashi to the State Duma of the 4th convocation, this fact shows him as a national leader. At the same time, he left a rich legacy through which we see him as a widely educated and deeply thinking person, open to new trends and ideas. Having received a traditional Muslim education in the so-called "old method" madrasah "Ghaffariyya", Gabashi was constantly engaged in self-education. Even as a shakird in "Ghaffariyya" he studied the subjects most likely criticized within the mad-

rasah. This fact reveals Gabashi personality as an independently thinking and courageous person, who is capable of independent actions and judgments, going beyond existing standards and ideas. Numerous examples from his eventful life confirm that. In connection with the 160th anniversary of Gabashi, it seems relevant to turn to his legacy in the light of his contribution to various sciences and fields of knowledge.

Keywords: Islam, Russia, Tatars, Hasan ‘Ata Gabashi

For citation: Mardanova D.Z. Hasan ‘Ata Gabashi and his contribution to public space and the development of sciences (to the 160th anniversary of the Tatar scholar). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023. vol.13, no.4, pp.194–203. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.194-203> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with financial support from the Islamic Culture Research Foundation under the Ibn Sina grant no. 2ИСГ/2018.

REFERENCES

1. Gabashi H.-‘A. Memories of Marjani. *Shikhabutdin Mardzhani. Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of Sh. Marjani, published in Kazan in 1915*. Kazan: Tatar Book Publ., 2015. Pp.410–440. (In Russian)
2. Gabashi H.-‘A. *General History of the Turkic Peoples*. Kazan: Fen Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
3. Gavritukhina I.O. Alans. *Great Russian Encyclopedia – electronic version*. Ed. by S.L. Kravets [Electronic resource]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1809283> (accessed: 09.01.2023) (In Russian)
4. Zagidullin I.K. *Ufa kurultai of 1905: Monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 328 p. (In Russian)
5. Zagidullin I.K. Memories of Hasan ‘Ata Gabashi. *Fenni Tatarstan*, 2015, №2, pp.122–145. (In Tatar)
6. *Islam and music. Views of Tatar theologians: textbook*. Kazan: Kazan University Publ., 2013. 208 p. (In Russian)
7. Murad Ramzi. *Talfik al-akhbar wa talkih al-asar fi vakai‘ kazan wa Bulgar wa mulyuk at-Tatar*. Vol.1. Ufa: Bashkir State University; CSHHB "Shezhere"; National Library of the Republic of Bashkortostan; Kitap Publ., 2017. 600 p. (In Russian)
8. Salikhov R.R. Hasan ‘Ata Gabashi. *Miras*, 1994, no.3, pp.103–105. (In Tatar)
9. Khabutdinov A.Yu. *From community to nation: Tatars on the way from the Middle Ages to Modern Times: the end of the 18th – the beginning of the 20th centuries*. Kazan: Tatar Book Publ., 2008. 214 p. (In Russian)

About the author:

Mardanova Dinara Zamirovna – Acting Head of the Abdullin Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3650-0133; e-mail: dinara.mardanova@gmail.com

Received October 9, 2023

Accepted for publication October 23, 2023

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2023. Том 13, № 4

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2023, vol. 13, no. 4

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 10.11.2023 г. Дата выхода в свет 01.12.2023 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,75 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У

Тел.: (8452) 24 86 33; e-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: <http://amirit.ru>

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф